

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40505

Почтовый индекс журнала 24819

Мир политики и социологии

2012, № 7

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Крылов Д.А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполнкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Оганян К.Н., заведующий кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук, профессор

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Родионова А.К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Хабибулин А.Г., доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Швецов М.Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Щендыргин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2012

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ**История политических и правовых учений, учреждений и процессов**

<i>Алиев Я.Л., Сальников П.П.</i>	Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности	7
<i>Махтаев Ш.И.</i>	Политико-правовые основы развития Киевской Руси как суворенного государства	19

**История, теория, практика политico-правовых институтов
России и зарубежных стран**

<i>Бабаджанов И.Х.</i>	Сущность и смысл человеческой жизни: несколько исторических подходов	24
<i>Александров Р.А., Антонов И.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н.</i>	Независимость суда в России: идеи и реальность	29
<i>Зоиров С.Д.</i>	Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств в Таджикистане и России: сравнительно-правовой анализ	35

**Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая
и государственная власть. Модернизация политической системы**

<i>Сафаралиева С.Г.</i>	Пути совершенствования направлений интеграции науки и высшего образования в Российской Федерации	39
<i>Мирзоев С.Б.</i>	Конституционный контроль и надзор: некоторые дискуссионные вопросы понятия	48

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

<i>Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г.</i>	Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства	57
--	--	----

**Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики.
Примиrительные процедуры разрешения споров**

<i>Маракулина К.А.</i>	Транспарентность социально ориентированных некоммерческих организаций в России: политический анализ и прогноз	65
------------------------	--	----

**Социология. Социология и реализация демографических программ.
Политика в области материнства и детства**

<i>Оганян К.М.</i>	Регуляторы социального действия в организационной культуре организации	72
--------------------	--	----

**Национальная, государственная, экономическая, финансовая информационная
и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность
и экономическая интеграция**

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль: законодательные основы и общая характеристика	77
<i>Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н.</i>	Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности	89
Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды		
<i>Фролов В.В., Фролова О.В.</i>	Возникновение наркоугрозы в Российской империи в конце XIX – начале XX века и современные проблемы борьбы с наркопреступностью: сравнительный анализ наркоситуации	97
<i>Пиров М.Т.</i>	Организация борьбы с торговлей людьми в Республике Таджикистан	101
Правосознание. Правовая культура. Социология права		
<i>Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л.</i>	Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника	105
<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М.</i>	Познание права: социологический подход	114
<i>Захарцев С.И.</i>	Философия права: некоторые размышления по поводу предмета	122
Информация для авторов		132

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

Aliev Ya.L.	Police traditions as a relation and continuity of the Russian statehood history	7
Sal'nikov P.P.		

Makhtaev Sh.I.	Political-and-legal foundations for the development of Kievan Rus' as a sovereign state	19

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

Babadzhanov I.Kh.	The essence and meaning of human life: several historical approaches	24

Aleksandrov R.A., Antonov I.A., Gorlenko V.A., Kondrat I.N.	Independence of the court in Russia: ideas and reality	29

Zoirov S.D.	Criminal liability for illegal drug trafficking in Tajikistan and Russia: comparative legal analysis	35

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

Safaralieva S.G.	Ways to improve the areas of science and higher education integration in the Russian Federation	39

Mirzoev S.B.	Constitutional control and supervision: some debatable issues of the concept	48

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

Babadzhanov I.Kh., Reuf VM., Khasanova S.G.	Law enforcement activities as a social value: some issues of legal protection for the individual, society and state	57

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

Marakulina K.A.	Transparency of socially-oriented non-profit organizations in Russia: political analysis and forecast	65

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

Oganyan K.M.	Social action regulators in the organizational culture of the institution	72

National, state, economic, financial, informational, environmental and military security. Foreign policy, foreign policy and international integration

Kondrat E.N.	External state and municipal financial control: legislative framework and general characteristic	77

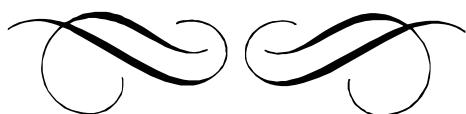
<i>Maksimenko N.G.</i>	State legal ideology and the policy of ensuring national security	89
<i>Reuf V.M.</i>		
<i>Udychak F.N.</i>		

**Human, society and state security.
Environmental security and legal aspects of environmental protection**

<i>Frolov V.V.</i>	The emergence of drug threat in the Russian Empire	
<i>Frolova O.V.</i>	in the late 19th – early 20th century and contemporary problems of struggle	
	against drug-related crimes: comparative analysis of drug abuse situation	97
<i>Pirov M.T.</i>	Organization of the fight against human trafficking in the Republic of Tajikistan	101

Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law.

<i>Aliev Ya.L., Aruev K.B., Sal'nikov S.P., Tret'yakov I.L.</i>	Motives of motor vehicle crimes: general characteristic of the criminal personality	105
<i>Artamonova G.K., Gorbashev V.V., Retunskaya T.P., Reuf V.M.</i>	Cognition of law: sociological approach	114
<i>Zakhartzev S.I.</i>	Philosophy of law: some cogitations concerning the subject matter	122
Information for the authors		132

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор Саратовского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТРАДИЦИИ ПОЛИЦИИ КАК СВЯЗЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются традиции полиции и их обусловленность историей российской государственности. Их возникновение и развитие неразрывно связаны с процессом становления и развития конкретной политической, правовой и правоохранительной системами. Кроме того, их история неотделима от истории всего мира, от процесса развития человека и человечества, начиная с древнейших времен и кончая современностью.

Процесс становления традиций полиции авторы разделяют на несколько этапов. Подробно исследуют особенности анализируемого явления на каждом из этапов, приводят интересные исторические примеры. Привлекая историческую и историко-правовую литературу, предлагают свое видение традиций полиции в рамках каждого исторического периода.

Отличительной особенностью статьи является тщательно продуманные и проводимые в ней авторские выводы. Они характеризуют не совсем обычный подход исследователей к проблеме, свидетельствуют о большом их беспокойстве за судьбу Родины, ее процветание и великое будущее.

Ключевые слова: политическая и правовая система; правоохранительная деятельность; история государственности; государство; право; закон; традиции; полиция; органы внутренних дел; этапы; периоды; историческая преемственность; исторические примеры.

ALIEV Ya.L.
SAL'NIKOV P.P.

POLICE TRADITIONS AS A RELATION AND CONTINUITY OF THE RUSSIAN STATEHOOD HISTORY

The summary. The article considers the traditions of the police and their dependence on the history of Russian statehood. The origin and development of them are inexorably associated with

the process of formation and development of specific political, legal and law-enforcement systems. Besides, their history is inseparable from the history of the whole world, from the process of human and humankind development starting from the most ancient times finishing with the present.

The authors divide the formation process for the police traditions into several stages. They do a detailed research in the features of the analyzed phenomenon, give interesting historical examples. Involving historical and historical-and-legal literature the authors propose their vision over the police traditions within each period of history.

The distinctive feature of the article is presented by the conclusions carefully thought-out and carried out by the authors. They are characterized by an unusual approach of the researchers to the issue; indicate their deep concern about the destiny of the Homeland, its prosperity and great future.

Key words: political and legal system; law enforcement activities; statehood history; the state; justice; law; traditions; police; law enforcement agencies; stages; periods; historical continuity; historical examples.

Возникновение традиций полиции, в том числе традиций органов внутренних дел России, неразрывно связано с историей государства, права, с процессом становления и развития конкретной политической и правовой, а также правоохранительной систем [2; 3; 7; 9; 12; 13; 10; 16; 21; 22; 27; 41; 43; 44; 45; 47; 50; 51; 59; 60]. Их становление и формирование имеют свои корни и в истории многих стран и народов Европы, Азии, Средней Азии, Америки и даже Африки. Более того, история традиций полиции неотделима от общей истории всех народов мира, от процесса развития человека и человечества, начиная с древнейших времен и кончая современностью. Возникновение человека, процесс его определенного отчуждения от природы, возникновение цивилизации есть, прежде всего, процесс эволюции, формирования сознания от его низших ступеней и форм до теоретического уровня мышления, науки, культуры и искусства. Основой этого процесса является развитие общественного бытия, прежде всего, общественного производства, орудий труда, освоения человеком сил и возможностей природы. От первого древнего человека ведет свое начало современное человечество. Человек осваивал окружающий его мир в процессе приспособления, познания природы. Он постоянно сталкивался с враждебностью и стихией сил природы. В упорном труде и постоянной борьбе расширял и углублял как пространство своего обитания и жизнедеятельности, так и масштабы, характер, уровень и формы своего сознания.

Процесс становления традиций полиции

относительно условно можно разделить на следующие основные этапы.

Первый этап – социальное расслоение первобытного общества на основе продолжающегося разделения труда, появления новых орудий труда и новых способов производства, обеспечивающих объективную возможность создания некоторых излишков продуктов питания и предметов быта, необходимых для удовлетворения насущных потребностей людей, и, что более важно, для присвоения этих излишков вождями племени, рода и их приближенными. На этом этапе племя и род не представляют собой единую социальную общность. Они разделены на вождей, их приближенных и остальных членов, обязанных подчиняться воле вождей. Однако и на этой стадии воля вождей отражает волю и интересы всех членов племени. Этот этап относится, по данным ученых, к периоду, насчитывающему 700-800 тыс. лет тому назад [1].

Эта так называемая неандертальская стадия антропогенеза, на которой закладываются биологические основы многих видов человеческой деятельности: пантомимы, театра, скульптуры, живописи, воинского искусства, разработки операций, прогнозирования ситуации и т. д. Интенсивно развивается абстрактное мышление. Так же, как и на предыдущих стадиях, происходят аналогичные процессы. Сохраняются самоуправление, парная семья, коллектив парных семей. Усиливается общественное воспитание подрастающего поколения. В очередной раз подсказывает возраст полового созревания.

Сохраняется интимность семейных половых отношений. Происходит дальнейшая деградация репродуктивной системы в соответствующих фазах онтогенеза и подтягивание ее к новому сроку полового созревания. Наблюдаются две подстадии: поисковая и стабильная, но с очень размытыми границами ввиду того, что способы охоты, формы обучения и жизнедеятельности находились в постоянном развитии, т. е. как бы шел непрерывный процесс перехода биологического в социальное и социального в биологическое, необходимости в потребность. Расширяется ойкумена (демо- и география расселения), растет численность населения. Отражение неандертальской стадии антропогенеза в современном человеке наиболее ярко находит в возрасте от 12 до 16-17 лет: кучкование, выбор идеала для подражания, как правило, не из родителей, испытание себя в критических ситуациях, как правило, искусственно создаваемых, и т. д.

Уже на этой стадии складываются определенные, апробированные практикой формы деятельности, поведения и мышления. Тем самым создаются принципиальные основы формирования традиций.

Второй этап – возникновение частной собственности в ее первичных рабовладельческих формах, классов (рабов и рабовладельцев), государства и права, первоначальных атрибутов политической и правовой системы, возникновение войны как способа разрешения противоречий между государствами для завоевания новых жизненных территорий, богатства и, главное, рабов как основной производительной силы. Этот этап относится к периоду, приблизительно отстоящему на 14-12 тыс. лет до н. э. Этому периоду предшествовали более ранние формы вооруженного противостояния между племенами и родами. Человек, в конце концов, вынужден был освоить войну, вооруженную борьбу, как для защиты своей кормовой территории, так и для проникновения на чужую территорию при истощении своей кормовой территории [53, стр. 258; 54].

На этом этапе традиции существуют уже в их развитом виде и формах, соответствующих основным формам производства, общественных отношений и жизнедеятельности. Тогда уже существовали и полицейские традиции, поскольку функция подавления сопротивления рабов,

поддержания их повиновения, а также функция охраны существующего общественного строя была одной из ключевых. В общественных отношениях они выражались в виде определенной структуры, содержания, форм и социальной направленности законодательства, способов и форм ведения вооруженной борьбы, подавления выступлений рабов и недовольства со стороны всех элементов, противостоявших существующим политическим режимам.

В общественном сознании традиции проявлялись как определенная социальная психология, характерные обычаи, обряды и ритуалы, как модели и стили мышления, понятия, а также как определенные формы и способы поддержания общественной безопасности и общественного порядка, как стереотипы взаимоотношений между государством, его социальными силами и обществом, государством и гражданином или рабом.

Например, в Древней Спарте всячески насаждались военные традиции, приверженность населения к военному делу, военной службе и применению вооруженного насилия. Жизнь каждого спартиата с момента рождения находилась под неослабным наблюдением государства. До 8-летнего возраста мальчики жили в семье. Далее они объединялись в группы – агелы («стада»), находившиеся в ведении высокоточных должностных лиц – государственных воспитателей, которые стремились путем суровой муштры сделать из мальчиков первоклассных воинов. Помимо военно-гимнастической тренировки их подвергали лишениям (голод, холод) и поощряли их попытки любыми средствами добывать себе пищу, не нарушая формальной дисциплины. С 12 лет суровость воспитания усиливалась. Развивалось умение кратчайшим образом излагать свои мысли. Мальчиков подвергали разного рода истязаниям, чтобы приучить легко переносить физически страдания. В 18 лет воспитание спартиатов заканчивалось. В 21 год юноша становился воином-спартиатом и сам должен был участвовать в тренировке младшего поколения. Все спартиаты в возрасте от 20 до 60 лет находились на военной службе. Войско подразделялось на пять основных боевых соединений – лохов, по одному от каждой из пяти «деревень», на которые был разделен центр спартанского государства. Лох состоялся из «сплоченных клятвой дружин». Клятва была

основной формой проявления верности спартанским устоям и приверженности военным традициям [11, стр. 95-97; 29].

Третий этап – возникновение феодальных и буржуазных государств в странах Европы и Азии, в том числе в Италии, Испании, Франции, Германии, России, Индии, Китае, Японии и др. Этот период охватывает разные исторические эпохи, относящиеся к I – XIV векам н. э. Уже тогда в этих государствах появились достаточно развитые формы государственности и права. В том числе зарождались и развивались формы позднефеодальной и буржуазной демократии, включавшие в себя определенные демократические полицейские традиции. Именно демократические полицейские традиции явились предтечей и предысторией современных традиций полиции.

Наглядным примером может служить история французской полиции и, в частности, полиции Парижа XV – XVIII веков. Полицию Парижа называли «Большим ухом». Так народная молва нарекла столичную полицию, которая в сознании рядовых парижан как бы ассоциируется с неким гигантским слуховым аппаратом, бдительно улавливающим все, что представляется властью имущим интересным на улице и за стенами частных домов, в бистро, на стадионе и рабочем митинге, в университетской аудитории и на собрании религиозной общины. Видимо, эту гиперболу имел в виду Маркс, когда сравнивал полицию прусского буржуазно-юнкерского государства с ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес собственника «подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает» [28, стр. 142].

Известный историк и публицист Г. Файкс [8, стр. 112-143] показывает достаточно пеструю картину истории парижской полиции, непосредственно связывая ее с историей закрепления, а затем и падения абсолютизма во Франции, победой Великой французской революции 1789 – 1794 гг. Он подчеркивает, что именно с поражением французской революции в истории Парижской полиции возникла новая полицейская традиция – традиция политического сыска. Она означала расцвет провокации как основного метода борьбы с политическими противниками, что сделало французскую полицию того времени образцом для всех реакционных режимов в Европе, в том числе и для царской России [8].

Для ранних и современных буржуазных традиций характерна их противоречивость, направленность, с одной стороны, на охрану существующего строя, порядка и, с другой стороны – на охрану прав человека и гражданина. По Файксу, уже с начала XIX века усилилась традиция централизации управления в виде тенденции к ликвидации укоренившегося разделения полиции на две части – на муниципальную и государственную. В XX веке эта традиция занимала господствующее положение. Законом от 9 июля 1969 года полиция Парижа была «этатизирована». Она утратила вместе с былой автономией и свой статус муниципального учреждения. В декабре 1966 г. была ликвидирована Генеральная дирекция национальной безопасности (знаменитая Сюрте Насьональ), взамен была создана Генеральная дирекция национальной полиции, которой подчинена и Парижская полицейская префектура [61, р. 29-38]. В 1971 году была проведена реформа жандармерии, которая стала называться национальной жандармерией [62, р. 79-82].

Важное место стала занимать традиция профессионализма, означавшая устойчивую тенденцию к повышению уровня профессионального мастерства и качества подготовки кадров полиции [8, стр. 16].

Четвертый этап – возникновение и развитие собственно российской государственности, российского права и российских государственно-национальных традиций. Этот этап охватывает практически всю историю России, начиная с конца I века до настоящего времени.

Зарождение российских полицейских традиций связано, во-первых, с полицейскими традициями западноевропейских стран, особенно, Италии, Франции, Германии, и, во-вторых, что более существенно, с разложением первобытно-общинных отношений, становлением и укреплением государственного строительства. Полицейские и милицейские традиции России неотделимы от традиций коллективного общинного труда, борьбы народов России за свое социальное освобождение, за независимость и укрепление национального единства.

По заключению известного русского историка В.О. Ключевского, «при сравнительной простоте строя наше общество строилось по своему под действием местного подбора и соотношений условий местной жизни. Рассматривая эти условия в самую раннюю пору сравнительно с

действовавшими в Западной Европе, найдем и первоначальный источник обеих особенностей нашей истории, так облегчающих изучение ее общественных явлений. С первобытным культурным запасом, принадлежавшим всем арийским племенам и едва ли значительно умноженном в эпоху переселения народов, восточные славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем непохожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи, германские племена, начавшие новую историю Западной Европы. Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизированных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротив, увидели себя на бесконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на новоселье, среди соседей, чужды по происхождению и низших по развитию, у которых нечем было позаимствовать и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а только одни бесчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия.

Этими первичными условиями жизни русских славян определилась и сравнительная медленность их развития» [23, стр. 17-18].

Представляется, что именно указанные объективные социальные факторы являются отправными при исследовании российских полицейских традиций, история которых, безусловно, впитала и впитывает в себя весь уклад общественной жизни, трагизм и противоречия российской политической истории, многонациональный и интернациональный дух народов, населяющих Россию в ее границах разных времен и эпох.

В пределах указанного этапа четко различаются и конкретно-исторические этапы развития традиций ОВД. Основными критериями классификации этих этапов следует принять конкретно-исторические общественно-

экономические формации, типы способов производства, характер и формы производственных отношений, исторические типы и формы общественного сознания, социальной психологии и идеологии, характерных для России на протяжении ее истории. С учетом указанных критериев можно выделить следующие основные этапы развития традиций ОВД.

- I – Становление и формирование этих традиций в эпоху Древней Руси и средних веков (примерно конец I – начало XVIII века).
- II – Полицейские традиции России периода абсолютизма (середина XVIII – начало XX века).
- III – Советские милиционные традиции (1917 – 1991 гг.).
- IV – Современные традиции МВД России (1991 г. – настоящее время) [23, стр. 17-18].

В Древней Руси господствовали общинные традиции обычного права, когда основным и древнейшим источником права являлся обычай. На Руси свод устных норм обычного права, так называемый «закон русский» упоминается уже в договоре 911 года с Византией. С этого периода возникает необходимость в правоохранительной деятельности, в полицейских функциях. Ключевой общинной традицией является сыскная традиция, сущность которой сводится к розыску и наказанию преступника с помощью самих потерпевших, очевидцев («видоков»), общинников и добровольцев. В Русской Правде описывается система борьбы с кражами – «татьба». В начале объявлялся «заклич», когда пострадавший заявлял о пропаже в людном месте, чаще всего «на торгу». Затем начинался «свод» – допросы свидетелей, а после этого – «гонение следа» – поиск доказательств и самого преступника. Система доказательств состояла из свидетельских показаний, вещественных доказательств («поличное») и испытания огнем, водой и железом («ордалии» – пытки). Полицейскую функцию выполнял наряду с самими потерпевшими и общинниками и институт «дикой виры», когда связанные круговой порукой общинники вынуждены были платить штраф («виру») за преступление, совершенное на территории общины неустановленным преступником [19, стр. 22-24; 55, стр. 87-112].

С XV века возникает качественно новая полицейская традиция – традиция политического сыска, которая заняла главенствующее место в

системе государственно-правовых традиций России на протяжении ряда веков ее истории. Первые розыскные органы на Руси возникли в XV – начале XVI веков. Их роль (помимо общинников, потерпевших и очевидцев) выполнял и институт «обыщиков», присыпаемых из Москвы «в случае умножения в какой-либо местности разбоев и татев». Постоянные жалобы на притеснения со стороны «обыщиков» побудили Иоанна IV Грозного учредить постоянный полицейский орган из числа выбираемых на местах губных старост. Вместе со своими помощниками – «целовальниками» – они составляли губную избу – орган самоуправления, выполняющий полицейско-судебные функции и подчиняющийся Разбойному Приказу. Для выявления «лихих» людей губные старости применяли так называемые «повальные обыски» – фронтальные опросы представителей всех слоев населения. Названных при повальном обыске людей при помощи целовальников доставляли к губному старосте. При губной избе имелись «заплечных дел мастера», которые и «выбивали» у подследственного признания не без помощи пыток [46, стр. 15-16].

В середине XVII века роль губных старост была передана назначаемым царем воеводам. К этому времени совершаемые преступления стали делиться на две категории – уголовные и политические. И царь доверял расследование политических преступлений только своим назначенцам, а не выбранным губным старостам. Политический сыск стал одной из важнейших обязанностей воевод [17, стр. 5].

Политический сыск – это система, включающая выявление специальными структурами с помощью негласных методов лиц, чей образ, мысли и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляли опасность для данного государственного строя и его официальных представителей, пресечения такого поведения, а также предотвращения подобных преступлений в будущем [18, стр. 10].

В последующем традиции политического сыска продолжали укрепляться, расширяться и углубляться. В петровские времена широкое распространение приобрело политическое доносительство, которое сложилось как отложенная фискальная система и устойчивая криминально-политическая традиция. Эта

традиция стала стержневым модельным направлением правового регулирования политического сыска как социально-политического и государственно-правового института, и как государственно-правовой системы полицейских учреждений. Возник разветвленный и исключительно влиятельный и властный полицейский аппарат во главе с генерал-полицмейстером, должность которого была учреждена в мае 1718 года [48, стр. 10; 49, стр. 145].

В последующих периодах истории царской России сыскные полицейские традиции получали свое дальнейшее развитие. При этом традиция политического сыска получала все новое количественное и качественное содержание. Сыск становился все более изысканным, «просвещенным». Сохраняя свои изуверские способы и методы борьбы с инакомыслящими, он дополнялся попытками снизить степень их жестокости.

В период «просвещенного» абсолютизма Екатерины II действовала Тайная экспедиция Сената, делом которой стали внесудебные политические расправы над А.Н. Радищевым и Н.И. Новиковым. Дела Е. Пугачева, Я. Мировича, а также обстоятельства чумного бунта расследовали специально созданные временные следственные комиссии. Несмотря на суровые приговоры, несколько смягчались методы следствия. Екатерина II провозгласила отказ от пыток, в то же время общество ставилось под тотальный полицейско-политический контроль. В 1782 г. был принят «Устав благочиния, или полицейский», согласно которому все «общества, товарищества и братства» могли создаваться только с разрешения полиции. Это относилось к просветительским, общественно-политическим кругам, торговым объединениям, религиозным sectам и масонским братствам. Указом 1783 г. «О вольных типографиях» вводился институт полицейской цензуры книг, газет и журналов, напечатанных в частных типографиях [20, стр. 53].

Реорганизации органов государственного управления, в том числе Министерства внутренних дел осуществлялись и в дальнейшем. В сентябре 1802 г. Александр I создал Министерство внутренних дел, в рамках которого сосредоточилось управление как общей, так и политической полицией. Была ликвидирована Тайная экспедиция Сената, вместо которой был

создан особый секретный комитет – комитет высшей полиции. Однако и они не показали своей достаточной эффективности. Подготовка восстания декабристов оказалась для престола неожиданной. В 1816 году создается новая структура политической полиции – 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, основу которой составили сотрудники особой канцелярии МВД. Третье отделение стало существенным органом борьбы с инакомыслящими, в 1830 году жестоко были подавлены с его подачи выступления польских повстанцев. С помощью секретной агентуры были раскрыты нелегальные студенческие кружки в Московском университете [38, стр. 50-55]. Традицией третьего отделения было широкое привлечение добровольных помощников полиции, в том числе из среды писателей, журналистов. С третьим отделением сотрудничали видные журналисты и писатели, в том числе Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин.

Сыскные традиции пополнялись новыми моделями политического сыска. Своеобразной традицией третьего отделения стало собирание разнообразной, явно недостоверной и непроверенной информации, основанной на слухах, толках, перлюстрации писем, материалов обысков [14, стр. 13]. Возникла традиция цензурной деятельности. Третье отделение добилось права получать из типографии по одному экземпляру всех издаваемых в стране книг, газет и журналов, а также полностью подчинило себе цензуру драматических произведений, предназначенных для представления в театрах. По результатам цензуры в 30-х годах XIX века были закрыты известные журналы «Московский телеграф» и «Телескоп» [38, стр. 71].

Укреплялась традиция централизации полиции, в том числе политической. С 1880 г. третье отделение было упразднено. Политическая полиция стала вновь управляться единым органом – Департаментом полиции МВД. В конце XIX – начале XX вв. российские полицейские вслед за европейскими коллегами стали применять более совершенные научные методы и технические средства расследования. Были разработаны методы идентификации, в ней развивались два направления – антропометрия и дактилоскопия. С этой целью создавались специальные лаборатории, регистрационные бюро.

Однако преступность росла. Участились

политические убийства, покушения на царствующих особ, после убийства Александра II в стране создавались охранные отделения, которые возглавлялись чинами отдельного корпуса жандармов. Создание особых полицейских структур для политического сыска в лице корпуса жандармов превратилось в устойчивую традицию.

В среду революционных организаций, особенно, эсеровских набирались тайные агенты корпуса жандармов. Даже руководитель боевой организации партии социалистов-революционеров Евно Азев оказался агентом охранки. Ведя двойную игру, он одновременно принял участие в 28 покушениях на видных царских сановников [15, стр. 37, 56]. Его помог разоблачить сам начальник Департамента полиции Лопухин, сосланный за это в Сибирь [5].

В политическом сыске возникла традиция политической провокации. Усилиями видного политического провокатора П.И. Рачковского в Женеве была разгромлена революционная типография [39, стр. 145]. Рачковский требовал внедрять в ряды революционеров секретных сотрудников. Главное внимание сосредоточил на деятельности постоянной агентуры [24, стр. 67].

Росло количество охранных отделений. Из-за увеличения объема нагрузки и «засвечивания» фильтров возникла традиция концентрации тайных агентов. Для усиления наружного наблюдения за местными организациями РСДРП в Тюменском уезде практиковались командировки фильтров из других регионов. Были созданы «летучие» отряды фильтров [6; 58]. Среди тайных агентов появились настоящие профессионалы своего дела. Например, агент Д. Крут в 1915 г. полностью выдал членов Иркутской организации РСДРП, а также эсдеков и эсеров, объединившихся во внепартийный союз сибирских рабочих. Деятельность агента Крута была раскрыта лишь после февральской революции [26, стр. 114-117]. Известный провокатор Роман Малиновский был даже членом большевистской фракции в Государственной Думе [4, стр. 294].

Нарастание революционной ситуации вызвало к жизни традицию дальнейшей реструктуризации полиции. С 1906 года почти постоянно работали комиссии по переустройству полиции. Появились новые проекты реформирования полиции. В предреволюционный период, в октябре 1916 г. было утверждено «Положение об усилении полиции» в 50-ти губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения

полицейских чинов. Согласно положению, «... в городских поселениях численный состав полицейских команд определялся из расчета одного городового на 400 жителей обоего пола» [52].

Февральская революция в принципе не изменила прежние полицейские традиции. Верховный правитель Сибири адмирал А.В. Колчак ввел принцип немедленной расправы над любыми проявлениями недовольства его режимом. Придя к власти, он заявил: «Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом». При этом насилие и произвол он не скучился.

Советские милиционные традиции в истории МВД характеризовались двумя основными принципиальными подходами. Во-первых, в деятельности созданных после революции органов милиции сохранялись прежние полицейские традиции. Особенно это касалось использования накопленного опыта борьбы как с открытыми противниками новой власти, так и с уголовным элементом. Первое время полностью сохранялась прежняя правовая база правоохранительной деятельности, в том числе нормативно-правовые акты царского времени, регулировавшие деятельность полиции.

В аппарате милиции в значительной мере использовались старые кадры полиции. Приказом ГУМ РСФСР от 13 апреля 1922 года устанавливалось, что «впредь при поступлении на службу лиц, ранее служивших в полиции и жандармерии, требовать от последних представления документов, удостоверяющих восстановление их в правах гражданства. Лица, не имеющие означенных документов, приему на службу в милицию не подлежат» [32]. Постановление ВЦИК от 7 июня 1921 г. устанавливало порядок восстановления в гражданских правах лиц, лишенных таковых в силу Конституции РСФСР или отдельных постановлений центральной или местной власти. Постановление требовало соблюдать «максимальную осторожность и осмотрительность, помня, что каждая ошибка в этом отношении будет дискредитировать Советскую власть в глазах широких трудящихся масс». Одновременно оно требовало предавать полному забвению прошлое указанных лиц и никак не ограничивать их права для выполнения ответственной советской работы [30, стр. 126]. Тем самым новая власть сохраняла

и укрепляла традицию профессионализма в правоохранительной деятельности.

Характерным примером в плане профессиональной подготовки было создание музея при Управлении милиции РСФСР, при отделе уголовного розыска Управления милиции республики. Специальный циркуляр НКЮ РСФСР, в частности устанавливал, что в целях наилучшей постановки дела борьбы с преступлениями необходимо, чтобы все предметы, представляющие интерес для борьбы с преступностью, мер предупреждения таковой и по изучению приемов, употребляемых при совершении преступлений, направлялись в музей. Все органы власти обязаны были оказывать содействие деятельности указанного музея [35, стр. 351-352].

Во-вторых, смена общественного строя означала и возникновение новых милиционных традиций. Особенно это выразилось в утверждении классового принципа в организации и деятельности милиции. Традиция лояльности власти и верности службе в милиции изменила свою классовую сущность. При поступлении на службу в милицию принимались, как правило, выходцы из рабочих и крестьян. При этом кандидаты давали подписку, служившую своеобразной присягой, которая требовала: «1. Стоять на страже революционного порядка и законности. 2. Неуклонно следить за выполнением гражданами законов, постановлений и распоряжений рабоче-крестьянской власти. 3. Защищать законные права граждан СССР. 4. Беспрощадно бороться со всеми действиями, направленными против рабоче-крестьянского правительства и органов Советской власти. 5. Исполнять приказы, кроме преступных, и сохранять в тайне все секретные приказы и распоряжения. 6. Быть честным и строго соблюдать дисциплину и порядок. 7. Быть мужественным, трезвым и со всеми вежливым. 8. Хранить народное достояние и имущество граждан Союза ССР. Бережно относиться к выдаваемому оружию, обмундированию и снаряжению». За нарушение хотя бы одного из обязательств устанавливалась ответственность «по всей строгости революционных законов» [34].

В милиции утверждались новые традиции, направленные на укрепление рядов милиции, повышение ее авторитета среди населения, на всестороннее обеспечение и удовлетворение ее нужд, на заботу о кадрах и личном составе, на повышение престижа службы в милиции, на

искоренение в рядах милиции вредных обычаяев и привычек (пьянства, шкурничества, взяточничества, нечестности и т. п.).

В правовом регулировании укреплялась системная традиция. По конкретным вопросам и сторонам деятельности милиции издавались достаточно продуманные нормативно-правовые акты, в том числе по вопросам, на которые ранее власти вообще не обращали внимания [31; 33; 36; 37].

Особое внимание обращалось на укрепление связи милиции с народом, на вовлечение в борьбу с преступностью всех органов власти, общественных организаций, граждан. Тенденция на предупреждение преступлений, укрепление связи органов МВД с народом стала ведущей традицией в их деятельности. На это была направлена вся система правового регулирования, все усилия законодательной и исполнительной власти. Начиная с 30-х годов и, особенно в 50-80-е годы, широкое распространение получило движение народных дружинников, сотрудничества милиции и профсоюзов, женских, пионерских организаций, шефства над органами милиции ведущих предприятий, научных и образовательных учреждений. За добросовестную службу в милиции были установлены высокие государственные награды. В центр внимания была поставлена воспитательная работа в органах милиции, пропаганда законности, подготовка кадров. На эти приоритеты были нацелены все нормативно-правовые акты, государственный аппарат, советы всех уровней, средства массовой информации. Результатом было достаточно резкое снижение преступности. Ее уровень даже в самые неблагоприятные годы Советской власти был многократно ниже уровня преступности в настоящее время [25, стр. 51-76, 333-345].

В деятельности МВД имели место и противоречивые негативные тенденции. Особенно это выражалось в тенденции к огульному и, в известной степени, необоснованному применению административной репрессии и в нарушении законности органами милиции. Необоснованно были привлечены к ответственности тысячи людей. Однако нельзя согласиться с тенденцией в современной научной правовой и публицистической литературе к оценке Советского периода как исключительно тоталитарного режима. В качестве аргументов обычно приводятся ссылки на репрессии в период культа личности И.В. Сталина.

Культ личности имел место. Были, как сказано, и необоснованные репрессии. Однако это не характеризует Советскую власть как антисоциальную, антидемократическую. Права и свободы граждан, закрепленные в Конституциях 1936, 1977 г., особенно в их социально-экономическом плане, реально гарантировались. Нарушения законности, в том числе в период культа личности Сталина, были всеобъемлющими и не могут найти оправдания, однако, во многом они были обусловлены крайне неблагоприятными условиями социалистического строительства. И внутри СССР, и, особенно, за его пределами было слишком много противников советского строя. Именно их усилиями был разрушен Советский Союз [42, стр. 6-121; 57, стр. 9-69, 70-76, 125-500].

В целом традиции советской милиции являлись прогрессивными, героическими, революционными и боевыми. Они особенно проявились в годы Великой Отечественной войны, когда патриотизм, интернационализм, товарищество, доблесть и геройство, бескорыстие, готовность к самопожертвованию были не только требованием и буквой закона, присяги и приказа. Они были обыденным массовым явлением. Победа в войне не могла быть одержана, если бы сущность этих традиций не была их социально-политической и нравственной основой [40, стр. 258-259].

Современные традиции МВД в истории России характеризуются следующими основными особенностями. Во-первых, имеет место известная ломка прежних традиций, отход от проверенных практикой традиций полиции в целом. Эта ломка объективно обусловлена сменой общественного строя, кардинальными изменениями всей системы и принципов общественных отношений. Во-вторых, изменяется социально-политическая и государственно-правовая сущность традиций МВД, их социальная направленность. Социальная база комплектования и деятельности органов МВД остается прежней – широкие слои трудящегося люда, во многом вынужденного пополнять ряды ОВД своими наиболее неустроенными в жизни представителями. Не всегда господствуют высокие мотивы службы в полиции. Органы внутренних дел, несмотря на высокие декларации Конституции РФ, вынуждены защищать порой несправедливые интересы отдельных социальных слоев населения. В-третьих, усиливается противоречие в государственно-правовой

сущности и формах проявления традиций ОВД. Основным противоречием является ослабление связи полиции с народом.

Имеющиеся противоречия вместе с тем не означают устранения и, безусловно, социально-необходимой роли традиций полиции. Органы внутренних дел России сохраняли и сохраняют как лучшие прежние полицейские традиции, так и формируют новые их традиции, обусловленные качественно новыми факторами общественной жизни.

Выводы:

1. Традиции являются относительно самостоятельным структурным элементом социальной психологии и социальной практики данного общества, предметно-чувственной и теоретико-практической деятельной формами отражения и проявления их истории и всех сторон жизнедеятельности.

2. Особо следует выделить их зависимость и обусловленность общественно-политическими, государственно-политическими и правовыми атрибутами, а также историей, культурой, правовой культурой, общественным сознанием, прежде всего, политико-правовым и нравственным сознанием, социальной психологией и идеологией общества и государства.

3. Возникновение традиций полиции, МВД неразрывно связано с историей России, российского государства, права, с процессом становления и развития российской политической и правовой, а также правоохранительной системы. Их становление и формирование имеет свои корни и в истории многих стран и народов Европы, Азии, Средней Азии, Америки и даже Африки. Более того, история традиций ОВД РФ неотделима от общей истории всех народов мира, от процесса развития человека и человечества, начиная с древнейших времен и кончая современностью.

4. Процесс становления традиций полиции относительно условно можно разделить на следующие основные этапы.

Первый этап – социальное расслоение первобытного общества на основе продолжающегося разделения труда, появления новых орудий труда и новых способов производства, обеспечивающих объективную возможность формирования качественно новых форм общественного бытия и общественного сознания. Этот этап относится, по данным ученых, к периоду, насчитывающему 700 – 800 тыс. лет тому назад.

Второй этап – возникновение частной собственности в ее первичных рабовладельческих формах, классов (рабов и рабовладельцев), государства и права, первоначальных атрибутов политической и правовой системы, возникновение войны как способа разрешения противоречий между государствами. Этот этап относится к периоду, приблизительно отстоящему на 14-12 тыс. лет до н. э.

Третий этап – возникновение феодальных и буржуазных государств в странах Европы и Азии. Этот период охватывает разные исторические эпохи, относящиеся к I – XIV векам н. э. Уже тогда в этих государствах появились достаточно развитые формы государственности и права. В том числе зарождались и развивались формы позднефеодальной и буржуазной демократии, включавшие в себя определенные демократические полицейские традиции. Именно демократические полицейские традиции явились предтечей и предысторией современных традиций полиции.

Четвертый этап – возникновение и развитие собственно российской государственности, российского права и российских государственно-национальных традиций. Этот этап охватывает практически всю историю России, начиная с конца I века до настоящего времени.

5. В последнем этапе можно выделить следующие основные исторические периоды развития традиций ОВД РФ:

I. Становление и формирование этих традиций в эпоху Древней Руси и средних веков (примерно конец I – начало XVIII века).

II. Полицейские традиции России периода абсолютизма (середина XVIII – начало XX века).

III. Советские милиционные традиции (1917 – 1991 гг.).

IV. Современные традиции МВД России (1991 г. – настоящее время).

6. Возникновение, формирование и развитие традиций МВД, полиции есть двуединый процесс связи и преемственности истории государственности, с одной стороны, и неизбежное следствие эпохальных социальных изменений этой государственности, с другой стороны.

7. В развитии традиций полиции проявляются две четко выраженные и объективно-обусловленные тенденции – демократическая, состоящая в утверждении качественно новых форм отношений

и деятельности органов МВД в интересах государства, общества, гражданина, и антидемократическая, выражающая применение массовых форм насилия по отношению к обществу и

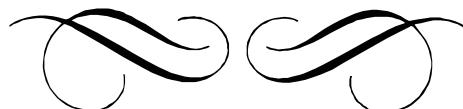
гражданам. Демократическая тенденция является определяющей. Однако в ее реализации имеются достаточно острые и трудно разрешимые противоречия.

Список литературы

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Аюпова З.К. К вопросу о категории «правовая система» в современном правоведении // Современное право. – 2006. – №7. – С. 59-62.
3. Берестнев Ю. Российская правовая система и европейские стандарты // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С. 14-15.
4. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного отделения. Изд. 3-е. – М., 1990.
5. Бурцев В. В погоне за провокаторами. – М., 1989.
6. ГАТюМо. Фонд 239. Оп. 1. Д. 95. Л. 36.
7. Герасименко А.П. Юридические и идеологические правовые системы. – Благовещенск, 1996.
8. Гиленсен В.М., Файкс Г. Большое ухо Парижа. Французская полиция: История и современность / Пер. с нем. Автор вступит. статьи В.М. Гиленсен. – М.: Юрид. лит., 1981.
9. Горбашев В.В., Рейф В.М., Удычак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7. – С. 21-29.
10. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
11. Древняя Греция / Отв. ред. В.В.Струве, Д.Л. Каллистов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
12. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. – Красноярск, 1991.
13. Дробышевский С.А., Будилина Т.В. Научная мысль в поисках наилучшей политico-правовой системы. – Красноярск, 2000.
14. Евдокимов СВ. Из истории спецслужб России. XVI – начало XX века // Из истории спецслужб Бурятии: Материалы науч.-практ. конференции. Улан-Удэ, 1997.
15. Жухрай В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. – М., 1991.
16. Загрядкий Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995.
17. Звягин СП., Коновалов А.Б., Моларчук СВ. Полиция и милиция России в XVIII – начале XX века. – Кемерово, 2001.
18. Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: история и современность. – СПб., 1997.
19. Исаев И.А. История государства и права России. – М., 1996.
20. История российской полиции. – Иркутск, 1998.
21. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
22. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2-х томах. – Ярославль, 2005.
23. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I. – М.: Мысль, 1993.
24. Кравцов И.Н. Тайные службы империи. – М., 1999.
25. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: НОРМА, 1997.
26. Макарчук С.В. Агенты губернских жандармских управлений Сибири как субъекты политического сыска. 1907 – февраль 1917 г. // Политический сыск в России: история и современность. – СПб., 1997.
27. Манов Г.Н. Государство и политическая система общества. – М., 1974.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. – С. 142.
29. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи, традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во «Акра», 2006.
30. Милиция России. Документы и материалы. – Саратов, 2001.
31. О праздновании годовщины милиции: Постановление НКВД РСФСР от 26.08.1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 13. Л. 512.
32. О принятии на службу в милицию и уголовный розыск лиц, служивших ранее в полиции и жандармерии. Приказ ГУМ РСФСР от 13.04.1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 72.
33. О работе органов уголовного розыска: Инструкция НКВД РСФСР от 20.03.1928 г. // СУ РСФСР. 1928 . № 23. Отд. 2.

Ст. 21.

34. О службе в рабоче-крестьянской милиции: Положение от 28.09.1925 г. // СУ РСФСР. – 1925. – № 68. – Ст. 589.
35. О снабжении экспонатами музея при Управлении милиции РСФСР: Циркуляр НКО РСФСР от 21.04.1922 г. // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. – М., 1926.
36. О Совещании при начальнике милиции республики для обсуждения и рассмотрения мероприятий по устройству, службе и быту милиции: Положение от 13.08.1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 13. Л. 509.
37. О состоянии и работе рабоче-крестьянской милиции: Доклад НКВД РСФСР 1928 г. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 6. Д. 367. Л.Л. 104, 109, Оп. 65. Д. 4. Л. 22-26.
38. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. – М., 1982.
39. Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880 – 1917 гг. – М., 2000.
40. Полководцы и военачальники Великой отечественной войны. – М.: Молодая гвардия, 1970.
41. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
42. Пыхалов И.В. Время Сталина: Факты против мифов. 2-е изд. – СПб.: Неотек Электро, 2001.
43. Реуф В.М., Удьчак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
44. Ромашов В.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
45. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
46. Рубцов С.Н. История российской полиции. – Иркутск, 1998.
47. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
48. Сизиков М.И. История полиции России (1718 – 1919 гг.): Становление и развитие общерегулярной полиции в России XVIII века. Вып. 1. – М., 1992.
49. Сизиков М.И. Рождение Российской полиции // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований. – М.: ГУК МВД России, 1997. – №3.
50. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
51. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система. – Саратов, 1995.
52. Собрание узаконений и распоряжения Правительства. – 1916. – № 307. – Ст. 2426.
53. Столляр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985.
54. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. – М: Изд. Моск. ун-та, 1984.
55. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. – М., 1953.
56. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пособие. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1984.
57. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). – СПб.: СПб ун-т, 1999.
58. ЦХАФАК. Фонд П-1061. Оп. 3. Д. 4. Л. 6.
59. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
60. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
61. Revue de la Police Nationale. – 1970. – № 81.
62. Kriminalistik. – 1974. – № 4.

МАХТАЕВ Шапи Исаевич,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Кизляре
филиал в г. Кизляре
E-mail: info@kiz-engec.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ КАК СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследованы основы развития Киевской Руси в политico-правовом аспекте. Автор, подробно анализируя имеющиеся проблемы в сфере становления и развития государственности Киевской Руси, формулирует ряд обобщающих выводов, связанных с оказанием влияния государственно-правовых механизмов на зарождение такого признака государства как суверенитет.

Ключевые слова: становление древнерусской государственности; институт государственной власти; суверенитет; развитие Киевской Руси.

МАХТАЕВ SH.I.

POLITICAL-AND-LEGAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF KIEVAN RUS' AS A SOVEREIGN STATE

The summary. The article studies the foundations for the development of Kievan Rus' in the political-and-legal aspect. The author analyzing in detail the available problematic issues in the area of formation and development of Kievan Rus' statehood, formulates a number of generalizing conclusions related to the impact of the state legal mechanisms on the origin of such an attribute of the state as sovereignty.

Key words: formation of the Old Russian statehood; institution of state power; sovereignty; development of Kievan Rus'.

На становление и развитие древнерусской государственности оказали влияние Тюркский канат, Аварский каганат, Византийская империя, Хазария и многие другие страны и народы. На протяжении описываемого периода наибольшее давление на социальное развитие оказывали многочисленные народы, шедшие на волне Великого переселения, которое вовлекло и славянские племена [5, стр. 86]. Расселение славян в провинциях Римской империи и соседних с ними областях произошло именно в результате Великого переселения народов. При этом сами славяне во многом оказались включенными в политico-

правовую систему Византийской империи и с течением веков во многих ее областях, например в Малой Азии, Пелопонесском полуострове, островах Эгейского моря и др. были с течением веков истреблены или ассимилированы местным населением. Как было отмечено выше, влияние было как непосредственным, так и косвенным. При этом многочисленные волны завоевателей шли на Русь все же с востока. Многочисленные попытки совершения крестовых походов против русских земель имели все же меньший успех. На протяжении многих столетий Русская земля входила в политico-правовую систему Аварского

каганата, Хазарии и Византии. Попытки включения Руси в политическую систему католической Европы были успешны в период упадка древнерусской государственности и создания Великого княжества литовского, русского и жемонийского, а так же агрессии крестоносных орденов и Польши.

Необходимо отметить, чем обусловлена проблема постановки вопроса о влиянии степных государств на становление и развитие Киевской Руси. Данное государство возникло в период сложения древнерусской народности и многовекового вхождения в политические объединения Аварского и Хазарского каганата, явившихся осколками Вечного Эля могущественного Тюркского каганата. Отношения публичной власти и подчинения, удельно-лестничная форма, организации государственной власти, основная форма исполнения публичных повинностей полюдье – дань, становление феодальных отношений, этапы становления и упадка государственности и многие другие особенности сближают развитие древнерусской государственности с народами степи [3, стр. 126]. Автор не утверждает непосредственной преемственности степных государств и Киевской Руси. Представляется неверным утверждение о заимствовании государственности от степных народов. Напротив, Киевская Русь возникла как результат процессов социального развития самих славянских племен. Как было отмечено в предыдущем разделе, модель организации государственности любой страны как средневекового мира, так и современности крайне мозаична. Она включает политico-правовые институты многих стран и народов, а так же различных этапов общественного развития. Государственность Киевской Руси является ярким примером данного утверждения.

Возникает проблема отнесения политico-правового развития Киевской Руси собственно к Европейским, Азиатским странам или о ее уникальности. Данная проблема имеет не столько культурологическое, сколько политico-правовое значение. На протяжении тысячелетий существовали значительные политические центры, отличавшиеся относительно высоким уровнем политico-правового развития. Соседние страны и народы неизбежно заимствовали их институты права и государственности как с целью включения в их политические системы, так и для противопоставления им, негативно подчеркивая

свою политическую самостоятельность. Фундаментальные основы государственности, формы правления, правовой статус человека, политическая иерархия, и другие особенности подчеркивают единство и особенности политico-правового развития различных стран и народов в рамках отдельных региональных политических центров. Древнерусское государство находилось в орбите развития нескольких политических центров – это были страны христианского католического мира, Византия, государства Тюркского каганата и Монгольская империя. На периферии политических центров происходило и развитие многих других народов, в их числе необходимо отметить народы побережья северных Европейских морей. При этом наиболее тесная взаимосвязь Киевской Руси существовала с государствами степных народов и Византийской империей. В соответствии с предметом исследования необходимо отметить тот факт, что русское государство непосредственно входило в политические системы этих государств, что было зафиксировано и формально-юридически. Например, включение в политическую систему монгольской державы привело к тому, что Русь оказалась одним из региональных политических объединений Золотой орды [4].

Для многочисленных варварских народов Европы Римская империя символизировала собой своеобразное вселенское государство. Развитие государственности в Европе шло неравномерно, как на основе синтеза достижений римской государственности, так и без этого процесса. Страны Европы отличались крайним разнообразием политico-правового развития, но формально включали институты номинальной власти империи, собственно формально закрепившейся в период правления императора франков Карла Великого и в последующем Священной римской империи германской нации, и Римского папы [6, стр. 246]. Данное политическое объединение возникло во многом как стремление сохранить преемственность Римской государственности, так и в качестве антитезы политico-правовому статусу Романии, Восточной римской империи. Включение в данную политическую систему связывалось с принятием христианства и церковной власти Римского папы, а так же признание системы отношений сюзеренитета-вассалитета стран Европы, в рамках существовавших политico-правовых статусов королевств, герцогств, графств, княжеств и т. п.

В период становления древнерусской государственности Византия была наиболее могущественной державой Европы и Ближнего Востока. Правильной является постановка вопроса не о том, почему Киевская Русь включилась в ее политico-правовую систему в конце X в., а почему этого не произошло ранее. Степные народы, окружавшие Китай с его высокой правовой культурой активно перенимали институты права и государственности, подчинялись власти императоров за материальное вознаграждение военной службы. Так же поступали и варварские народы окружавшую Римскую империю. При этом политico-правовые институты Римской империи, собственно Византии, как модели организации устройства обширного государства не могли быть использованы славянами в силу многочисленных особенностей ее становления и развития. Уровень политico-правового развития государства константинопольских императоров значительно превосходил общий уровень развития социально-экономических и политico-правовых отношений славянских народов. Славянские племена, поселившиеся в пределах империи, не заимствовали институты права и государственности Романии, поскольку сами стали частью ее социальной и политico-правовой системы. Аналогичная ситуация происходила и при становлении государственности степных народов на границах китайских государств. Заимствование политico-правовых институтов Романии и даже преемственность с ней происходят после становления империи Киевского каганата и принятия православия.

Важно отметить, что в VI – VII вв. Византия переживала тяжелый социальный и политический кризис. Многие ее области были завоеваны варварскими племенами, в том числе и славянами. Но славяне в отличие от степных народов не могли составить подобие орды, народа войска в отношении завоеванных областей. Образ жизни славян земледельцев отличался от кочевых народов. Немногочисленные профессиональные дружины были либо уничтожены, либо стали частью военной системы империи. Земледельцы, в значительной части уничтожив местное население, были с течением веков сами ассимилированы и стали полноправными подданными императоров [7, стр. 126]. Славянские союзы антов, волынян и др. не имели непосредственных контактов с Византией подобно хуннам или монголам в отношении империй Китая.

Власть аварского каганата сковывала политические контакты с империей. В данный период господство над большинством славянских племен установили тюркские племена, в частности обры, хазары и др., как в значении этнического, так и политico-правового господства Тюркского каганата и его государств. Возвращение могущества Византии в период правления Исаврийской и Македонской династии совпадает со становлением суверенной государственности Киевского каганата. Период создания публичной власти, государственности обширного каганата происходит в период общего упадка Византии и могущества тюркских племен. В свою очередь, падение власти Авар и уничтожение Хазарии усиливает взаимные контакты Византии и Руси. При этом принятие православия и номинальной власти Василевса не означало заимствования институтов модели государственности. До и после принятия православия существовала удельно-лестничная система управления, Киевская Русь не заимствовала институт императорской власти, социальная и политические системы империи и Руси имели коренные отличия. Закрепощение крестьянства (парикия) и сохранение римских основ гражданского строя в равной степени противоречили правовому статусу свободных общинников Киевской Руси. Политico-правовое положение городов и городского населения было отличным от византийских традиций.

Византийская империя была основным торговым партнером для славянских племен. При этом торговые связи имели многовековую историю. Публичная власть для славянских племен была связана, в первую очередь, с исполнением военных функций, и важнейшей формой несения публичных повинностей являлось полюдье. Регулярный сбор материальных ресурсов завершался их реализацией в торговых центрах, в первую очередь Византийской империи [2, стр. 126]. При этом взаимосвязь славянских племен и Византии во многом была аналогична народам степи в отношении империй Китая. Но важно отметить, что влияние Византии на Русь, и в целом политico-правовой системы полисов и Римской государственности на народы, проживавшие на территориях будущего Киевского каганата, было значительно меньшим, чем для народов степей Средней Азии и Дальнего Востока в отношении Китая.

Римская империя и собственно Романия не устраивала военных походов в земли славян. Получение материальных ресурсов для степных

народов являлось важнейшим фактором содержания аппарата государственного управления. Многие степные народы включались в военную систему империи Китая как пограничная стража, принимая чины и титулы знатности. В свою очередь возможность самостоятельного обеспечения всеми стратегическими ресурсами не создавал объективных предпосылок включения в византийскую систему отношений публичной власти. Грабительские походы в целях получения дани были относительно редки. Становление древнерусской государственности на основе использования фундаментальных основ Византии не имело значительных материальных, политических и иных предпосылок. Но, тем не менее, уже сложившийся Киевский каганат и последующее русское государство не только органически воспринимает институты ее государственности, но и становится ее преемником, что отразила не только официальная политико-правовая доктрина, но и общественное правосознание русского народа.

В свою очередь, что более подробно будет рассмотрено в следующих разделах данной работы, русское государство на протяжении веков было непосредственно включено в политические системы степных народов. Господство Аварского каганата и Монгольской державы охватывает период около 500 лет, что наложило значительный отпечаток на политико-правовое развитие. Становление удельно-лествичной системы организации государственной власти заимствованной из Тюркского каганата и фундаментальных основ отношений подчинения публичной власти Московского государства во многом отражало социальное предназначение авторитарной власти монгольских правителей. Но в отношении власти Золотоординского хана и правителей Каракорума употребляется заимствованный римский титул цезаря, царя, как суверенного государя [3, стр. 124]. Для принявших православие Киевской державы власть императора ромеев, Василеса – римского цезаря – отражала политико-правовое значение суверенного государя. В свою очередь, Киевский каганат был правлением всего венценосного рода Рюриковичей. Утверждение преемственности власти римского императора как Московского царя и ее авторитарность в противоречие удельно-лествичной системе было негативной реакцией на правление монголов.

На протяжении своей истории русский народ использовал доказавшие свою эффективность и применимые в условиях специфики его развития институты государственности. При этом важно отметить, что на протяжении всей своей истории правители и общество отставали суверенитет своего государства и самостоятельность социального развития. Политические центры власти Европы, Византии и сменявшихся империй степных народов никогда не воспринимались в качестве национального правления. Киевская Русь развивалась в своеобразных координатах соответствия политико-правового статуса отдельных держав средневековья. Особенность развития государственности рассматриваемого периода заключалась в том, что немногие страны обладали суверенитетом государственной власти. Для древнерусского общества институт власти каганата олицетворял высшую политическую власть, и при освобождении от власти обров была использована доказавшая свою эффективность власть венценосного рода подобная власти Ашина Вечного Эля. Утверждение каганата как организации государственной власти не означало становление своеобразной Евразийской державы. Киевский каганат был национальным государством восточных славян не обладавшим преемственностью с державами степи, была заимствована только система организации власти.

Киевская Русь в значительной части, несмотря на свой многонациональный характер, была локализована в местах проживания восточных славянских племен, ставших основой образования древнерусской народности. Необходимо отметить особо многочисленные финно-угорские племена и племена балтских народов, отличавшиеся более низким уровнем политического развития и ставших целью как мирной, так и военной экспансии Киевской Руси. Экономические интересы были связаны с древними, насчитывавшими тысячелетие, торговыми связями со странами Средиземноморья. Сбыт материальных ресурсов, получение дани и грабеж являлись целью экспансии славян в отношении богатых провинций Византийской империи. В свою очередь, через земли будущего Киевского каганата прокатывали многочисленные волны великого переселения народов. Славяне сами становились объектом материальных интересов степных народов, которые, используя свое военное превосходство, устанавливали над ними свою власть [1, стр. 5]. Народы Скандинавии в описываемый период

становления Киевского каганата отличались более низким уровнем политico-правового развития и, безусловно, оказали воздействие на становление русской государственности, но не стали политическим центром притяжения, что будет рассмотрено в следующих разделах исследования. Образование государственности шло в рамках всех союзов славянских племен и институты власти степных держав не привнесли государственность как таковую, поскольку процесс ее создания являлся закономерным итогом развития славянских племен. В союзах племен существовали институты публичной власти князей, профессионального войска, администрации и т. п. Каганат стал лишь формой политического объединения в рамках большинства восточных племен – он стал формой союза союзов племен.

Система каганата была соответствием статуса державы для народов степи. В VIII-первой половине XIII в. степные народы не могли претендовать на гегемонию над Русью. Слабость Хазарского каганата сокрушенного в период правления Святослава является ярким примером данного утверждения. В своем развитии Русь была ориентирована на страны Европы и Византию. Постепенно проникали иные политico-правовые формы развития государственности, но важное отличие заключалось в том, что теперь речь шла не о создании обширной империи, а только о трансформации общественно-политического строя. Удельно-лествичная система организации государственной власти была в равной степени характерна и для Руси и для Золотой Орды, державы Монгольской империи. Кризис политico-правового устройства Киевского каганата и его политическая раздробленность стали закономерным итогом развития удельно-лествичной формы организации государственной власти.

Необходимо отметить основные особенности становления Киевского каганата как суверенной державы.

1. Все государства Евразии оказывали непосредственное или косвенное воздействие на развитие друг друга. При этом выделяются важнейшие политические центры во многом определявшие особенности политico-правого развития соседних стран и народов.

2. Развитие государственности древнерусской народности не может быть рассмотрено как изолированный процесс формирования политico-правовых институтов явившихся лишь результатом внутренних социальных процессов.

3. Наиболее тесная взаимосвязь древнерусской народности существовала с народами и государствами степи, при том, что она, как правило, была вынужденной и далеко не всегда соответствовала потребностям ее развития.

4. Становление древнерусской государственности в форме каганата не означает преемственности Киевской Руси с иными политическими объединениями. На протяжении всей истории русский народ отстаивал суверенитет своей власти. Несмотря на обширность территории и многонациональность Киевской Руси существовал государствообразующий этнос. Обширный каганат был локализован в местах проживания восточных славянских племен, и в целом обладал этническим характером, как правящей династии, так и большей части населения, что его резко отличает от держав степных народов, Византии, Католического мира Европы и др.

5. На протяжении своей истории русский народ использовал доказавшие свою эффективность институты государственности и права. Но при этом политico-правовая система Киевской Руси отличалась значительным своеобразием.

Список литературы

1. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры.– 1940. – Вып. VI.
2. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М., 1986.
3. Греков Б.Д. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – М., 1975.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1950.
5. Древнерусские княжества X – XIII вв.: Сб. ст. – М., 1973.
6. Европа в средние века: экономика, политика, культура. – М., 1972.
7. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 2. – М.: Мысль, 1996.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУЩНОСТЬ И СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка показать различные исторические подходы к пониманию человеческой жизни, выяснению ее сущности и смысла. Опираясь на достижения естественных и социальных наук, автор показывает дискуссии о возникновении самой жизни на разных этапах развития общества, подчеркивает мысль о том, что эта проблема уже оказала влияние и продолжает влиять на всю систему человеческого мышления, начиная с древнейших времен и до наших дней. По его мнению, сама идея рациональности и объяснимости возникновения жизни в любой ее форме оказывает глубочайшее воздействие на жизнь и на мышление.

Определение понятия «жизнь», считает автор, должны давать не медики и биологи, а юристы. Это понятие является очень важным и значимым, основным, и оно должно быть охвачено правом. Оно должно ограничиваться правом и тем самым им создаваться. Жизнь должна рассматриваться правом не только как форма биологического существования, но и как способ самореализации конкретной личности. Нельзя не учитывать тот факт, что человек – психическое существо, и он имеет свою психическую энергию, свою «ауру». И это часть общего явления – жизни.

По мнению автора, жизнь важно рассматривать в различных ее проявлениях и понимании: биологическом, философском, психологическом, теологическом и т. д. Право вряд ли может игнорировать данную ситуацию.

Ключевые слова: человеческая жизнь; возникновение; сущность; смысл; естественные и социальные науки; право и закон; человеческое мышление; исторические этапы; форма биологического существования; способ самореализации личности; аура; биология; медицина; философия; психология; теология.

BABADZHANOV I.Kh.

THE ESSENCE AND MEANING OF HUMAN LIFE: SEVERAL HISTORICAL APPROACHES

The summary. The article presents an attempt to show various historical approaches to the understanding of human life, determination of its essence and meaning. Based on the achievements of natural and social sciences the author shows the debates on the origin of life as itself at

different stages of social development, emphasizes the idea that this subject has already influenced and continues making an impact on the entire system of human thought starting from the most ancient times and up our days. In his opinion the very idea of rationality and explanation of life origin in any of its forms has the deepest impact on the life and thinking.

The definition of the concept “life”, as the author considers, must be given not by physicians and biologists but by lawyers. This concept is very important and significant, the fundamental one, and it should be covered by law. It must be limited by law and hence formed by it. Life should be considered by law not only as a form of biological existence but also as a way of a certain personality’s self-realization. One cannot ignore the fact that the human being is a psychological creature and it has its own psychic energy, its “aura”. And it is a part of the general phenomenon – life.

In the author’s opinion it is important to consider the life in its various manifestations and understanding: biological, philosophical, psychological, theological, etc. The law can hardly ignore this situation.

Key words: *human life; origin; essence; meaning; natural and social sciences; justice and law; human thinking; historical stages; form of biological existence; way of personality’s self-realization; aura; biology; medicine; philosophy; psychology; theology.*

Главный практический мотив для изучения возникновения жизни состоит в том, что без этого мы не сможем понять современную жизнь и, следовательно, не сможем управлять ею. Необходимо изучить возникновение жизни для того, чтобы разобраться в ее сущности, в ее возможностях и ограничениях, а затем уже и для того, чтобы развить первые и преодолеть вторые. В более широком понимании изучение происхождения жизни представляет собой дальнейшую попытку поисков смысла жизни [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 20; 22; 24; 25; 26; 27; 32; 33; 34; 35]. С древнейших времен смысл жизни усматривали в самых различных вещах, но со временем все яснее становилась ложность разнообразных трактовок смысла жизни, их конечная несостоятельность. Вплоть до средних веков и даже позднее назначение жизни в общей системе миропорядка считалось известным. Разные люди в различных цивилизациях по-разному решали этот вопрос, но решения эти были настолько сходными, что их можно считать вариантами одного и того же ответа. Простейший ответ сводился к тому, что жизнь имеет смысл в предначертаниях всеведущего и всемогущего бога. Волю господню следует исполнять, а если понять, в чем она состоит, подчас затруднительно, то допускаются различные толкования. Но из всех таких ответов правильным может быть лишь один, и каков этот ответ – дано знать не всем, а лишь истинно

верующим [20].

Древние мыслители выдвигали о личности, обществе и природе разнообразные, подчас противоречащие друг другу положения. Если часть философов смешивала природу и общество, то множество других возводили между ними непреодолимую преграду.

Дискуссии о возникновении самой жизни будут уводить нас в куда менее знакомую область. До тех пор пока идеи теории относительности и квантовой химии не станут привычными для каждого образованного человека, большинство аспектов проблемы возникновения жизни будут оставаться непонятными и чуждыми. И при всем том эта проблема уже оказала глубокое воздействие, на всю систему человеческого мышления начиная с древнейших времен.

Укрепление позиций рационального подхода к вопросу о возникновении жизни, восприятие этой проблемы как обычной составной части науки вообще является признаком и знанием, как роста современной науки, так и ее всеобъемлющего характера. Это справедливо даже независимо от того, какие формы принимают подобные объяснения. Формы эти неоднократно менялись в течение последних нескольких лет и продолжают меняться. Примечательно, что сама идея рациональности и объяснимости возникновения жизни в любой ее форме оказывает глубочайшее воздействие на жизнь и на мышление.

Биология рассматривает жизнь не как линейную, а как циклическую структуру, как серию изменений или как жизненный цикл. Жизненный цикл традиционно определяется как «прогрессивная серия изменений организма, начинающихся с момента яйцеклетки и кончающихся моментом его смерти» [30, стр. 104].

Однако государство не может просто перенять, точку зрения ученых-естественников, во взглядах которых единства нет и быть не может. Мы бы имели каждый день другое понятие жизни человека по уровню биологических или медицинских знаний. Были попытки законодательно определить признаки, по которым мы называем известное состояние человеческого организма жизнью, но дальнейшее развитие естественных наук принудило отказаться от этих попыток, представляющих вторжение в самостоятельную сферу, совершенно чуждую праву. Признаки жизни есть признаки физиологические, и констатировать их должны медики-эксперты. Определить же понятие «жизнь» надлежит праву, а не медицине или биологии. Неюридические науки выполняют функции экспертов, а понятие «жизнь» является, в конечном счете: решением, но не экспериментальным выводом. Это понятие является таким же основным, как и те факты и процессы, которые охвачены правом. Поэтому оно должно ограничиваться правом и тем самым им создаваться [26, стр. 57].

Материалистическое понимание мира исходит из того, что жизнь – есть биологическое существование. Жизнь не является исключительным достоянием человека. Этим благом обладают и представители мельчайших организмов, и крупные животные, в несколько раз большие человека. Чем очерчивается жизнь? Только ли фактом рождения, чувственным восприятием окружающего мира и умиранием обозначено данное явление? [32, стр. 11] Автор очерка «Жизнь» Хал Борленд, рассматривая, как оно регулируется американской Конституцией, описывал: «И право на жизнь, на человеческую жизнь, есть нечто большее, чем право на простое существование. Все мы обладаем правом на существование, но оно даруется нам наряду с долгом прожить полезную жизнь, – жизнь, посвященную какой-то цели. Без этого жизнь не имеет осмыслиенного значения» [10].

Приведенное высказывание предполагает, что

жизнь должна рассматриваться правом не только как форма биологического существования, но и как способ самореализации конкретной личности. Несмотря на приведенные особенности, достаточно сложно определить, что такое жизнь, кто такой человек, обладающий жизнью. Р. Оуэн под человеком понимал «организованное существо или животное, обладающее известными физическими, умственными и нравственными свойствами и способностями и обнаруживающее влечение к одним предметам и антипатию к другим». Н. Бердяев писал: «Человек и очень ограничен и бесконечен, и мало вместителен и может вместить вселенную. Он потенциально заключает в себе все и актуализирует лишь немногое. Он есть живое противоречие, совмещение конечного и бесконечного. Также можно сказать, что человек совмещает высоту и низость» [19, стр. 137].

Соответственно жизнь человеческого организма – только известное открывшееся нам состояние жизни. «Cogito ergo sum» (Я мыслю, значит, я существую), – говорили древние латиняне. Человек живет, покуда осознает себя. Жизнь каждого индивидуальна, как и осознание собственной жизни. Мы можем сопереживать друг другу, но мы никогда не сможем ощутить то, что ощущает другой человек. Даже в рамках биологического существования человеческого организма право долгое время отрицало наличие данного свойства как объекта особой охраны за некоторыми лицами. В мирпонимании некоторых народов женщина до настоящего времени рассматривается как принадлежность мужчины, как способ воспроизводства. Естественно, происходит отказ от признания за ней человеческих качеств. Некоторые расовые теории обосновывали, что представители «небелой» расы – лишь переходная стадия от обезьяны к истинному человеку.

В каком месте находится жизнь, так как человек может жить без руки, ноги, некоторых внутренних органов? Возможно создание системы искусственного жизнеобеспечения. Можно заставить биться сердце, работать легкие, но мозг будет мертв. Одновременно одна голова, отделенная от тела, без иных органов не сможет существовать автономно. Л.Н. Толстой писал: «Я живу в теле, стало быть, жизнь в моем теле. Но как только человек начнет искать эту жизнь в известном месте своего тела, так сейчас и являются затруднения. Ее нет в ногтях и волосах,

но и нет в ноге, в руке, которые можно отрезать, нет и в крови, нет и в сердце, нет и в мозгу. А есть, везде и нигде нет» [28, стр. 116]. Понятие «жизнь» выходит за пределы только биологического понятия. Человек – единственное живое существо, которое сознательно может свести счеты со своей жизнью, иными словами, отказаться от своего основного свойства. Человек может «пережить» свое биологическое существование. Его идеи, мысли, учение остаются в памяти других людей.

Нельзя не учитывать тот факт, что человек – психическое существо. На это обращает внимание Вильгельм Райх. Механическое восприятие человеческого организма, по его мнению, приводит к стремлению превращения *Homo sapiens* в скотоподобного робота: «Младенцы должны выпивать в установленное время определенное количество молока. Они должны спать определенное число часов. Их диета должна содержать х унций жиров, унций белков и з унций углеводов. Человек не должен ощущать полового влечения вплоть до дня бракосочетания... дети должны изучать х часов математику, у часов химию и з часов зоологию. Все они должны получить одинаковый объем мудрости...». Таким образом, человек одновременно формировал механистические, механические и мистические представления о своей личности» [31, стр. 325]. Маугли, найденные в джунглях, могут существовать вне общества, но являются ли они людьми в полном смысле этого слова? В настоящее время зафиксирована психическая энергия человека, введено понятие «аура». Безусловно, это также является частью общего явления – жизнь.

Все вышеприведенное рассматривает жизнь в различных ее проявлениях и понимании: биологическом, философском, психологическом, теологическом и т. д. Нельзя говорить о том, что на протяжении всего времени право учитывало только биологический аспект. В древних обществах одним из самых суровых наказаний считалось изгнание. Оно состояло в ритуализированном акте психологического умерщвления. Вокруг человека

создавался внешний вакуум человеческого общения. Еще сто лет назад над дворянином публично разламывалась шпага, он лишался всех почестей и званий. В Древнем Китае жизнь одного представителя общины рассматривалась как элемент жизни всей общины в целом. По законам Шан Яна каждые пять дворов объединялись в бао. Если один из членов бао совершал преступление, остальные разрубались пополам. Присутствовали установления на применение наказаний ко всем членам семьи преступника в законодательствах Европы и России. Как писал А.Ф. Кистяковский, английская юриспруденция «изобрела для оправдания такого варварского обычая свой аргумент, известный под именем порчи крови (*sorguption du sang*); этим термином она выражала то убеждение, что преступники передают своим детям кровь в испорченном виде, а вместе с испорченной кровью и свою преступность» [23, стр. 95]. Испанская Инквизиция официально занималась «лечением душ».

Современные правовые системы фактически учитывают только биологический подход к пониманию жизни. Точнее, следует констатировать вытеснение иного понимания жизни именно из права. Право ограничивают от религии, морали, нравственности, философии, иных социальных наук. Право все чаще олицетворяют с официальным нормативным актом, оформленным в письменном виде. С одной стороны, такая тенденция оправданна. Нельзя безусловно точно дать определение жизни в законодательстве [32, стр. 15]. Л.И. Петражицкий отмечал: «Смысл права состоит не в правильных или неправильных утверждениях относительно бывшего или сущего, а в нормировании поведения, прав и обязанностей» [29, стр. 322]. Приведенное мнение предполагает, что, фиксируя в официальном документе определенное субъективное право (в конкретном случае – право на жизнь), государство тем самым пытается нормировать какую-то часть общественных отношений. В этом контексте важно будет уяснить, что и как конкретно нормируется в рамках содержания права на жизнь.

Список литературы

1. Бюллетень международных договоров. 2001. – № 3.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (111) от 10.12.1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>

3. Декларация Каирской встречи на высшем уровне по вопросам прав человека в религии ислама // Бюллетень ОБСЕ/БДИТЧ. – 1997. – Т. 5. – № 2.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Российская газета. – 1995. – № 120. 23 июня.
6. Конституции государств Европы. В 3-х т. – М., 2001.
7. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
8. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. – М., 1957.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: Сб. нормативных актов. В 7-ми томах / Сост. А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2009.
10. «Неотъемлемые права» Декларации независимости // 200 лет США. – Вашингтон, 1976.
11. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
12. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 25-34.
13. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
14. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: ЭР-граф, 2011.
15. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
16. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 8-16.
17. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
18. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
19. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного человеческого. – Париж, 1931.
20. Джон Бернал. Возникновение жизни / Пер. с англ. И.Б. Бухвалова, Ю.И. Лашкевича, К.А. Любарского; Под ред. акад. А.И. Опарина. – М.: Мир, 1969.
21. Игитова И.В. Механизм реализации Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 76-82.
22. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
23. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. – Тула, 2000.
24. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – №7.
25. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
26. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. – М., 1994. – №4.
27. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
28. Мир философии: Книга для чтения. Ч. 2.
29. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000.
30. Раймонд А. Муди и другие. Жизнь после смерти / Пер. с англ. – Душанбе, 1993.
31. Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб., 1997.
32. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
33. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
34. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
35. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: docantonov@mail.ru

ГОРЛЕНКО Валерий Александрович,
доцент Нижневартовского филиала Северо-
Западной академии государственной службы,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: gorlenko@ya.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДА В РОССИИ: ИДЕИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации принципа независимости судебной системы в России. Авторы, подробно анализируя имеющиеся проблемы в сфере осуществления судебного рассмотрения дел, формулируют и обосновывают предложения, направленные на совершенствование механизма реализации прав граждан на независимое правосудие.

Ключевые слова: судебная система; независимость судей; реформа судебной власти.

**ALEKSANDROV R.A.
ANTONOV I.A.
GORLENKO V.A.
KONDRAV I.N.**

INDEPENDENCE OF THE COURT IN RUSSIA: IDEAS AND REALITY

The summary. The article deals with the peculiarities of implementation of the judicial system independence principle in Russia. The authors making a detailed analysis of the existing problems in the area of case trials formulate and justify proposals aimed at the improvement of citizens' implementation mechanism for the right to independent justice.

Key words: judicial system; independence of judges; judicial power reform.

В Концепция судебной реформы в России 1991 года, определившей основные направления развития правоохранительной системы российского государства на последующие годы [4; 5; 6; 8; 11; 15; 20; 21; 27; 28; 30; 37], в качестве одной из главных задач было названо утверждение судебной власти в государственном механизме, как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной. Насколько это положение реализовано сегодня?

Работа судебной системы должна была совершенствоваться таким образом, чтобы отвечать основным критериям правового государства [7; 9; 10; 12; 13; 16; 17; 18; 19; 22; 23; 24; 25; 26; 29; 31; 32; 33; 36], где обеспечивается верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, охрана законных интересов личности, взаимная ответственность государства и граждан, защита общества от произвола властей. Правосудие должно играть почетную роль в системе сдержек и противовесов, должно быть способно сглаживать конфликты и примирять законность с целесообразностью в каждом конкретном случае.

Поэтому ядром судебной реформы выступили преобразования суда и процесса, под знаком и во имя которых коренным образом обновлялись и иные институты права, изменялись предназначение и деятельность других правоохранительных органов, действующих до суда, для суда и после суда, во исполнение судебных приговоров и решений. При этом основное внимание совершенно обоснованно было уделено уголовному правосудию как безальтернативному механизму защиты основных прав и законных интересов гражданина в экстремальной ситуации преступного правонарушения.

Независимость и беспристрастность правосудия являются важнейшими составляющими такого государства, которое гарантирует защиту прав и основных свобод человека и гражданина и чьи институты базируются на нормах закона. Именно это положение закреплено в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую Российская Федерация ратифицировала в мае 1998 года и которая является основополагающим юридическим документом для законодателей по приведению национального законодательства, регламенти-

рующего отправление правосудия по уголовным делам, в соответствие с международными стандартами охраны прав личности: «Каждый человек имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...».

В целях реализации положений независимости и беспристрастности в рамках судебной реформы Россия в 2001 году направила усилия на совершенствование Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» [2], Федерального Конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [1] и Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [3] в 2002 году.

Основой и ориентиром в этой работе послужили достижения Совета Европы в этой области:

- Рекомендация R (94) 12 Комитета министров «О независимости, эффективности и роли судей», которая рекомендует государствам – членам принять либо усилить все необходимые меры для развития роли судей и для повышения их независимости и эффективности их деятельности; содержит принципы, направленные на соблюдение, защиту и развитие независимости судей, а также принципы, относящиеся к авторитету судей, соответствующим условиям их труда, свободе объединений, ответственности судей и их дисциплинарным проступкам.
- Европейская Хартия о статусе судей 1998 года, содержащая напоминание о том, что статус судей имеет целью обеспечить компетентность, независимость и беспристрастность, которых любое лицо вправе ожидать от судов и от каждого из судей, которым поручено защищать его права, а также устанавливающая основные принципы о гарантиях, которыми сопровождается отбор судей, их назначение, карьера, ответственность, вознаграждение и прекращение исполнения ими своих функций.
- Консультативный Совет европейских судей, образованный Комитетом министров Совета Европы в 2000 году для содействия разработке программы действий для усиления роли судей, их независимости, беспристрастности и компетентности.

Содержание названных документов в той или иной степени нашло отражение в национальном законодательстве. Так, согласно статье 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации» суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону. В Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей. Лица, виновные в оказании незаконного воздействия на судей и присяжных заседателей, участвующих в осуществлении правосудия, а также в ином вмешательстве в деятельность суда, несут ответственность, предусмотренную федеральным законом. Статья 16 говорит о неприкосновенности судей. Эти положения дополнительно раскрываются и конкретизируются в Федеральном законе «О статусе судей в Российской Федерации».

В организационно-правовом аспекте независимость судей проявляется в сложной процедуре их назначения; продолжительности службы в этом качестве; существовании гарантий, препятствующих оказанию давления на них (в частности, уголовно-правовых).

Судебная практика Европейского суда по правам человека по статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод свидетельствует о том, что право на независимый и беспристрастный суд, созданный на основании закона, содержит как объективные, так и субъективные элементы. Объективные требования носят в основном конституционный характер, предусматривая разделение властей в рамках конституционных структур данной страны. Разделение исполнительной и судебной ветвей власти особенно важно для обеспечения основы независимости судебной системы, однако независимость ее функционирования требует дополнительного уточнения. Решающее значение имеет, разумеется, положение судей: если они в любое время могут быть уволены правительством или другими органами, то их институциональная независимость не является обеспеченной. Кроме того, если суды или сами судьи подвергаются контролю или находятся под влиянием несудебных структур, то может иметь место нарушение статьи 6. К числу факторов, свидетельствующих о

наличии такого контроля, относятся условия оплаты судей, возможность получения судами инструкций от других ветвей власти или угрозы перевода судей на другие должности в случае, если их решения не соответствуют ожиданиям или инструкциям [14, стр. 217-218].

Касаясь субъективной оценки независимости и беспристрастности членов суда, Европейский суд определил как достаточно обоснованное возражение заявителя в связи с включением в состав суда сотрудников правительенного учреждения одной из земель Австрии. Ссылаясь на важность обеспечения объективности правосудия, отметим, что у разумного человека такой состав суда может вызвать сомнения относительно его независимости. Суд усмотрел нарушение пункта 1 статьи 6. Дело в том, что один из членов этого органа в профессиональном плане был подчиненным одной из сторон в судебном процессе. Суд заявил, что при таких обстоятельствах «у тяжущихся сторон могут возникать законные сомнения относительно независимости данного лица. Такая ситуация серьезно подрывает то доверие, которое должны внушать суды в демократическом обществе» [35].

В Российской Федерации, как представляется, с означенных позиций созданы условия для институциональной независимости суда, а также беспристрастности судей.

В уголовно-процессуальном аспекте независимость судей связывается, прежде всего, с рассмотрением решений, принятых несудебными органами. В частности, с рассмотрением материалов, подготовленных органами уголовного преследования, с рассмотрением жалоб на действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры. Кроме того, суд должен быть независимым от сторон в деле.

В этой связи огромное значение приобретает принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), свободы внутреннего убеждения при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу. Суд это орган государства. И государство смотрит на суд как на средство наиболее правильно выполнить свою задачу охраны правового порядка, охраны закона и обеспечения справедливости.

Не менее важным принципом уголовного судопроизводства, гарантирующего независимость судебной власти, является принцип осуществления правосудия только судом. Согласно

статье 8 УПК Российской Федерации никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Тем не менее, нельзя не отметить, что содержание названной статьи расходится с положениями отдельных норм уголовно-процессуального закона. Так, вторая статья 8 УПК Российской Федерации указывает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда. Данная норма соответствует содержанию статьи 14 УПК Российской Федерации, закрепляющей принцип презумпции невиновности и провозглашающей, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Однако уголовно-процессуальный закон допускает возможность прекращения уголовного дела в ходе досудебного производства органами уголовного преследования, в том числе по нереабилитирующем основаниям (в связи с примирением сторон – ст. 25 УПК РФ, в связи с деятельным раскаянием – ст. 28 УПК РФ и др.), когда лицо фактически признается виновным в совершении преступления не судебным приговором, а решением дознавателя, следователя, прокурора.

Таким образом, необходимо в статье 8 УПК Российской Федерации предусмотреть норму, согласующуюся с институтом прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования. Как вариант, можно изложить часть вторую статьи 8 в следующей редакции: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям возможно в ходе досудебного производства лишь с согласия обвиняемого».

Немаловажное значение в становлении независимости и беспристрастности правосудия играет развитие состязательных начал уголовного

судопроизводства, когда функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

В этой связи особого внимания заслуживает проблема наделения суда контрольными полномочиями в ходе досудебного производства по уголовным делам. Вообще в состязательном уголовном процессе, каковым является его создать российский законодатель, единственную функцию, которую может выполнять судья, – это функция юстиции (разрешения дела по существу). В ходе досудебного производства она приобретает весьма специфическую форму, связанную с предварительным, подготовительным характером стадии предварительного расследования. Тем не менее, она должна оставаться, на наш взгляд, чисто судебной деятельностью, обеспечивая, гарантируя реализацию назначения уголовного судопроизводства – защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, обвинения и осуждения и ограничения ее прав и свобод.

В УПК Российской Федерации предусмотрены две формы судебного контроля за органами предварительного расследования: перспективный (предварительный) судебный контроль, когда суд в ходе досудебного производства: принимает решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста; о продлении срока содержания под стражей; о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска, выемки в жилище, а также применении ряда других мер процессуального принуждения и проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан (ст. 29, 165 и др. УПК РФ); ретроспективный (последующий) судебный контроль, который на досудебном производстве выражается: в судебном порядке рассмотрения жалоб участников процесса, а также иных лиц на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников

уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (ст. 125 УПК РФ); в проверке законности произведенных неотложных следственных действий, а также решении вопроса о недопустимости полученных с процессуальным нарушением доказательств (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

При этом возможно согласиться со встречающимся в юридической литературе мнением, что предварительное следствие сможет стать полностью состязательным только в том случае, когда судебный контроль над ним будет состоять из следующих элементов:

- а) принятие судом решений о применении мер процессуального принуждения;
- б) легализация судом представленных сторонами на предварительном расследовании доказательств в качестве судебных;
- в) контроль над процессом предъявления здесь первоначального обвинения [34, стр. 50-58].

Представляется, что именно контроль за предъявлением первоначального обвинения сегодня необходим российскому уголовному процессу, чтобы обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства – защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования и обвинения.

На повышение гарантированности независимости суда при производстве по уголовным делам

направлены и такие новации российского уголовно-процессуального закона, как отмена прокурорского протеста (ст. 325, 371 УПК РСФСР) и введение порядка принесения прокурором апелляционного, кассационного или надзорного представления (ст. 354, 402 УПК РФ). При этом сама смена терминологии уже говорит о повышении авторитета судебной власти.

Повышает независимость судебной власти и требование закона об обязанности исполнения судебных решений и указание на уголовную ответственность за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ). Суд должен обладать полномочиями, принимать обязывающие решения, которые никем не могут быть изменены.

Таким образом, можно заключить, что в период проводимой в нашей стране судебной реформы на законодательном уровне созданы условия для независимости судей. Однако останавливаться на достигнутом нельзя. В целях совершенствования судебной системы Российской Федерации сегодня еще необходимо работать над решением задач по неукоснительному и быстрому исполнению судебных решений, по созданию нормальных условий труда, безопасности и профессиональной подготовки судей.

Список литературы

1. Федеральный Конституционный закон от 15 декабря 2001 года № 5-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4825.
2. Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 169-ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4834.
3. Федеральный закон от 14 марта 2002 года № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.
4. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже ХХ-XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
5. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
7. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
8. Бедняков Д.И. Некоторые аспекты судебно-правовой реформы в РСФСР // Государство и право. – 1994. – №5.
9. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социалистическая ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
10. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.

11. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗ и П., 1997.
12. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
13. Гаджиев К.С., Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – №9.
14. Гомъен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М., 1998. – С. 217-218.
15. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
16. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
17. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
18. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
19. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
20. Краснов М. От Концепции 1991 года до сегодняшнего дня. Попытка инвентаризации // Российская юстиция. – 2001. – №11.
21. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
22. Малько А.В. Правовое государство // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
23. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
24. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
25. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
26. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
27. Петрухин А.М. Что будет с судебной реформой? // Государство и право. – 1994. – №10.
28. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
29. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
30. Проблемы развития судебной системы: российской и мировой опыт решения: Сб. ст. по мат. Всерос. научно-практ. конф. 13 октября 2011 г. / Под. ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011.
31. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: Сб. тр. адвокатов и соиск. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1994.
32. Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
33. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник СПб. ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 3-14.
34. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000.
35. Судебное решение по делу Шрамек от 22 октября 1984 г. Series A, No 84, p. 20, para. 42.
36. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство (Концепции демократического конституционного правового государства): Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 1992.
37. Тхакушинов М.А. Место прокуратуры в механизме государства // Вестник СПб. ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 132-137.

ЗОИРОВ Сухроб Джурахонович,
следователь Следственного отделения Отдела
внутренних дел-1 по району Рудаки МВД
Республики Таджикистан,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-
Петербургского университета МВД России
E-mail: zoiroff-sd@gmail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТАДЖИКИСТАНЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлена проблема незаконного оборота наркотиков и наркомании с криминалистических, криминологических и уголовно-правовых сторон. Отмечается значительный рост наркопреступлений в Таджикистане и других странах мира за последние 25 лет. Все это предопределило криминализацию и введение в действующее уголовное законодательство дополнительных составов анализируемых преступлений. Используя метод сравнительного правоведения, автор изучает эти составы преступлений применительно к России и Таджикистану.

Им использованы международно-правовые нормы, национальное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан, судебная практика, различная научная литература, сформулированы выводы и предложения, заслуживающие поддержки.

Ключевые слова: наркомания; незаконный оборот наркотиков; наркотические средства; психотропные вещества; прекурсоры; преступление; предмет преступления; квалифицирующие признаки; виды и характер санкций; с целью сбыта; без цели сбыта; предотвращение преступлений; раскрытие и расследование преступлений; криминологическая и криминалистическая характеристика.

ZOIROV S.D.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IN TAJIKISTAN AND RUSSIA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The summary. The article presents the problem of drug trafficking and drug addiction on forensic, criminological and criminal viewpoints. A considerable increase in drug-related crimes in Tajikistan and other countries over the recent 25 years is noted. All of this predetermined criminalization and introduction of additional formal components of the analyzed crimes into the applicable criminal legislation. Using the method of comparative law the author researches these legal components of a crime in respect to Russia and Tajikistan.

He uses international legal norms, the national laws of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, judicial practice, various scientific papers, formulates conclusions and proposals that deserve to be supported.

Key words: drug addiction; illegal drug trafficking; narcotic drugs; psychotropic substances; precursors; crime; target of crime; defining constituent elements; types and character of sanctions; with the purpose of sale; without purpose of sale; prevention of crimes; detection and investigation of crimes; criminological and forensic characteristics.

За последние 15 лет в Таджикистане доля наркотропствий от всей массы общеголовных деяний выросла в несколько раз. Поэтому неслучайно незаконный оборот наркотиков и наркомания как серьезные факторы, негативно влияющие на оперативную обстановку в стране [14], обусловили включение ряда актуальных составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан, принятый 21 мая 1998 года [2].

В Уголовном кодексе Таджикистана в Главе 22 «Преступления против здоровья населения» в части, касающейся борьбы с незаконным оборотом наркотиков, учтены рекомендации международных договоров, особенности внутреннего «черного» рынка наркотических средств. Расширен перечень уголовно-правовых норм и список предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, введены новые квалифицирующие признаки, пересмотрены виды и размеры санкций.

В настоящее время в Республике Таджикистан предусмотрена уголовная ответственность за следующие общественно опасные деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ:

1. Статья 200. Незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта.

Под оборотом в рамках данной статьи понимается незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, транспортировка или пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ. При этом не имеет значение, какие именно незаконные действия, из перечисленных в диспозиции статьи, совершил преступник (все или только одно).

В отличие от ст. 228 УК РФ, квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ст. 200 УК РТ, являются совершение незаконных действий в мелком размере (ч. 1), в небольшом размере (ч. 2), в крупных размерах (ч. 3), в особо крупных размерах (ч. 4). Кроме этого, в ст. 200-205 УК РТ предусмотрена повторность совершения преступления (если ему способствовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных указанными статьями) как квалифицирующий признак состава преступления.

Особо хочется отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации разграничивает незаконные производство, сбыт и пересылку наркотических средств от других незаконных действий, устанавливая более строгие санкции за совершение вышеуказанных действий.

Если же сбытчик наркотических средств не успел довести свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам, его действия квалифицируются через ст. 30 УК РФ как покушение на преступление.

В уголовном законодательстве Республики Таджикистан перечень незаконных действий, связанных со сбытом наркотических средств, шире и включает в себя, кроме вышеперечисленных, еще и незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение с целью сбыта. Это, казалось бы, незначительное отличие создает определенные сложности в работе сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан в процессе доказывания. Связано это с тем, что на практике зачастую сложно установить, был ли направлен умысел преступников на сбыт наркотических средств.

2. Статья 201. Незаконное обращение с наркотическими средствами или психотропными веществами.

Отличие данного состава от выше указанного состоит в том, что к уголовной ответственности привлекаются лица, виновные в незаконном обращении без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ.

3. Статья 202. Хищение наркотических средств или психотропных веществ (в редакции Закона РТ от 17.05.2004 г. №35).

4. Статья 202.1. Незаконное производство, изготовление, переработка приобретение, хранение, транспортировка или пересылка прекурсоров. Ответственность по данной статье наступает, если указанные незаконные действия осуществляются с целью использования прекурсоров для производства либо изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Под прекурсорами понимаются вещества, классифицированные в соответствующей международной Конвенции и национальном Списке как исходные или вспомогательные при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ [5].

5. Статья 202.2. Хищение прекурсоров.

Стоит отметить, что в Российской Федерации

не предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия с прекурсорами. Однако регулирование даже путем уголовно-правового запрета оборота прекурсоров должно способствовать более эффективному противодействию незаконному обороту наркотических средств. Поэтому предлагается разработать в дальнейшем соответствующую статью УК РФ по аналогии со ст.ст. 202.1-202.2 УК РТ.

6. Статья 203. Вовлечение в потребление наркотических средств или психотропных веществ (в редакции Закона РТ от 17 мая 2004 г. № 35).

Под вовлечением в потребление наркотических средств или психотропных веществ понимаются любые умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания к их употреблению (уговоры, предложения, дача советов и т. п.), а также обман, психическое и физическое насилие, ограничение свободы и другие действия с целью принуждения к приему наркотических средств или психотропных веществ лица, на которое оказывается давление [6].

7. Статья 204. Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества. Под культивированием в рамках данной статьи понимается незаконной посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества.

8. Статья 205. Организация или содержание

притонов для потребления наркотических средств или психотропных (в редакции Закона РТ от 17.05.2004 №35).

9. Статья 206. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ с целью сбыта.

10. Статья 206.1. Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами или прекурсорами, сильнодействующими или ядовитыми веществами.

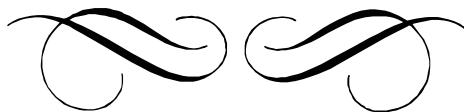
Уголовное законодательство Республики Таджикистан предусматривает за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, дополнительное наказание в виде конфискации имущества.

С целью предотвращения возможных опасных последствий оборота наркотиков в стране установлены специальные правила производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств [1; 3; 4]. Они имеют целью обеспечить использование этих средств исключительно в научных, медицинских и производственных целях. Виновные в нарушении установленного порядка оборота наркотических средств должны нести уголовную ответственность [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19].

Список литературы

1. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю 10-летия со дня создания Агентства по контролю за наркотиками при Президенте РТ 30 мая 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj>
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
3. Указ Президента Республики Таджикистан от 12 апреля 1996 года «О неотложных мерах по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
4. Закон Республики Таджикистан «О наркологической помощи» от 5 ноября 2003 года // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
5. Закон Республики Таджикистан от 10 декабря 1999 г. №873 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (в редакции Закона РТ от 10.05.2002 г. №37) // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
6. Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан №5 от 12 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами или прекурсорами» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.

7. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
8. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
9. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – №3. – С. 28-30.
10. Антонян Ю.М., Князев В.В. Борьба с незаконным оборотом наркотиков за рубежом. – М., 1999.
11. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ). – СПб., 1999.
12. Верещагин В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации / Под ред. Л.М.Исаевой – М., 2005.
13. Всемирный Доклад ООН о наркотиках за 2010 год // Наркоконтроль. – 2010. – №3. – С. 26-34.
14. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
15. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 134-140.
16. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. – 2008. – №3.
17. Наркотики в России: преступления и расследование / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.
18. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
19. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конференция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – №4. – С. 37-44.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

САФАРАЛИЕВА Сабина Гаджиметовна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Первого Московского юридического института,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: safaralieva@ya.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследованы особенности взаимодействия сферы науки и высшего образования в России. Выделяя такие области, как научная деятельность и высшее образование, автор путем комплексного анализа в аспекте политики государства в данных областях, рассматривает и анализирует имеющиеся на сегодняшний день недостатки с точки зрения их объединения и взаимодействия, а также приводит ряд обобщающих выводов по указанной проблематике.

Ключевые слова: научная деятельность; высшее образование; нормативная правовая база в области науки и образования.

SAFARALIEVA S.G.

WAYS TO IMPROVE THE AREAS OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION INTEGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. The article researches the specific features of interaction between the fields of science and higher education in Russia. Singling out such areas as scientific activities and higher education the author through a comprehensive analysis in the aspect of the state policy in these areas considers and studies the current drawbacks from the viewpoint of their integration and interaction as well as makes a number of generalizing conclusions on the specified subject matter.

Key words: scientific activities; higher education; regulatory legal framework in the area of science and education.

Мировой и российский опыт свидетельствуют, что высшее образование и наука как специализированные области деятельности без взаимной интеграции и тесного взаимодействия между собой, а также с реальным сектором

экономики теряют дееспособность и становятся все менее конкурентоспособными. Так, отсутствие научной базы для реализации программ высшего образования ведет к тому, что современные выпускники вузов зачастую не могут найти

применение на рынке труда из-за плохого знания достижений науки и техники. В свою очередь, научные организации, призванные не только создавать, но и аккумулировать мировое знание, нуждаются в высококвалифицированных кадрах, склонных к исследовательской работе и имеющих соответствующие заделы в приоритетных направлениях науки.

Таким образом, обособленное существование научных и образовательных структур снижает потенциал их развития, уменьшает вклад в преобразование экономики и общества, препятствует полноценному вхождению в мировое научно-образовательное пространство. Можно предположить, что одной из причин существенного снижения за последние годы количества организаций, выполняющих научные исследования, не в последнюю очередь связано с оторванностью друг от друга высшего образования и науки.

Данные показывают, что с 1992 по 2008 годы количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, уменьшилось на 20%. Доля вузов, выполняющих научные исследования, составила к 2007 – 2008 гг. в общем количестве указанных организаций 22%. Она несколько увеличилась по сравнению с 1992 годом, тогда эта доля составляла всего 9,8%. Однако в силу того что возникшие за этот период негосударственные вузы практически не ведут исследований, к началу 2007 г. научная деятельность осуществлялась лишь в 38% российских высших учебных заведений [2].

Положение необходимо срочно исправлять, поскольку характерной особенностью современного мирового хозяйственного развития является переход к построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности, высокая квалификация сотрудников становятся ведущим производственным ресурсом и основным источником экономического роста.

Центральное место в процессе кругооборота знаний в человеческом сообществе принадлежит научным и образовательным структурам. Этот кругооборот включает в себя добывание новых знаний, распространение знаний, использование знаний, в том числе для получения все новых и новых знаний. Именно в кругообороте знаний проявляет себя интеграция науки и образования.

Приходится, однако, констатировать, что у нас все еще отсутствуют четко определенные приоритеты научного и технологического развития, наблюдаются попытки сохранить весь спектр исследований в сочетании с ограниченностью объема финансовой поддержки науки. Так, удельный вес данного сектора в общем объеме таких затрат составляет примерно 6,1% (в том числе собственно вузов – 5,1%), причем подобная картина наблюдается на протяжении как минимум двух десятилетий. Это более чем вдвое ниже по сравнению с США (14,3%) и Японией (13,4%) и почти в четыре раза ниже, чем в странах ЕС (22,5%). В среднем по странам ОЭСР соответствующая доля достигла около 17,6% [2].

Такое положение приводит к тому, что российская научно-инновационная система не вышла на этап развития и расширенного воспроизведения знаний. Объем экспорта технологий из России составляет не более 1,8% от мирового объема, а импорта – не более 1%. Соответственно, показатели США по доле экспорта и импорта составили 11,4% и 19,4%, Германии – 10,1% и 7,9%, Италии – 4,2% и 3,6%.

Следует отметить, что российская научно-образовательная среда пока еще сохраняет ряд положительных показателей, которые позволяют ей восстановить былое могущество. К таким показателям можно отнести наличие:

- высокого общеобразовательного уровня населения;
- добротных компонентов фундаментальной составляющей в естественнонаучном и техническом образовании;
- развитой сети научных государственных организаций, имеющих заделы в ряде областей, определяющих сегодня развитие мировой экономики. Но все это не может быть реализовано в полной мере, так как государственная политика не сориентирована на их использование.

Основной задачей российского научно-образовательного сообщества является расширенное воспроизведение интеллектуального потенциала нации; сбалансированное развитие национальной инновационной системы в направлении рыночной экономики, конкурирующей на рынках знаний, товаров, услуг, решения задач обеспечения национальной безопасности. Основным механизмом достижения указанной цели и средством кадрового обеспечения

национальной инновационной системы является многоуровневая программная и институциональная интеграция научной и образовательной деятельности.

Обоснованно оценить перспективы развития интеграционных процессов в России можно только с учетом особенностей отечественного научно-образовательного комплекса и происходящих в нем изменений. Прежде всего, следует отметить, что специфика институциональной структуры отечественной науки состоит в наличии юридически самостоятельных специализированных исследовательских организаций.

Указанная специфика сложилась и утвердилась в годы советской власти, когда наряду с обширной сетью академических институтов стали создаваться отраслевые исследовательские институты. При этом решение задач укрепления обороноспособности страны и ее индустриализации потребовало дальнейшего расширения именно отраслевых институтов. Только в 1918 – 1927 гг. было создано около 800 научных учреждений, тогда как в 1913 г. в России их было всего 298. Возникшие в годы довоенных пятилеток многочисленные отраслевые и академические организации охватывали все новые и новые области исследований; началось формирование республиканских и отраслевых академий. В этой ситуации высшая школа перестала быть главным центром фундаментальных исследований [5].

Вопреки тенденции наращивания объемов исследований и разработок в университетах и промышленных компаниях, доминировавшей в ведущих индустриальных странах, в СССР они во все большей степени концентрировались в системе Академии наук и отраслевых НИИ и КБ. В этих условиях координация науки и образования носила фрагментарный характер и была подчинена решению конкретных экономических и политических задач. Об этом, в частности, свидетельствует создание в начале 1950-х гг. Московского физико-технического института и Московского инженерно-физического института, а позднее Новосибирского академгородка, ставших примером успешной интеграции науки и образования, однако апробированные модели не получили дальнейшего развития.

В пореформенной России на фоне резкого сокращения сети конструкторских и проектных организаций, опытных заводов, научно-технических служб предприятий, то есть структур,

призванных обеспечить трансфер научных результатов в инновационную сферу, вплоть до начала 2000-х гг. отмечалось наращивание числа НИИ за счет создания новых либо разукрупнения действующих организаций. Это происходило путем образования новых юридических лиц, а не укрепления исследовательской базы университетов и предприятий, которые, собственно, и составляют костяк инновационных систем в странах с развитой рыночной экономикой [3, стр. 30]. В итоге усилились диспропорции в институциональной структуре науки: если в 1990 г. в самостоятельных НИИ и КБ было сконцентрировано чуть более половины численности персонала, занятого исследованиями и разработками, то в 2006 г. – свыше 83%. Столь же значителен и их удельный вес в затратах на науку – примерно 82% [2].

В течение нескольких десятилетий научные исследования в вузах не входили в число реальных приоритетов научно-образовательной политики государства и финансировались по остаточному принципу. Их ощущимая финансовая поддержка возобновилась только в последние годы. Тем не менее, объем бюджетных ассигнований по ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы» даже с учетом его роста с 2,6 млрд. до 4,7 млрд. руб. в 2006 – 2010 гг. достиг не более 1,3 – 1,4% суммарных расходов федерального бюджета на образование и науку.

В структуре доходов вузов средства от научной деятельности составляют всего 3,7%; причем лишь у 8% вузов они превышают 10% их суммарного бюджета. Заметным прорывом стало финансирование инновационных образовательных программ 57 ведущих вузов в рамках приоритетного национального проекта «Образование» (30 млрд. руб. в 2006 – 2008 гг.), но на научные исследования была израсходована лишь примерно 1/8 выделенных средств.

Как следствие, численность персонала, выполняющего исследования и разработки в вузах, сократилась в 3,8 раза (по российской науке в целом – в 2,7 раза) – с 168,0 тыс. до 44,7 тыс. человек. По сравнению с преподаванием в рамках платных программ основного и дополнительного образования для подавляющей части профессорско-преподавательского состава исследовательская деятельность утратила свою привлекательность: за 10 лет доля преподавателей вузов, принимающих участие в исследованиях,

снизилась с 38 до 16%. Около 80% программ высшего профессионального образования не базируется на научной работе. В конечном счете, подавляющая его часть превратилась в «подготовку уровня колледжа, где обучают по лучшим учебникам и скорее воспроизводят знания, а не развивают их» [6, стр. 65].

Развитию вузовской науки, ее интеграции с академической и отраслевой наукой мешает направленность правового регулирования на фактическое блокирование бюджетной поддержки интегрированных структур, более того их существование и деятельность квалифицируется как нарушение ряда положений действующего законодательства*.

Реальный уровень и неблагоприятные тенденции интеграции в научно-образовательном комплексе России придали импульс работам по совершенствованию его правового регулирования. 1 декабря 2007 г. был принят Федеральный закон №308-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки».

В соответствии с названным законом Федеральный закон от 22 августа 1996 г. №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» был дополнен статьей 2.1, в которой определены цели интеграции высшего и послевузовского профессионального образования и науки, а именно: кадровое обеспечение научных исследований, развитие и совершенствование системы образования путем использования новых знаний и достижений науки и техники. В этой же статье указано, что интеграция может осуществляться в различных формах, в том числе:

- 1) проведения высшими учебными заведениями научных исследований и экспериментальных разработок за счет грантов или иных источников финансирования;
- 2) привлечения высшими учебными заведениями работников научных организаций и научными организациями работников высших учебных заведений на договорной основе для участия в образовательной и (или) научной деятельности;
- 3) осуществления высшими учебными заведениями и научными организациями совместных научно-образовательных проектов, научных исследований и

экспериментальных разработок, а также иных совместных мероприятий на договорной основе;

- 4) реализации научными организациями образовательных программ послевузовского профессионального образования, а также образовательных программ дополнительного профессионального образования;
- 5) создания на базе высших учебных заведений научными организациями лабораторий, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации;
- 6) создания высшими учебными заведениями на базе научных организаций кафедр, осуществляющих образовательный процесс, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Пункт 4 статьи 27 упомянутого закона дополнен абзацем, разрешающим вузам с согласия учредителя (собственника) и на основании договоров предоставлять научным организациям в пользование движимое и недвижимое имущество, а также использовать на основании договоров движимое и недвижимое имущество, принадлежащее научным организациям на праве собственности, оперативного управления или хозяйственного ведения. Между такими государственными некоммерческими организациями указанные отношения могут осуществляться на безвозмездной основе.

В свою очередь в Федеральный закон от 23 августа 1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» были внесены дополнения, разрешающие научным организациям в целях подготовки и переподготовки научных работников и специалистов осуществлять обучение по образовательным программам послевузовского профессионального образования, а также по образовательным программам дополнительного профессионального образования. Им же разрешено осуществлять сотрудничество и координацию своей деятельности с образовательными учреждениями высшего профессионального образования, в том числе на договорной основе, а также путем создания объединений научных организаций и образовательных учреждений высшего профессионального образования в форме ассоциаций или союзов в соответствии с

законодательством Российской Федерации.

В соответствии с договором, заключенным с образовательным учреждением высшего профессионального образования, научные организации могут создавать структурное подразделение (лабораторию), осуществляющее научную и (или) научно-техническую деятельность на базе образовательного учреждения высшего профессионального образования с учетом образовательных программ и тематики научных исследований, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Как и вузы, научные организации в соответствии с заключенным с образовательным учреждением высшего профессионального образования договором имеет право предоставлять образовательному учреждению высшего профессионального образования в пользование движимое и недвижимое имущество, а также использовать движимое и недвижимое имущество, принадлежащее образовательному учреждению высшего профессионального образования на праве собственности или оперативного управления. Также подчеркнуто, что между государственными некоммерческими организациями указанные отношения могут осуществляться на безвозмездной основе (п. 1, 3 ст. 5).

Анализ новаций, содержащихся в законе об интеграции, показывает, что его основная цель состоит преимущественно в признании фактически сложившихся механизмов, а не в создании новых.

Законодатель, в частности, не откликнулся на предложения, вносившиеся на стадии подготовки закона, в отношении возможности безвозмездного использования в целях интеграции науки и образования имущества государственных организаций, осуществляющих свою деятельность в форме унитарного предприятия или акционерного общества, ибо именно в этих организационно-правовых формах функционируют ведущие отраслевые НИИ и КБ. Не получили легитимного статуса такие самостоятельные формы интеграции, как научно-образовательные центры, ставшие в последние годы одним из ее наиболее эффективных институтов.

Новый закон не содержит системы комплексного стимулирования интеграции. Вне сферы его действия остались проблемы финансирования вузовской науки. Закон не затрагивает вопросов интеграции научно-образовательного комплекса с производством, чем

заведомо сужают круг потенциальных участников интеграции.

В этой связи хотелось бы отметить следующее. Интеграция науки и образования должна обеспечивать:

- повышение качества образования и подготовку научно-технических кадров, обладающих современными знаниями на уровне новейших достижений науки и технологий и практическим опытом участия в научных исследованиях, полученным в процессе обучения;
- привлечение и закрепление талантливой молодежи в науке и образовании;
- повышение эффективности использования бюджетных средств, кадровых, информационных и материально-технических ресурсов научных организаций и вузов при проведении фундаментальных и прикладных исследований и подготовке научных кадров;
- активизацию взаимосвязей с бизнесом, процессов коммерциализации результатов прикладных научных исследований и разработок; передачу технологий в реальный сектор экономики.

Взаимодействие ведущих академических институтов и высших учебных заведений целесообразно осуществлять в форме:

- научно-образовательных объединений (процесс их создания может начинаться с договоров на реализацию совместных образовательных программ, где партнерами являются вузы, академические и отраслевые научные организации);
- центров передовых исследований, формируемых на базе объединения ведущих вузовских и академических научных коллективов и финансируемых на конкурсной основе;
- совместных испытательных центров и полигонов, научных и технологических парков, научно-технических и инновационных фирм;
- региональных межведомственных координационных советов по научным направлениям при академиях наук, имеющих государственный статус, функционирующих на базе вузов и имеющих секции со штатными научными работниками;
- совместных специализированных советов по

присуждению ученых степеней на базе вузов и НИИ.

В качестве институциональной формы интеграции научной и образовательной деятельности могут являться федеральные исследовательские университеты и интегрированные научно-образовательные центры.

На первом этапе федеральные исследовательские университеты могут определяться из числа ведущих вузов страны, имеющих международный рейтинг и обладающих признанными научными школами, собственной инфраструктурой и научно-экспериментальной базой. При этом должно учитываться высокое качество проводимых исследований, признанный уровень образования и подготовки научных кадров высшей квалификации. Примером в этом отношении могут служить Китай и США, где элитный сектор высшего образования включает, соответственно, 100 и 104 ведущих вузов, функционирующих как исследовательские университеты.

К интегрированным научно-образовательным центрам должны относиться структуры, осуществляющие подготовку кадров в неразрывной связи с процессом научных исследований по крупным научным направлениям (или взаимосвязанному комплексу направлений). Подобные центры следует учреждать на правах юридического лица ведущими научными организациями и высшими учебными заведениями (причем не обязательно широкого, но и узкого профиля).

Научным организациям академий наук, имеющим государственный статус, ведущим НИИ и КБ (в том числе в оборонном комплексе) необходимо:

- максимально развернуть свой потенциал в образовательной деятельности;
- привлекать высококвалифицированных исследователей к подготовке научных кадров через магистратуру и аспирантуру, являющиеся наиболее благоприятной средой для развития интеграционных процессов в науке и образовании, предоставлять свою производственную базу для целей образования;
- активное сотрудничество высшей школы с академиями наук в плане поддержки и развития базовых кафедр университетов, созданных в академических научных

организациях**.

В настоящее время серьезной проблемой на пути развития системы базовых кафедр является неурегулированность отношений, связанных с совместным использованием имущества организаций науки и образования. Для решения этой и других проблем, препятствующих интеграции науки и образования, устранения существующих здесь запретов и ограничений и создания благоприятных правовых условий для развития этого процесса, в действующее законодательство необходимо внести ряд изменений и дополнений.

Следует, в частности, предусмотреть:

- передачу научно-образовательным структурам зданий, оборудования и иного имущества, высвобождаемого в процессе реструктуризации государственных научных учреждений;
- капитальные вложения в инфраструктуру передовых научно-образовательных центров и исследовательских университетов (общежития, современное оборудование и т. д.);
- создание центров коллективного пользования научным оборудованием (в том числе на базе уникальных научных установок), телекоммуникационных сетей, совместных центров научно-технической информации, опытно-экспериментальных баз и испытательных полигонов;
- формирование единой инновационной инфраструктуры на базе вузов и НИИ (центров передачи технологий, научно-технологических парков, консалтинговых фирм, бизнес-инкубаторов), поддержка создания малых инновационных фирм.

Бюджетное финансирование развития вузов следует осуществлять на основе среднесрочных (до 5 лет) программ, что позволит обеспечить реализацию крупных проектов развития учебно-научной деятельности. Реализуя принципы программно-целевого подхода, такие программы должны ориентироваться на четко поставленные цели, в том числе по интеграции науки и образования. Разработка бюджетной поддержки интеграционных процессов должна осуществляться в русле реализации перспективной государственной политики в области образования и науки.

Важным элементом государственной политики

в области образования и науки является развитие кадрового потенциала, включая:

- предоставление молодым ученым и преподавателям грантов для проведения исследований, приобретения научного оборудования, подготовки и реализации инновационных образовательных программ, создания малых стартовых фирм, а также льготных ипотечных кредитов;
- формирование специальной программы поддержки молодежных исследовательских коллективов в вузах (с привлечением ученых из академических и отраслевых НИИ);
- реализацию схем миграции кадров между НИИ, вузами, предприятиями.

Вкладывая средства в образование и науку, государство способствует созданию особого социального интеллектуального ресурса, который вправе использовать для общественных нужд. Оно не может мириться с тем, что сотни тысяч обученных за государственный счет выпускников вузов не идут работать на заводы, в школы, больницы, что тысячи молодых специалистов, подготовленных в российских научных учреждениях, уезжают на работу в другие страны. Опросы показывают, что более 50% студентов, которые готовятся стать педагогами, даже не собираются идти в школу. Также не желает работать в профессиональной области большая часть студентов инженерных и врачебных специальностей [4, стр. 9-17]. В этой связи представляется целесообразным обязать специалистов, подготовленных на средства государства, отработать в отраслях, для которых они готовились в течение определенного количества лет.

Заслуживает внимания и такое предложение, как сокращение количества бюджетных мест в образовательных специальностях, где велика доля востребованности платных образовательных услуг. Государство может эти области отдать негосударственным вузам, заодно избавив себя от ответственности за трудоустройство излишнего количества выпускников по этим специальностям. Думается, что Российская Федерация имеет также достаточно веские основания для квоты, выделяемой гражданам России, по обеспечению получения бесплатного образования в негосударственных вузах. Данное предложение базируется на том, что участие Российской Федерации в деятельности негосударственных

вузов весьма значительно. Это касается и кадрового обеспечения (большинство преподавателей в свое время получили образование на бесплатной основе), и материального обеспечения деятельности негосударственных вузов (большинство негосударственных вузов базируют свою деятельность на арендованном федеральном имуществе).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В традиционной советской высшей школе исследовательская деятельность являлась важной составляющей работы вуза. Однако в 30-х гг. XX века произошел отрыв отечественной высшей школы от науки. Исследовательская работа была сосредоточена в академиях и отраслевых научно-исследовательских институтах.

2. Формальное разделение науки и образования, проявившееся в институциональном, организационно-управленческом, правовом и финансовом обособлении этих сфер, нанесло существенный ущерб научному потенциалу высшей школы. Из-за отрыва академической науки от университетской исследовательская и инновационная деятельность для большинства вузовских преподавателей стала вторичной, мало оплачиваемой, направленной в первую очередь на защиту диссертаций, и не рассматривается как сколь-нибудь важная основа для образовательного процесса. Лишь в небольшом числе университетов работают совместители из академических или отраслевых институтов, которые привносят в вузы реальные и современные исследовательские задачи.

3. В настоящее время в нашей стране преобладают формы и механизмы взаимодействия науки и образования, возникшие в советское время, то есть в принципиально иных социально-экономических, институциональных, финансовых и правовых условиях, которые удалось адаптировать к происходящим переменам. Они представлены структурными элементами вузовской науки, которые возникали на базе или с участием университетов либо научных организаций для решения конкретных проблем и задач. В постперестроечный период появилось немало интегрированных научно-образовательных структур, которые преследовали цели не только создания качественно новых образовательных программ и научных направлений, но и выживания

и сохранения их учредителей в кризисных условиях.

4. Сложившиеся в советское время отечественные модели образования и науки оказались устойчивыми к радикальным рыночным реформам 1990-х гг. и социально-экономическим, правовым и административным новациям последних лет. Архаичность их институциональной структуры создает дополнительные препятствия для взаимодействия этих сфер.

5. Субъекты интеграции науки и образования в современной России представлены преимущественно государственными вузами, функционирующими в форме бюджетных (образовательных) учреждений, и научными организациями в форме бюджетных учреждений либо государственных унитарных предприятий. До появления нового типа государственных учреждений – автономных [1] – выбор организационно-правовых форм государственных научных и образовательных структур был фактически ограничен моделью бюджетного учреждения, правоспособность которого устанавливается Бюджетным кодексом РФ и имеет явную тенденцию к ограничению. Эффективность интеграции науки и образования в последующем будет в значительной степени определяться его нормами и их эволюцией.

6. Положение дел в российской вузовской науке резко контрастирует с практикой ведущих стран мира, где в университетах сосредоточен основной потенциал фундаментальной науки, выполняются масштабные прикладные исследования и разработки. По объему затрат из всех источников на научные исследования и разработки (примерно 1,1 млрд. долл.) российская вузовская наука находится примерно на уровне Финляндии, Норвегии, Дании и Израиля (1,1 – 1,3 млрд. долл.), заметно уступая не только крупнейшим державам – лидерам мировой экономики, но и таким развивающимся государствам, как Турция (2,5 млрд. долл.), Тайвань (1,7 млрд. долл.) и Мексика (1,6 млрд. долл.).

7. Несмотря на номинальный рост затрат на исследования и разработки в секторе высшего

образования (в 2,2 раза от уровня 1995 г.), его темпы явно недостаточны для выхода на дореформенный уровень (эта величина не достигает и 2/3 от показателя 1991 г.). В итоге затраты на науку в расчете на одного исследователя в отечественных вузах остаются минимальными – 15,5 тыс. долл., что примерно соответствует показателям Словакии (17,5 тыс. долл.), но уступает Румынии (26,3 тыс. долл.). Для сравнения: в Германии данная величина составляет 154,5 тыс., во Франции – 116,0 тыс. долл. Подобная ситуация не позволяет создать необходимые условия для результативной научной деятельности и обеспечить воспроизведение конкурентоспособных научных школ [2].

8. Нормативно-правовая база сфер образования и науки существуют автономно, что усугубляется их существенной неполнотой, фрагментарностью и противоречивостью. Усиливается зависимость этих сфер от норм и требований других отраслей законодательства (прежде всего бюджетного, налогового, гражданского), которые фактически блокируют создание новых институтов интеграции, поскольку предписывают вузам использовать бюджетные средства и государственное имущество исключительно для образовательной, а научным организациям – для исследовательской деятельности. Внесение поправок в законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и «О науке и государственной научно-технической политике», направленных на активизацию интеграции науки и образования, не изменили правового положения вузовской науки и не решили ее основных проблем.

9. Качество высшего образования зависит от материально-технического и кадрового обеспечения образовательного процесса, от востребованности и трудоустройства выпускников, от конкретного экономического положении государства и др. В настоящее время крен делается в сторону осуществления системных мер по модернизации высшего профессионального образования на основе интеграции науки, образования и производства; обеспечения долгосрочных потребностей инновационной экономики.

Примечания

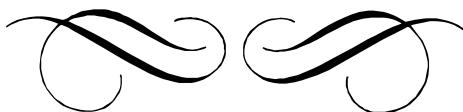
* Перевод учреждений на казначейское исполнение операций (сначала с бюджетными, а затем – и с внебюджетными средствами) в сочетании с принципами и практикой реализации административной реформы привел к тому, что

само существование интегрированных структур и их бюджетная поддержка вступили в противоречие с требованиями целевого использования бюджетных средств и государственного имущества, закрепленного за учреждениями на праве оперативного управления.

** В 2004 году таких кафедр насчитывалось более 300 и на них обучалось около 6 тыс. студентов 3-5 курсов, в преподавании было задействовано около 5 тыс. научных сотрудников институтов РАН.

Список литературы

1. Федеральный закон №174-ФЗ «Об автономных учреждениях» от 3 ноября 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/190157/>
2. Гохберг Л., Китова Г., Кузнецова Т. Стратегия интеграционных процессов в сфере науки и образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutiones.com/strategies/1070-strategiya-integracionnih-processov-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya.html>
3. Гохберг Л. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. – 2003. – № 3.
4. Кузьминов Я.И. Экономические институты и финансовые потоки в образовании // Вестник Российского совета по развитию образования. – 2002. Вып. 3.
5. Материалы сайта Российского общественного совета по развитию образования (РОСРО) www.rosro.ru; Вестник Российского общественного совета по развитию образования. – Вып. 2. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.
6. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? // Общественная палата Российской Федерации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
ассистент кафедры судебного права и
прокурорского надзора Таджикского национального
университета
E-mail: mirzoeff@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В статье анализируется дискуссия в юридической науке по поводу понимания конституционного контроля и надзора. Изучаются работы российских и таджикских авторов, представителей других стран. Не обошел автор и публикации советских ученых. Он опирается на практику становления конституционного надзора и контроля в Таджикистане.

Исследователь полагает, что без раскрытия понятий «конституционный контроль», «конституционный надзор», «конституционный нормоконтроль», «конституционная юстиция» и некоторых других трудно проследить процесс становления конституционного правосудия в республике.

В статье достаточно подробно выясняются и раскрываются данные понятия. Несомненной положительной стороной статьи является тщательный анализ позиций широко известных исследователей проблемы (М.В. Баглай, О.В. Брежнев, Н.В. Витрук, В.Д. Зорькин, Ю.П. Еременко, М.А. Исаев, И.А. Кравец, А.А. Мишин, С.Э. Несмейanova, Ж.И. Овсепян, Б.А. Страшун, В.А. Туманов, К.Н. Холиков, Ю.Л. Шульженко, Б.С. Эбзеев, Ю.А. Энтин). Он помог автору прийти к интересным выводам и положениям.

Ключевые слова: конституционный контроль; судебный конституционный контроль; конституционный надзор; конституционный нормоконтроль; конституционная юстиция; конституционализм; правосудие; теоретический подход; модель контроля; законы; подзаконные акты.

MIRZOEV S.B.

CONSTITUTIONAL CONTROL AND SUPERVISION: SOME DEBATABLE ISSUES OF THE CONCEPT

The summary. The article contains an analysis of the debate in the science of law concerning the understanding of constitutional control and supervision. It studies Russian and Tajik authors' papers, representatives of other countries. The author has not avoided Soviet researchers' publications. He is based on the practice of constitutional control and supervision formation in Tajikistan.

The researcher believes that without disclosure of the concepts "constitutional control", "constitutional supervision", "constitutional compliance assessment", "constitutional justice" and some others it is difficult to enforce the process of the constitutional justice in the republic.

These concepts are determined and ascertained the article in sufficient detail in the article. A doubtless primary benefit of the article is a thorough analysis of the widely known researchers of the issue (M.B. Baglay, O.V. Brezhnev, N.V. Vitruk, V.D. Zor'kin, Yu.P. Eremenko, M.A. Isayev, I.A. Kravets, A.A. Mishin, S.E. Nesmeyanova, Zh.I. Ovsepyan, B.A. Strashun, V.A. Tumanov, K.N. Kholikov, Yu.L. Shul'zhenko, B.S. Ebzeyev, Yu.A. Entin). It helped the author to come to come

to interesting conclusions and propositions.

Key words: constitutional control; judicial constitutional control; constitutional supervision; constitutional compliance assessment; constitutional justice; constitutionalism; justice; theoretical approach; control model; laws; bylaws.

Судебный конституционный контроль утвердился в Таджикистане в период государственной независимости, на фоне начавшейся судебно-правовой реформы. Прежде чем перейти к анализу истории становления и развития судебного конституционного контроля, целесообразно раскрыть понятие «судебный конституционный контроль». Такой теоретический подход обусловлен, во-первых, тем, что в литературе имеет место палитра мнений по поводу указанного понятия. Во-вторых, не сложилась единая позиция авторов по поводу соотношения понятий «судебный конституционный контроль» и «конституционный надзор». В-третьих, следует различать понятия «конституционный контроль» и «судебный конституционный контроль». В-четвертых, исследуя становление и развитие судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан, необходимо, на фоне анализа существующих в мире различных моделей судебного конституционного контроля, выявить принадлежность сложившегося в Таджикистане судебного конституционного контроля к определенной модели, а также ее своеобразие.

Исследование указанных вопросов имеет теоретико-методологическое значение для анализа проблемы в целом. Такой теоретический подход позволяет раскрыть динамику становления и развития судебного конституционного контроля в Таджикистане с учетом сложившихся в мировой литературе теоретических подходов к судебному конституционному контролю [9; 11; 14; 15; 16; 20; 23; 24; 27; 28; 34; 41; 55; 57; 58; 59], а также особенностей судебного конституционного контроля стране. В подтверждение последнего тезиса следует обратить внимание на то, что первоначально в Республике Таджикистан применялся институт «конституционного надзора», который предшествовал специализированному конституционному контролю. К тому же становление судебного конституционного контроля в Таджикистане происходило в условиях ориентации на европейскую модель

специализированного конституционного контроля. К тому же сложившийся в Таджикистане судебный конституционный контроль обладает отличительными чертами и особенностями, обусловленными историческими условиями, темпами и уровнем судебно-правовой реформы, системой нормативно-правовых актов, некоторыми законодательными новеллами, своеобразием законодательных, прежде всего, нормативных дефинитивных формулировок. Кроме того, нельзя игнорировать и опыт многолетней судебно-правовой реформы, проводимой в России [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 12; 13; 17; 18; 22; 37; 44; 45; 46; 47; 48], положительные черты которой берутся на вооружение и в Таджикистане.

Таким образом, без раскрытия понятий «конституционный контроль», «судебный конституционный контроль», «конституционный надзор», «конституционный нормоконтроль», «конституционная юстиция» и др. трудно проследить процесс становления и развития судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан [39; 50; 51; 52; 56].

В литературе становление конституционного контроля нередко связывают с развитием конституционализма, предполагающего, в частности, верховенство конституции в иерархии норм, подчинение всех нормативно-правовых актов конституции. Концепция конституционализма, предполагающая правление, ограниченное конституцией, зарождается параллельно со становлением понятия конституции, как учредительного акта, обладающего высшей юридической силой [40, стр. 34]. По мнению И.А. Кравеца, термин «конституционализм» появился в ходе американской революции, когда им стали обозначать «верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами» [34, стр. 14].

Судебный конституционный контроль является разновидностью конституционного контроля. В литературе наблюдается многообразие понимания конституционного контроля.

Различие подходов к понятию

«конституционный контроль» наблюдалось еще в советской литературе. Причем авторы при выработке определения конституционного контроля специально обращали внимание на ее субъекты, в качестве которых выступали государственные органы. Ю.П. Еременко, в частности, конституционный контроль рассматривал как деятельность компетентных органов государства, в процессе которой устанавливается соответствие того или иного нормативного акта (действия) конституции, выносится решение по устранению обнаруженных нарушений конституционности законов [21, стр. 131]. Л.Я. Дадиани под конституционным контролем понимал право определенных государственных органов объявлять законы и иные нормативные акты соответствующими или не соответствующими конституции. Причем такое право, по мнению автора, вытекает не только из конституции, но и основано на обычай [19, стр. 39]. В.А. Туманов конституционный контроль распространял также на сферу соответствия подзаконных актов закону и непротиворечивости законов [49, стр. 10].

Попытки выработки определения понятия «конституционный контроль» предпринимаются также в постсоветской литературе. Причем авторы придерживаются единой позиции в том, что конституционный контроль осуществляют не исключительно суды либо специализированный судебный орган, а «компетентные государственные органы», «контролирующие органы», «компетентные органы публичной власти» и т. п. Авторы едины также в том, что конституционный контроль, осуществляемый контрольными органами государства, нацелен на обеспечение верховенства конституции, соответствия законов и иных нормативно-правовых актов конституции, а также законам [58, стр. 9; 15, стр. 71 и др.].

Н.В. Витрук конституционный контроль рассматривает как специфическую функцию «органов публичной власти по обеспечению верховенства и высшей юридической силы конституции в системе источников (форм) права, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений на всей территории государства». В роли органов публичной власти выступают глава государства, парламент, правительство, другие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, прокуратура, иные

правоохранительные органы (органы юстиции) и др. От конституционного контроля отличаются «специализированный конституционный контроль» и «судебный конституционный контроль». Специализированный конституционный контроль осуществляется органами конституционного контроля несудебного характера (комитеты конституционного надзора, конституционные советы), а судебный конституционный контроль - судами общей юрисдикции и специализированными конституционными судами. В качестве наиболее распространенного полномочия судов выделяется также «судебный нормоконтроль», который предполагает проверку конституционности законов, подзаконных нормативных актов, внутригосударственных и международных договоров [16, стр. 48, 50].

По мнению Ю.Л. Шульженко, конституционный контроль способствует выявлению и устранению отклонений от конституции и законов, разрешению спорных вопросов конституционного значения, совершенствованию законодательства, толкованию конституции, законов и иных нормативных актов [59, стр. 7].

По мнению С.Э. Несмеяновой, «под конституционным контролем следует понимать деятельность специально на то уполномоченных государственных органов, направленную на обеспечение верховенства Конституции, на предупреждение издания несоответствующих основному закону нормативных актов, на установление и устранение неконституционных законов, иных нормативных актов или действий, применения толкования Конституции и законов». Констатируется, что конституционный контроль возлагается на определенные государственные органы, обладающие правом принятия окончательного решения о конституционности нормативного акта или действия [42, стр. 33-34].

В литературе не сложилось единое мнение по поводу соотношения понятий «конституционный контроль» и «конституционный надзор».

Ряд авторов отождествляет указанные понятия, главным образом, на том основании, что конституционный контроль и конституционный надзор преследуют общую для них цель осуществления контроля за соответствием конституции законодательных актов [25, стр. 31; 30, стр. 72; 32, стр. 250; 53, стр. 43-48]. Кстати говоря, еще в советской литературе было высказано мнение об условности разграничения

функций надзора и контроля, главным образом, на основании того, что конституционный надзор является одним из видов конституционного контроля [36].

Некоторые авторы разграничивают понятия «конституционный контроль» и «конституционный надзор». Различие между указанными понятиями авторы усматривают в характере принимаемых надзорными и контрольными органами мер в случае обнаружения неконституционности актов. В таком случае орган конституционного надзора ограничивается фиксацией факта неконституционности или незаконности акта, а орган конституционного контроля обделяется полномочием отмены такого акта [8, стр. 146; 58, стр. 8].

С.Э. Несмиянова считает, что полномочиями по осуществлению конституционного надзора «обладают в той или иной мере все органы государства». К примеру, парламент проверяет конституционность законопроектов, глава государства обладает правом отмены или приостановления неконституционных актов исполнительных органов власти, либо обращения в суд, осуществляющий конституционный контроль, прокуратура осуществляет общий надзор и т.п. Контрольные же функции «осуществляют только специализированные органы». По ее мнению, хотя «конституционный контроль и конституционный надзор являются составными элементами правовой охраны конституции», тем не менее, «перед органами контроля стоят задачи не только устанавливать конституционные несоответствия, но и устранять их». К тому же, «само понятие «контроль» предполагает проверку (причем постоянную) чего-либо», а сущность любого контроля «состоит в том, что специальный орган государства осуществляет проверку выполнения определенных предписаний» с целью «устранения отклонений от деятельности подконтрольного органа (субъекта)» [41, стр. 30-31].

Еще в советской литературе существовала точки зрения по поводу различия конституционного надзора и конституционного контроля по указанным выше основаниям. Так, М.А. Шафир тогда еще отмечал, что орган конституционного надзора не уполномочен отменить незаконный акт, подвергнуть мерам ответственности нарушителя, а орган конституционного контроля может отменить незаконный контролируемый акт [54, стр.

208-209].

Такая позиция сохраняется и в постсоветской литературе. Так, по словам М.В. Баглая, «контроль и надзор – термины не идентичные». Контроль подразумевает «право какого-то органа проверять деятельность вплоть до отмены актов другого, подконтрольного органа». Надзор же «сводится к наблюдению, позволяющему указать на ненадлежащее принятый или незаконный акт, который поднадзорный орган должен изменить или отменить сам» [10, стр. 649].

По мнению Б.С. Эбзеева, органы конституционного надзора, не будучи самостоятельными, лишь способствуют разрешению правового спора посредством решений парламента, а органы конституционного контроля, занимая самостоятельное место в системе разделения властей, принимают окончательные решения [60, стр. 113]. Ю.Л. Шульженко считает, что именно принадлежащее органам конституционного контроля право отмены неконституционных актов отличает их от органов конституционного надзора [57, стр. 4].

Такая точка зрения обосновывается существовавшей практикой функционирования комитетов конституционного надзора в советском правовом пространстве. Так, созданный в 1989 году Комитет конституционного надзора СССР, приняв заключение о неконституционности акта Съезда народных депутатов, должен был обратиться к Съезду народных депутатов, который, в свою очередь, мог отклонить данное заключение двумя третями голосов от общего числа народных депутатов.

Учитывая данное обстоятельство, некоторые авторы различие между указанными понятиями объясняют историческими особенностями различных стран, повлиявшими на процесс становления соответствующих понятий, а также лингвистическими особенностями того или иного языка.

Так, по мнению М.Л. Ломцевой, в США «нет различия между понятиями «конституционный контроль» и «конституционный надзор». Это объясняется тем, что соотношение указанных понятий связано в большей мере историческими, политическими и правовыми особенностями той или иной страны. Так, в США «возникла и не менялась на протяжении более чем двухсот лет единая модель конституционного судебного

контроля (надзора)». Помимо того, в английском языке существует единый термин для обозначения указанного понятия – «judicial review». В России же, ввиду исторических особенностей ее развития и лингвистических особенностей русского языка, указанные понятия целесообразно различать. Причем хотя лингвистически затруднительно различать понятия «контроль» и «надзор», тем не менее, с точки зрения юридической терминологии существуют различия в понятиях «конституционный контроль» и «конституционный надзор» [38, стр. 22].

На своеобразие юридической практики указывают также иные авторы. Так, М.А. Исаев обращает внимание на то, что в странах Скандинавии под конституционным контролем понимают процедуру отрешения от должности высших государственных чиновников и общие контрольные функции парламента по надзору за деятельностью администрации. Причем право на проверку законов на предмет соответствия их конституции является аналогом термина «конституционный контроль». А конституционный надзор подразумевает проверку органами исполнительной власти неконституционности законопроекта на стадии обсуждения или внесения его в парламент [26, стр. 76].

В контексте проблемы конституционного контроля, предполагающего действия органов публичной власти по охране и защите конституции, в литературе поднимается вопрос о содержании и объеме «правовой охраны конституции». Еще в советской литературе была предпринята попытка различения широкого и узкого понимания правовой охраны конституции. В первом случае правовая охрана конституции обеспечивается нормами различных отраслей права, а во втором – конституционным контролем и конституционным надзором [21, стр. 130]. Такой подход наблюдается и в постсоветской литературе. Так, правовая охрана конституции в широком смысле осуществляется правовыми и внеправовыми мерами, а в узком значении – надзорно-контрольными полномочиями и мерами со стороны государственных органов [33, стр. 400-401; 35, стр. 11].

С.Э. Несмеянова рассматривает правовую охрану конституции в качестве особого института, который включает нормы и иные средства, обеспечивающие «строгое соблюдение режима конституционной законности». По ее мнению, ответственность за обеспечение правовой охраны

конституции возлагается на Президента, парламент, правительство, суды, прокуратуру, иные правоохранительные органы [41, стр. 26].

Б.С. Эбзеев указывает на большую роль института охраны Конституции в механизме государства, в частности, в защите субъектов «конституционного права, носителей различных индивидуальных и коллективных прав» от антиконституционных решений и действий государственных органов и должностных лиц [61, стр. 6].

В литературе предлагаются различные конструкции правовой охраны конституции, в частности, в плане ее структурного строения. Так, Ж.И. Овсепян в систему правовой охраны Конституции включает следующие элементы: конституционный надзор; судебный конституционный контроль; конституционный контроль, осуществляемый парламентом; конституционный референдум; вето главы государства [43, стр. 42]. По мнению М.В. Баглай, субъектами соблюдения и охраны конституции являются должностные лица, органы государства, общественные объединения, граждане, особенно конституционный суд [10, стр. 80-85]. Ряд авторов включают в систему охраны конституции следующие элементы: совершенствование законодательства; порядок внесения конституционных поправок; надзорно-контрольные меры (контроль парламентский, управленических органов, судебный, общественный, специализированный конституционный, ведомственный, прокурорский надзор); меры защиты; меры ответственности [31, стр. 400-401].

Таким образом, понятия «конституционный контроль» и «судебный конституционный контроль» различаются по объему, субъектам, организационным формам. Понятие «конституционный контроль» следует трактовать шире, чем понятие «судебный конституционный контроль». Во-первых, конституционный контроль осуществляют различные государственные органы (парламент, глава государства, правительство, правоохранительные органы, суды, Уполномоченный по правам человека и др.). Судебный конституционный контроль осуществляют суды, в частности, специализированные органы конституционного контроля. Во-вторых, такой методологический подход не является универсальным, поскольку не учитывает своеобразие судебной системы, правовой системы, моделей судебного или конституционного

контроля в различных странах. В странах, где действуют специализированные судебные органы конституционного контроля, понятия «конституционный контроль» и «судебный конституционный контроль» различаются по объему. Судебный конституционный контроль применительно к таким странам выступает как вид конституционного контроля. Судебный конституционный контроль, будучи видом конституционного контроля, осуществляется специализированным судебным органом.

В литературе судебный конституционный контроль с учетом его преимуществ называют высшей формой конституционного контроля. Судебный конституционный контроль характеризуют как разновидность «государственного контроля», форму «профессионализированного государственного контроля», «контрольной, правоохранительной деятельностью», которая распространяется, помимо сферы управления, также и на область нормотворчества [43, стр. 46]. При определении понятия «судебный конституционный контроль» часто указывают на то, что он, будучи специализированным контролем, осуществляется Конституционным Судом посредством особой процедуры [29, стр. 7].

По мнению О.В. Брежнева, судебный конституционный контроль – «это особый вид юрисдикционной деятельности судебных органов государственной власти, направленный на защиту конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающий верховенство и непосредственное действие Конституции путем разрешения в установленном законом процессуальном порядке конституционно-правовых споров (прежде всего, о соответствии Конституции законов и иных нормативных правовых актов), а также осуществления иных полномочий, составляющих содержание конституционной юрисдикции (установление оснований для применения мер конституционно-правовой ответственности, проверка соблюдения конституционных требований при осуществлении государственно-правовых процедур и др.)» [14, стр. 63-64].

Б.С. Эбзеев под судебным конституционным контролем понимает официальную деятельность специально уполномоченного Конституцией и иными актами органа, которая осуществляется посредством особой процедуры в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и

свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории Российской Федерации, предупреждения существования в правовой системе неконституционных актов, толкования Конституции и пр. [61, стр. 113-114].

С.Э. Несмеянова под конституционным судебным контролем понимает «деятельность специально на то уполномоченных государственных органов, осуществляющих судебную власть, направленную на обеспечение верховенства Конституции, на предупреждение издания неконституционных нормативных актов, на установление неконституционных законов, иных нормативных актов или действий и, в случае необходимости, применения толкования Конституции и законов» [42, стр. 60].

В литературе обращают внимание на соотношение понятий «судебный конституционный контроль» и «судебный нормоконтроль». Ряд авторов, различая указанные понятия по объему, в частности, под судебным нормоконтролем понимает проверку конституционности законов, подзаконных нормативных актов, внутригосударственных и международных договоров [16, стр. 48, 50].

О.В. Брежнев не согласен с теми, кто отождествляет судебный конституционный контроль (или «конституционный контроль») и судебный или конституционный контроль. По его мнению, хотя «конституционный нормоконтроль – наиболее важное, основное направление судебного конституционного контроля, он не охватывает содержание этого понятия в целом». Автор на примере законодательства и практики России и зарубежных стран, в которых учрежден конституционный суд, проводит мысль о том, что «полномочия даже этих органов, специально предназначенных для осуществления данной деятельности, не сводятся лишь к конституционному нормоконтролю». Такой вывод обоснован тем, что конституционные суды «включают в себя также разрешение споров о компетенции между органами власти, толкование Конституции, установление оснований и применение мер конституционно-правовой ответственности, разрешение избирательных споров и ряд иных полномочий, связанных с обеспечением конституционности в общественных отношениях» [14, стр. 28-29].

Таким образом, в юридической литературе

сложилась довольно широкая палитра подходов к пониманию конституционного надзора и контроля. Каждая из приведенных позиций имеет свои положительные стороны и помогает в

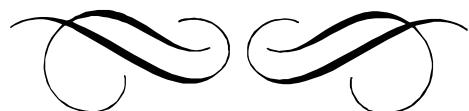
формировании соответствующей теоретической концепции применительно к Таджикистану и организации практического проявления конституционного правосудия.

Список литературы

1. Путин В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны (Выступление Президента России на 6 Всероссийском съезде судей) // Судья. – 2005. – № 1.
2. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже ХХ-ХХI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
3. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 75-79.
4. Андрейчук Т.В. Становление и развитие судебной власти (историко-правовая ретроспектива) // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 65-68.
5. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №2. – С. 67-71.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
7. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
8. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран: Учеб. пособие. – М.: Форум-ИНФРА-М, 1999.
9. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 35-39.
10. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2006.
11. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Казань, 2004.
12. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИПУЗиП, 1997.
13. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
14. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики.: Дис. ... док. юрид. наук. – М.: МГУ, 2006.
15. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М.: Городец-издат, 2001.
16. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 3-е изд., пераб. и доп. – М.: НОРМА, 2011.
17. Войтович Л.В. Реформа гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 105-111.
18. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
19. Дадиани Л.Я. К вопросу о сущности, формах и оценке института конституционного контроля // Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. 20. Вып. 2. – М., 1967.
20. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
21. Еременко Ю.П. Советская конституция и законность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.
22. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8. – С. 79-86.
23. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в ХХI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
24. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.

25. Иностранные конституционные права / Под ред. В.В. Маклакова. – М.: Юристъ, 1996.
26. Исаев М.А. Основные формы конституционного контроля в странах Скандинавии // Государство и право. – 2003. – № 12.
27. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
28. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М., 2007.
29. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. Т. 1. – М.: Юристъ, 2001.
30. Конституционное (государственное) право зарубежных стран Общая часть / Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: БЕК, 1996.
31. Конституционное право / Под ред. А.В. Козлова. – М., 1996.
32. Конституционное право развивающихся стран. Предмет. Наука. Источники / Отв. ред. Л.М. Энтин, Ю.А. Юдин. – М.: Наука, 1987.
33. Конституционное право: Учебник для вузов / Отв. ред. А.Е. Козлов. – М.: БЕК, 1996.
34. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.
35. Кржяков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. – М.: БЕК, 1998.
36. Кузнецов И.Н. Контроль за конституционностью актов высших органов власти и управления в социалистических странах Европы // Учен. записки ВНИИСЗ. Вып. 29. – М., 1969.
37. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
38. Ломовцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля. Сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2005.
39. Мирзоев С.Б. Становление и развитие конституционного надзора и контроля в Таджикистане: историко-правовое общетеоретическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2011.
40. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М.: Белые альвы, 1996.
41. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
42. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Дис. ... док. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
43. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституций. – Ростов-на-Дону, 1992.
44. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
45. Посохина И.В. Актуальные проблемы судебного контроля в сфере административного судопроизводства // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 36-41.
46. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011.
47. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.
48. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
49. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. – 1988. – № 3.
50. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М.: МГУ, 2009.
51. Холиков К.Н. Становление и развитие института конституционного надзора в Таджикистане. – Душанбе, 1998.
52. Холиков К.Н., Конституционное судопроизводство в Республике Таджикистан / Отв. ред. С.А. Авакян. – Душанбе: Эр-граф, 2010.
53. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юристъ, 1997.
54. Шафир М.А. Компетенция СССР и союзных республик. – М.: Наука, 1968.
55. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
56. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в Таджикистане (вторая половина XIX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2009.
57. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М.: ИГП РАН, 1998.
58. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. – М.: ИГП РАН, 1995.

59. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
60. Эбзеев Б.С. Конституционный суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции: Вступ. ст. // Комментарии к постановлениям Конституционного суда Российской Федерации. Т. 1. – М., 2000.
61. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учеб. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997.
62. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ХАСАНОВА Сульета Гидовна,
доцент кафедры уголовного права Адыгейского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: khasanova@gmail.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения безопасности человека, общества и государства. Анализируется деятельность по охране права, прав и законных интересов человека и гражданина, а сама правоохранительная деятельность рассматривается с аксиологических позиций. По мнению авторов, эта деятельность всегда должна быть социальной ценностью. Авторы рассматривают функции права, определяют их понятие, проводят классификацию. Подчеркивают традиционность выделения в теоретическом правоведении двух специально-юридических функций: регулятивной и охранительной. Выделенные функции тщательно исследуются. Ученые ведут речь о регулятивной природе самого права, о комплексном установлении юридических дозволений и ограничений. Рассматривают производность охранительной функции, вытекание ее из объективной необходимости последующей охраны наиболее значимых социальных ценностей от потенциальных и реальных посягательств. Подробно рассматривается содержание этой государственной функции.

Определенное внимание авторы уделяют вопросам совершенствования правоохранительной деятельности, необходимости проведения реформы правоохранительной системы России.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; правоохранительная система; правоохранительные органы; человек; общество; государство; правовая защита; функции

права; социальная ценность; правовая реформа.

BABADZHANOV I.Kh.
REUF V.M.
KHASANOVA S.G.

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES AS A SOCIAL VALUE: SOME ISSUES OF LEGAL PROTECTION FOR THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND STATE

The summary. The article is concerned with the issues of security assurance for the person, society and state. The activities for protection of personal and citizen's right, rights and legal interests are analyzed and the law enforcement activities themselves are considered from the axiological perspectives. In the authors' opinion these activities should always be a social value. The authors consider the functions of law, define their concept and make a classification. They emphasize the traditional definition of two special legal functions within the theoretical science of law: the regulatory and protective ones. The specified functions are studied in detail. The researchers speak of the regulatory nature of the law itself, a complex establishment of legal permissions and restrictions. They review the derivative feature of the protective function, its following from the objective need for subsequent protection of the most significant social values from potential and actual infringements. A detailed consideration is given to this state function.

A particular attention is given by the authors to the improvement of law enforcement activities, the need for carrying out a reform of the Russian law-enforcement system.

Key words: law enforcement activities; law-enforcement system; law enforcement agencies; person; society; the state; legal protection; functions of law; social value; legal reform.

В теоретическом правоведении советского и постсоветского периодов период охранительного отношения определяется через призму понятия охранительной функции права. В свою очередь, содержание категории «функция права» в советской науке интерпретировалось, порой, одними и теми же авторами, в двух противопоставляемых друг другу смысловых значениях – как *назначение* (роль) права или как *направление воздействия* права [10; 11; 57; 76; 77; 81; 84; 87; 92; 93]. Разделяя точку зрения Т.Н. Радько, отметим, что не следует сводить понятие «функция права» лишь к назначению права или к направлению правового воздействия. Данное понятие должно выражать оба свойства, которые комплексно характеризуют рассматриваемое явление, находясь во взаимосвязи. При этом «назначение» выступает в качестве содержания (определяющего фактора). Оно определяет наиболее существенные, главные черты основных направлений воздействия, которые, несмотря на многогранность, различные формы проявления и т. п., приобретают благодаря назначению известное единство и гармоничность» [79, стр. 25-26].

Авторы 3-х томного учебника по теории государства и права, изданного в Санкт-Петербурге в 2010 г., пишут: «Функция права – это основные направления правового воздействия на общественные отношения, в рамках которых выражается социально-юридическая природа права. Функции права непосредственно связаны с его действием, с реализацией свойств официально-властного регулятора общественных отношений» [44, стр. 15].

По мнению Л.С. Явича: «Осуществление права – это способ его бытия, существования, действия, выполнения им своей главной социальной функции. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества» [102, стр. 201].

Опираясь на большое количества определений функций права, авторы Санкт-Петербурга, подчеркивая многообразие воздействия права на различные общественные отношения, говорят о наличии множества функций права. В наиболее общем виде они подразделяют их на общесоциальные и специально-юридические. К общесоциальным функциям права относят: ценностную, познавательную, информативную,

коммуникативную и др. В качестве специально-юридический функций права называют: регулятивную и охранительную функции [91, стр. 17-18.]

Выделение двух специально-юридических функций – регулятивной и охранительной – является традиционным в теоретическом правоведении.

Существование регулятивной функции обусловлено регулятивной природой самого права. Правовое регулирование осуществляется посредством комплексного установления юридических дозволений и ограничений [8; 9; 12; 22; 23; 24; 39; 56; 59; 61; 63; 79; 83; 89; 99]. Охранительная функция в этой связи рассматривается как производная, вытекающая из объективной необходимости последующей охраны наиболее значимых социальных ценностей от потенциальных и реальных посягательств [18; 19; 30; 33; 58; 65; 80; 86]. О осуществление охранительной функции права может носить как характер активного противодействия противоправным посягательствам, так и характер системного воздействия на комплекс общественных отношений, составляющих целевую среду охраняемого объекта. Такое охранительное воздействие и противодействие осуществляются в форме особого вида юридической деятельности, именуемой правоохранительной деятельностью [17; 20; 28; 36; 37; 38; 41; 45; 47; 48; 49; 62; 64; 68; 69; 70; 71; 74; 75; 82; 85; 90; 100; 101]. Ее содержание составляют охрана и защита представляющих социальную ценность отношений от деструктивных посягательств, контроль и надзор за соблюдением правовых предписаний. При этом правоохранительная деятельность предполагает особое *отношение* между субъектом этой деятельности и объектом охранительного воздействия.

В общефилософской интерпретации отношение представляет собой момент взаимосвязи явлений. Применительно к обществу это означает, что субъекты, живущие в обществе, не могут существовать вне социальных отношений, а соответственно, субъект права не существует вне правоотношений. Само существование субъекта права, его субъективные права и обязанности (как проявляемые свойства), правовой статус в целом зависят от всей совокупности его отношения к другим субъектам права. В случае проявления поведенческой активности, противоречащей

нормативной правовой модели этих отношений (содержанию правовой нормы), возникает качественно новое правоотношение между правонарушителем и государством по поводу вновь возникшего юридического факта – правонарушения. Таким образом, *охранительная функция* права направлена на охрану регулируемых правом отношений, на охрану основополагающих ценностей, признанных в обществе (жизнь, честь, свобода личности, собственность, общественный порядок, общественная безопасность, институты демократии и т. д.). В рамках этой функции устанавливаются различные виды юридической ответственности за действия, посягающие на указанные ценности, и предупредительно-охранительные меры иного характера [96; 97; 98]. В этом проявляется одно из основных отличий охранительных правоотношений от правоотношений регулятивных. В форме охранительных правоотношений осуществляется привлечение к юридической ответственности [21; 26; 29; 32; 34; 40; 43; 46; 54; 94; 95], применяются иные меры воздействия, обеспечивающие защиту социальных ценностей.

Охранительное правоотношение, рассматриваемое в контексте системного подхода, представляет собой сложное явление, состоящее из элементов объединяемых структурно-логическими связями. В качестве элементов правоотношения обычно выделяют: субъектов (субъектный состав), объект и содержание – субъективное право и юридическую обязанность. В современной юридической литературе, понятие состава и структуры правового отношения разграничиваются. Состав правового отношения образуется его субъектами, которые являются элементами правового отношения как системы. В этом случае, права и обязанности участников – это не самостоятельные элементы правоотношения, а юридические свойства элементов (субъектов), вытекающие из содержания правовых норм. В правоотношении эти свойства определяют его структуру, под которой понимаются собственно правовые связи, отношения между субъектами [73, стр. 18-23]. При этом специфика субъектов охранительных правоотношений выражается в том, что круг этих субъектов определяется государством. Носитель субъективного права в охранительных правоотношениях выступает как потерпевший, а носитель обязанностей – как

правонарушитель. Субъективная обязанность правонарушителя – это, прежде всего, созданная государством необходимость претерпеть те последствия, которые предусмотрены санкцией и определены компетентным органом государства. Кроме того, в охранительных правоотношениях присутствует третья сторона – государство, от лица которого оказывается принудительное воздействие на правонарушителя в соответствии с санкцией.

Особенность охранительных правоотношений проявляется в их функциональной направленности [37; 39; 50; 51; 52; 53; 60; 82]. Поскольку первоочередной целью таких отношений является охрана социальных ценностей от внешних и внутренних посягательств, поскольку и их содержание складывается из формально-юридически закрепленных возможностей одних субъектов требовать от компетентных органов защиты своих интересов и, соответственно, обязанности этих органов такую защиту предоставлять. Поэтому содержание охранительных правоотношений часто рассматривается исключительно в контексте профессиональной правоохранительной деятельности, а в качестве главной отличительной черты выделяется то, что они связаны с применением мер государственного принуждения и прежде всего с реализацией юридической ответственности.

Сегодня в России остро стоит задача проведения реформы правоохранительных органов и завершение судебно-правовой реформы, которая началась еще в 1991 году [5; 6; 7; 13; 14; 15; 16; 25; 27; 31; 35; 42; 55; 66; 67; 72; 88].

На необходимость реформирования правоохранительных органов обращал внимание в декабре 2011 г. Д.А. Медведев в Президентском Послании Федеральному Собранию. Он подчеркивал и важность проводимой судебной реформы. «Мы серьезно продвинулись в реформировании судебной системы, – говорил Д.А. Медведев, – в особенности уголовного законодательства, сделали его более справедливым, гуманным и адекватным целям развития нашего общества . . . Наконец, мы начали реформу правоохранительной системы, которая открыла дорогу для прихода в эту сферу большого количества профессионалов, на деле защищающих права и законные интересы наших граждан» [1].

Много внимания проблемам, существующим в правоохранительной сфере, уделяет внимание

В.В. Путин. Он постоянно подчеркивает и необходимость реформирования правоохранительных органов, и дальнейшее развитие судебной системы. Главная здесь проблема, делает вывод В.В. Путин, «ярко выраженный обвинительный, карательный уклон в нашей судебной системе». Для ее решения он предлагает конкретные шаги.

«Первое. Мы сделаем правосудие доступным для граждан. В том числе введем практику административного судопроизводства не только для бизнеса, но и для специального рассмотрения споров граждан с чиновниками. Дух и смысл практики административного судопроизводства исходят из того, что гражданин уязвимее чиновника, с которым он спорит. Что бремя доказывания возлагается на административный орган, а не на человека. И потому практика административного судопроизводства изначально ориентирована на защиту прав граждан.

Второе. Общественные объединения получат право подавать судебные иски в защиту интересов своих участников. Это даст возможность гражданину отстаивать свои права, например, спорить с губернатором не в одиночку, а от лица крупной общественной организации. Мы расширим сферу применения коллективных исков, которые могут предъявлять граждане.

Третье. В системе арбитражных судов сегодня создана единая, открытая, доступная база всех судебных решений. Мы должны создать такую базу и в системе судов общей юрисдикции. Надо подумать о возможности интернет-трансляции судебных заседаний и публикации стенографических отчетов о них. Сразу будет видно, кто как работает. Какие решения принимают по аналогичным делам, но с разным составом участников. Где мотивировка судьи продиктована не совсем понятной и прозрачной логикой. Кроме того, своеобразный элемент «прецедентного права» послужит фактором непрерывного совершенствования суда.

Четвертое. Необходимо возрождение «судебной» журналистики, что позволит шире и глубже обсуждать правовые проблемы общества, повышать уровень правосознания граждан» [2].

Повышение уровня правосознания, формирование подлинной правовой культуры каждого российского гражданина и всего нашего общества даст возможность сдвинуть ситуацию в лучшую сторону в сфере «конкуренции

юрисдикций», где сегодня мы проигрываем. Работающий «в России» бизнес часто предпочитает регистрировать собственность и сделки за границей. И дело не в налоговом режиме – он у нас в целом конкурентоспособный, и не в отсутствии законодательства, отвечающего современным требованиям (его надо, конечно, совершенствовать, оно еще недостаточно гибко и не предоставляет всего набора инструментов для бизнеса). Главная проблема – недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства – от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. Если называть вещи своими именами, речь идет о системной коррупции. Издержки для бизнеса могут колебаться – ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от «степени расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае – не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес, в свою очередь, будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников налоговой, правоохранительной, судебной системы, вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий.

Расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в честной конкуренции, – это фундаментальная, системная задача. И решение здесь лежит не в плоскости экономической политики. Мы должны изменить само государство,

исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную «связку» правоохранительных, следственных, прокурорских и судейских органов. Исключить из уголовного законодательства всеrudименты советского правосознания, все зацепки, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников. Все экономические дела должны перейти из судов общей юрисдикции в арбитражные суды» [3].

На необходимость укрепления судебной системы и строительства эффективных правоохранительных органов В.В. Путин обращал внимание и в статье «Россия: национальный вопрос».

Недееспособность или коррумпированность суда и полиции, по его справедливому мнению, всегда будут вести не только к недовольству и радикализации общества, но и к укоренению «разборок по понятиям» и теневой криминализированной экономики, возникновению замкнутых, обособленных анклавов, в которых часто действуют не законы, а разного рода «понятия», нарушаются права и законные интересы человека и гражданина «как со стороны собственных криминальных авторитетов, так и коррупционеров от власти.

Именно на коррупции расцветает этническая преступность» [4].

Обеспечение безопасности человека, общества и государства – главная задача любой цивилизованной общности. Решать ее необходимо совместными усилиями. И в этих усилиях существенная роль принадлежит правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2011. – №290 (5666). 23 декабря.
2. Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 2012. – №20/П(4805). 6 февраля.
3. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2012. – №15 (3030). 30 января.
4. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7(5493). 23 января.
5. Путин В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны (Выступление Президента России на 6 Всероссийском съезде судей) // Судья. – 2005. – № 1.
6. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX-XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
7. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 75-79.
8. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001.
9. Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве. Философское эссе. Максими. – Екатеринбург, 2001.
10. Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма. – М., 1988.

11. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971.
12. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
13. Андрейчук Т.В. Становление и развитие судебной власти (историко-правовая ретроспектива) // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 65-68.
14. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №2. – С. 67-71.
15. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
16. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
17. Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. – 1988. – №1. – С. 11-16.
18. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 57-63.
19. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 130-138.
20. Багдасарян А.В. Прокуратура как координатор деятельности правоохранительных органов. – Ереван, 1995.
21. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение // Сов. государство и право. – 1980. – №8. – С. 122-125.
22. Байгин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. – 2000. – №3. – С. 4-16.
23. Байгин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
24. Барапов П.П., Шпак А.В. Сила права: политico-институциональный анализ. – Ростов-на-Дону, 2004.
25. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗиП, 1997.
26. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. – СПб., 2008.
27. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
28. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
29. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М., 2001.
30. Вегас Х.М. Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. – СПб., 2007.
31. Войтович Л.В. Реформа гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 105-111.
32. Вопленко Н.Н. Дискуссионные вопросы содержания и сущности юридической ответственности // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2006. – №1. – С. 20-30.
33. Гартман Н. К основоположению онтологии. – СПб., 2003.
34. Глаголев П.В. Функция как основа системного единства юридической ответственности // Юридический мир. – 2007. – №1. – С. 55-58.
35. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
36. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
37. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
38. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М, 1996.
39. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
40. Гущин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред: теоретико-правовой анализ. – СПб., 2002.
41. Евдокимова Е.Г. Ромашов Р.А. Правовой режим законности: теория и история // Правоведение. – 2001. – №5. – С. 261-271.
42. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8. – С. 79-86.
43. Иванов А.А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы // Государство и право. – 2003. – №6. – С. 66-69.
44. Исмагилов Р.Ф., Оль П.А., Рейф В.М., Ромашов Р.А. Функции права // Теория государства и права: Учебник

- /Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х т. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
45. Карташов В.Н. Правовая реформа и проблемы совершенствования профессиональной юридической деятельности. – Ярославль, 1990.
46. Карташов В.Н. Противоправная деятельность и юридическая ответственность. – Кострома, 2007.
47. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль, 1992.
48. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
49. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления. – Ярославль, 2010.
50. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
51. Керимов А.Д. Современное государство: Вопросы теории. – М.: Норма 2008.
52. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
53. Керимов Д.А. Функции государства. Механизм функционирования государства // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007. – С. 106-117.
54. Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права. – Тольятти, 2003.
55. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
56. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
57. Максименко С.Т. Функции советского гражданского права // Актуальные вопросы советской юридической науки. Ч. 2. – Саратов, 1978.
58. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологический и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. – М., 2011.
59. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. – Саратов, 1994.
60. Мальцев Г.В. Развитие права к единению с разумом и наукой. – М., 2005.
61. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
62. Мурашин Г.А. Правоохранительная деятельность советского государства – важнейшее условие упрочения правовой основы государственной и общественной жизни. – М., 1982.
63. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. – СПб., 2005.
64. Омитов В.И. Правоохранительная деятельность. – Пермь, 2002.
65. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика: Вводная статья // Н. Гертман. Этика. – СПб., 2002.
66. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
67. Посохина И.В. Актуальные проблемы судебного контроля в сфере административного судопроизводства // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 36-41.
68. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
69. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Божьего. – М., 2005.
70. Правоохранительные органы: Курс лекций / Под ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М., 2006.
71. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О.А. Галустяна. – М., 2005.
72. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011.
73. Протасов В.Н. Что и как регулирует право. – М., 1995.
74. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
75. Психологический механизм юридической деятельности (личностный аспект) / Под общ. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль, 2010.
76. Путинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М., 1984.
77. Путинский Б.И. Функции гражданско-правовых средств // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1989. – №1.
78. Радъко Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград, 1970.
79. Радъко Т.Н., Толстик В.А. Функции права. – Н. Новгород, 1995.
80. Разов Н. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск, 1998.
81. Реутов В.П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. – 1974. – №5.
82. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России. – СПб., 2008.
83. Ромашов Р.А., Султыгов М.М. Запреты в праве. – СПб., 1998.
84. Рыженков А.Я. Компенсационная функция советского гражданского права. – Саратов, 1983.

85. Сахаров А.Б. Правоохранительная деятельность и преступность // Сов. государство и право. – 1986. – №1.
86. Сидорова Е.В. Феноменологический анализ правовых ценностей // Труды Академии управления МВД России. – 2001. – №4 (20). – С. 11-14.
87. Слюсаренко Е.Л. О понятии функции социалистического права // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Вып 12. – Киев, 1978.
88. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.
89. Султыгов М.М. Запрет как средство правового регулирования. – СПб, 2003.
90. Тарасов А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. – 2002. – №4.
91. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп. и перераб. В 3-х т. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
92. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории и правоотношений. – М., 1980.
93. Фарбер И.Е. О воспитательной функции общенародного права // Сов. государство и право. – 1963. – №7.
94. Федорова В.Г. Правовое равенство и юридическая ответственность. – Астрахань, 2007.
95. Хипинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – СПб., 2003.
96. Черданцев А.Ф. Гносеологическая природа толкования права // Сов. государство и право. – 1972. – №11. – С. 115-119.
97. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М., 2001.
98. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М., 1979.
99. Чеснов И.Л. Право как диалог: к формированию новой антологии правовой реальности. – СПб, 2000.
100. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
101. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
102. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ.

МАРАКУЛИНА Ксения Александровна,
аспирантка кафедры политологии Финансового
университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: ksenia.marakulina@gmail.com

Специальность 23.00.02 – Политические
институты, процессы и технологии

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ

Аннотация. В статье рассматривается работа социально ориентированных некоммерческих организаций в части их публичной отчетности. Анализируются поправки 2005 – 2006 гг. в законодательство об НКО. Некоммерческие организации рассматриваются как эффективные участники развития социальной сферы, которые должны стать надежными партнерами государства в решении наиболее острых социальных проблем.

В рамках подготовки публичных отчетов рассматриваются актуальные механизмы межсекторного социального партнерства и возможные тенденции развития этих институтов во взаимодействии.

Ключевые слова: публичная отчетность; некоммерческий сектор; социальное участие личности; негосударственные институты; межсекторное социальное партнерство; государственный социальный заказ; лоббирование.

MARAKULINA K.A.

TRANSPARENCY OF SOCIALLY-ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN RUSSIA: POLITICAL ANALYSIS AND FORECAST

The summary. The article examines the activity of socially-oriented non-profit organizations regarding their public reporting. It also analyses the Amendments of 2005 – 2006 to the law on NPOs. Nonprofit organizations are regarded as effective members of the social sphere, which ought to become reliable partners of the state in addressing the most acute social problems. We consider an inter-sectoral social partnership in the preparation of public reports.

Current mechanisms of inter-sectoral social partnership as well as likely development trends in the interaction among these institutions are addressed in the framework of the preparation of public reports.

Key words: public reporting; non-profit sector; individual social participation; non-governmental institutions; inter-sectoral social partnership; state social order; lobbying.

Открытость и «прозрачность» работы третьего сектора уже многие годы является как предметом научных исследований, так и непосредственной практической задачей лидеров некоммерческих организаций. Этому есть объективные причины, политические и экономические.

О них будет интересно рассказать ниже. Однако автору особенно важно акцентировать внимание на том что, тема «прозрачной» работы третьего сектора в России не является такой темой, которая имеет единство определенных связей и отношений для решения поставленных задач, будь то научные или практические задачи.

Необходимо пояснить, почему в настоящей теме мы так тесно связываем научные исследования и практическую работу – в мировой практике вопрос работы третьего сектора в принципе не рассматривают без политически структурированного триединства между государством, бизнесом и гражданским обществом, более того, что касается отчетности – в формате специфической, но также и вполне конкретной работы, а именно, подготовки отчета, руководителям некоммерческих организаций приходится ориентироваться на очень широкую аудиторию, включающую все три сектора; именно поэтому мы решили рассмотреть проблему «прозрачности» работы третьего сектора через призму публичной отчетности российских социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО), которые являются, по определению многих ученых, фундаментом и основой гражданского общества и которые, безусловно, вынуждены взаимодействовать как с государственными органами, так и бизнес-структурами, и попробовать определить, какие же форматы в этом вопросе присущи нашей стране и возможны ли варианты развития российского третьего сектора в рамках общемировых тенденций.

Изучение аналитических материалов, баз данных, научных статей и другого рода информации для настоящего исследования, безусловно, наталкивает на большое отступление о проблеме актуальных исследований некоммерческих организаций, как в России, так и за рубежом – но сейчас мы можем позволить себе сказать об этом только несколько слов. Научные исследования, и аналитическая, экспертная поддержка СО НКО в развитом мире находится на достаточно высоком уровне и постоянно

развивается: появляются новые исследовательские центры и альянсы СО НКО, развивается образование в этой сфере, как дополнительное, так и основное. Во многих университетах мира действуют программы подготовки магистров и докторов в области изучения третьего сектора и менеджмента в нем. Выпускается множество книг – от исключительно академических до сугубо прикладных, большое количество журналов. В Европе предпринимаются попытки собрать более полную, отвечающую стандартам, сложившимся в других секторах, статистику по СО НКО. В нашей стране, к сожалению, эта ситуация заметно отличается от зарубежной. Как академические, так и прикладные исследования на сколько-то серьезном уровне пока только начинаются. Несколько лучше обстоят дела с практической помощью некоммерческим организациям, в первую очередь правовой и финансовой. Задававшие в 90-е гг. тон в этом секторе иностранные доноры активно способствовали появлению ресурсных центров для СО НКО, занимающихся обучением сотрудников, руководителей СО НКО работе с грантодателями, юридическим навыкам и т. д. Но и это имеет свои негативные последствия в настоящее время. О них мы скажем ниже. Значительно хуже ситуация с серьезными исследованиями. До начала 2000-х гг. заметных проектов по изучению сектора нам найти не удалось. Первая серьезная попытка оценки вклада третьего сектора в ВВП была предпринята в 2003 году Институтом экономики города (Москва). Из-за проблем со статистикой тогда удалось представить только минимальную оценку – не меньше 1,2% ВВП. После этого свое внимание на недостаток информации о секторе обратило государство: созданная в 2005 году Общественная палата, по закону обязанная каждый год готовить доклад «О состоянии гражданского общества в России», в 2006 году заказала серьезные исследования и подготовила богатый фактографической информацией документ, который содержал сведения о состоянии сектора, его размере, числе занятых в нем людей. Кроме того, в нем анализировались проблемы управления некоммерческого сектора в целом.

Еще один важный шаг в изучении гражданского общества и работы третьего сектора, правда, более узкого аспекта его функционирования, сделала группа ученых из МГУ им. Ломоносова и Высшей школы экономики. После принятия

поправок в 2005 – 2006 гг. в законодательство об НКО (законы «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях») в ряду других проблем они попытались оценить дополнительные транзакционные издержки, которые создали поправки для организаций. Результаты оказались удручающими: для самых маленьких СО НКО и групп активистов эти расходы могут стать крайне высокими и они не смогут продолжать свою деятельность.

Итак, на сегодняшний день нам известно, что в российском законодательстве используются три основных понятия: «некоммерческая организация», «общественное объединение», «неправительственная организация». Базовым является понятие «некоммерческая организация». Юридически к «некоммерческим» относятся такие организации, которые не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяют полученную прибыль между участниками.

Под «общественным объединением» понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей.

Понятие «иностранный некоммерческий неправительственная организация» в российском законодательстве используется применительно к некоммерческим организациям, созданным за пределами России в соответствии с законами иностранного государства, учредителями (участниками) которых не являются государственные органы. Иностранные НКО могут действовать на территории России через свои структурные подразделения (отделения, филиалы, представительства).

Возвращаясь к внесенным поправкам в части отечности НКО, можно определить следующие изменения: полномочия органов регистрации расширены, они могут проводить проверки расходования финансов, запрашивать сведения у других надзорно-контрольных органов. Установлено обязательное предоставления общественными объединениями отчетов о своей деятельности, об источниках финансирования и о расходовании средств, об использовании имущества. Расширен перечень сведений, которые должна представить НКО.

Заместитель председателя Совета Федерации Ильяс Умаханов заявляет, что на деятельность

НКО нужно обратить внимание в связи с тем, что «за три года США выделили на поддержку «гражданского общества» в России 160 миллионов долларов из бюджета». Комментируя это тем, что «даже в беседах с коллегами из американского Госдепа получить четкую информацию: сколько, кому и как выделены и на какие цели, невозможно, не говоря о том, какие еще источники финансирования есть у НКО в нашей стране».

Партия «Единая Россия» выступает за усиление контроля деятельности некоммерческих организаций. Представители партии неоднократно заявляли о необходимости уделять больше внимания работе НКО, чтобы сделать их деятельность «абсолютно прозрачной», обращают внимание на «некоторую недосказанность» в деятельности некоммерческих организаций.

Наиболее остро вопрос о ненадлежащей деятельности некоторых НКО был поставлен в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию в 2004 году: «В нашей стране существуют и конструктивно работают тысячи гражданских объединений и союзов. Но далеко не все они ориентированы на отстаивание реальных интересов людей. Для части этих организаций приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других – обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов, при этом остройшие проблемы страны и ее граждан остаются незамеченными» [3].

Мы понимаем, что здесь идет речь именно о повышении компетенций как СО НКО, так и самого государства. Квалифицированные сотрудники и понимающие их нужды чиновники необходимы для успешного развития некоммерческого сектора. Успешный пример того, как государству удалось повысить профессионализм НКО, – программа Партнерства общества и бизнеса Германии, когда государственные органы и бизнес работали сообща, получая доступ к обучающим и информационным ресурсам, обмениваясь базами лучших практик, получая при этом возможность учиться друг у друга. В России также появляются инициативы по усилению компетенций некоммерческих организаций и связанных с ними государственных органов. Но пока это исключение из правил.

Введение унифицированной формы отчетности, обязательной для всех НКО, с последующей публикацией документов на специальном

открытом портале может стать не только шагом к повышению прозрачности СО НКО, но и как возможный способ борьбы с низким уровнем доверия населения. Далее мы рассмотрим реальные примеры инициатив по публичным отчетам российских НКО.

Публичный отчет НКО – это документ, емко и наглядно представляющий деятельность организации в прошедшем году. Он информирует сотрудников, партнеров и общество в целом о том, как некоммерческая организация реализует цели, заложенные в ее миссии или стратегических планах. Отчет базируется на реальных фактах и выполняет одновременно отчетную, информационную презентационную и даже фандрайзинговую функции. Формат отчета может быть очень разным и зависит от того, кому и с какими целями НКО собирается представлять свою работу.

Учитывая, что борьба за отечественных доноров становится все остree, именно прозрачность, честность профессионализм становятся важнейшими факторами успешного функционирования СО НКО. Опытным путем публичные отчеты признаны эффективным инструментом для подтверждения этих необходимых качеств.

В деловом сообществе практика создания и распространения публичных отчетов существует уже давно, и стала нормой профессионального общения. Готовность раскрывать информацию о деятельности и финансах организации и умение эту информацию преподнести являются необходимыми показателями настоящего профессионализма, подтверждают серьезность и честность организации, помогают увеличить уровень доверия как по отношению к сектору НКО, так и в обществе в целом.

Осенью 2011 года завершился пятый Всероссийский конкурс годовых отчетов некоммерческих организаций «Точка отсчета». О нем необходимо рассказать подробнее. Конкурс направлен на широкое внедрение в благотворительную деятельность стандартов прозрачности и подотчетности перед обществом. Соорганизаторами конкурса выступили Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по развитию благотворительности и волонтерства в партнерстве с Центром развития некоммерческих организаций (Санкт-Петербург), Форумом Доноров

и Агентством социальной информации (Москва). В состав жюри конкурса входили известные эксперты – руководители благотворительных, некоммерческих организаций, не участвующих в конкурсе, представители СМИ, бизнес-ассоциаций и эксперты-оценщики. Наиболее существенным отличием пятого конкурса от конкурсов предыдущих лет стало то, что к участию в нем допускались исключительно отчеты, находящиеся в открытом доступе в Интернете. Также впервые в 2011 г. проведение конкурса поддержали Министерство юстиции Российской Федерации и Министерство экономического развития Российской Федерации. Представители обеих структур вошли в состав жюри Конкурса. В 2011 году на конкурс поступило 112 заявок из 27 регионов РФ. Отчеты 106 некоммерческих организаций прошли проверку на соответствие «минимальному информационному стандарту открытости и прозрачности». Количество конкурсантов, прошедших во второй тур, по сравнению с прошлым годом увеличилось почти на 30%. Можно надеяться, что круг российских НКО, которые рассматривают конкурс как возможность для продвижения своих организаций в публичном пространстве, будет расширяться и дальше. Главное, что добровольная публичная отчетность для конкурсантов становится нормой организационной культуры. Достижения НКО за 2011 год, отраженные в отчетах, достойны внимания общества и подтверждают их состоятельность как субъектов социальной сферы. Например, в 2010 году Благотворительный фонд помощи детям «Теплый дом» (Санкт-Петербург) собрал и раздал более 8 тонн благотворительной помощи и 330 продуктовых наборов для малоимущих семей; АНО «Благое дело» (Свердловская область, Невьянский район, поселок Верх-Нейвинский) совместно с Центром занятости создал 40 рабочих мест для инвалидов; Благотворительный фонд «Пища жизни» (Москва) с бюджетом менее 1 млн. рублей накормил за год 59 262 человека [7].

Через конкурс годовых отчетов НКО включаются в широкую сеть взаимодействия на принятом в цивилизованном обществе уровне, используя те «правила игры», которые приняты в странах с развитой экономикой и гражданским обществом. «Конкурс публичных отчетов – это наш «ответ» недоверию в адрес некоммерческих негосударственных организаций, наше «лекарство

от недоверия», – говорит Вячеслав Бахмин, член жюри конкурса, консультант Фонда Ч.С. Мотта. – Конкурсу сейчас очень важна поддержка и СМИ, и бизнеса, и государства, потому что в вопросах открытости и прозрачности важно думать не только об интересах своей организации, но и о пространстве, в котором мы все живем и работаем. Что-то изменить мы можем только вместе». По мнению Екатерины Шмулевич, начальника отдела развития некоммерческого сектора экономики Департамента стратегического управления (программ) и бюджетирования Минэкономразвития России, конкурс «вносит важный вклад в развитие прозрачности деятельности некоммерческих организаций, распространение лучших практик и обмен опытом, повышение доверия граждан к деятельности некоммерческих организаций».

Качественный и профессионально составленный отчет помогает некоммерческой организации оценить и осмыслить собственную деятельность. В частности, он позволяет:

- проанализировать деятельность организации за год, оценить сильные и слабые стороны, учесть их при планировании дальнейшей работы. Регулярное создание годовых отчетов способствует целостному пониманию динамики развития организации и перспектив ее деятельности в местном сообществе;

- создать в организации систему сбора информации о ее деятельности (членах, услугах, партнерах и т. д.) Это особенно важно для начинающих некоммерческих организаций;
- повысить ценность организации в глазах сотрудников и волонтеров, которые в процессе создания годового отчета лучше представляют основные направления деятельности организации, ее расходы и доходы, а значит, могут сформулировать конструктивные предложения по оптимизации деятельности.

Также он может быть использован для повышения мотивации сотрудников, как повод провести анализ своей работы, инструмент PR, средство для привлечения ресурсов, инструмент при поиске партнеров, аргумент при работе с властями и основа для других отчетов и рекламных материалов.

Некоммерческие организации рассматрива-

ются как эффективные участники развития социальной сферы, которые могли бы стать незаменимыми партнерами государства в решении наиболее острых проблем, таких как борьба со СПИДом, наркоманией, беспризорностью, помочь в социальной реабилитации инвалидов.

Необходимо понимать, что социальная политика из второстепенных направлений деятельности государства выходит на одно из приоритетных мест. В последние годы намечается, с одной стороны, тенденция снижения роли государства в осуществлении социальной политики и сокращения масштабов государственного вмешательства в социальную сферу. С другой – тенденция изменения социальной позиции личности по отношению к государству; увеличения доли ее социального участия и ответственности; формирования все большего числа и форм негосударственных институтов, участвующих в осуществлении социальной политики (развитии социальной сферы). Происходит дальнейшая децентрализация социальной политики и перераспределение полномочий в управлении социальной сферой, изменение структуры и функций социальных ведомств.

Постепенное снижение роли государства в осуществлении социальной политики и изменение социальной позиции личности по отношению к государству – объективный фактор, который является причиной такого же постепенного становления третьего сектора.

Проводя исследование публичных отчетов СО НКО, мы наблюдаем следующую тенденцию – сам некоммерческий сектор предлагает новые теоретические и практические подходы разрешения социальных проблем, которые становятся основой механизмов участия НКО в развитии социальной сферы и межсекторного взаимодействия.

Выделяется 5 групп механизмов межсекторного социального партнерства: конкурсный, социально-технологический, организационно-структурный, процедурный, комплексный или комбинированный [10]. Также, существует и иная классификация механизмов взаимодействия. Выделяются следующие 6 групп: стимулирование социальной активности прямым финансированием; социальное обслуживание; государственное социальное спонсорство; социально побуждение негосударственных спонсоров; государственный социальный заказ; лоббирование [9].

Свою детализацию подобные механизмы приобрели в следующих конкретно практических формах взаимодействия государства и общества, их подробно рассматривают ученые из СевКавГТУ А.А. Казачков, О.Н. Момотова, здесь мы лишь перечислим их:

- 1) целевое финансирование конкретных организаций, осуществляющих социально значимую деятельность;
- 2) конкурсное размещение государственных или муниципальных грантов среди государственных и негосударственных некоммерческих организаций;
- 3) создание ассоциативных структур (государственно-общественные, общественно-государственные, муниципально-общественные, общественно-муниципальные организации, фонды, некоммерческие ассоциации, партнерства и т. д.), имеющих определенный круг целей и задач и создающихся целевым образом для их достижения и решения;
- 4) подписание временных соглашений о сотрудничестве, в рамках которых могут проводиться разовые мероприятия или акции социальной направленности;
- 5) подписание долгосрочных соглашений, определяющих принципы взаимоотношений различных секторов общества (или их частей);
- 6) государственный социальный заказ – экономико-правовая форма реализации приоритетных целевых социальных программ, направленных на решение социально значимых проблем межгосударственного, федерального (или) регионального уровней, обеспеченных в основном за счет средств бюджета Российской Федерации, путем заключения контрактов (договоров) на

конкурсной основе;

- 7) ярмарки НКО являются одной из форм активного практического взаимодействия (формой государственной активной социальной политики, изначально инициированной гражданской некоммерческой юридически оформленной инициативой), способствующей развитию процессов конструктивного социального партнерства (социальная маркетинговая технология);
- 8) юридические клиники в форме привлечения студентов академий права – будущих юристов к практической деятельности;
- 9) работа НКО с депутатами. Образование при депутатах Общественного экспертного совета (ОЭС) для работы по профилю.

Безусловно, перечень перечисленных механизмов далеко не полон и ограничивается лишь стремлением к взаимному сотрудничеству. От точного выбора механизмов взаимодействия зависит и качество результатов.

СО НКО становятся важными участниками управляемческого процесса, что требует более глубокого знания их природы, особенностей их функционирования, как для понимания развития траектории развития политико-управляемческого процесса с их участием, так и для выработки практических рекомендаций, способных вывести управление на более высокий уровень эффективности.

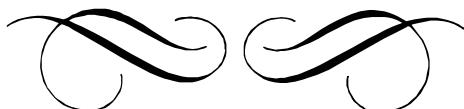
Принимая во внимание тот факт, что СО НКО функционируют, прежде всего, как поставщики социальных благ и услуг различным группам населения, особенно важным представляется определение их деятельности как акторов социальной политики, берущих на себя выполнение аналогичных государственных функций в сфере социальной защиты.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М., 2011.
2. Президент России [сайт] //URL: <http://www.kremlin.ru/appears/> (дата обращения 02.02.2012).
3. Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (дата обращения 17.02.2012).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения 23.09.2011).
5. Федеральный закон Российской Федерации от 04 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/04/07/obshhestv-palata-dok.html> (дата

обращения 15.10.2011).

6. Парахина В.Н., Панасенко С.В. Принципы и методы управления некоммерческими организациями: Учебное пособие по дисциплинам: «Менеджмент», «Управление общественным сектором», «Менеджмент некоммерческих организаций». – Невинномысск, 2002. – 106 с.
7. Портал НКО: информация для НКО и о НКО [сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal-nko.ru/nko/refpoint> (дата обращения 10.12.2011).
8. СМИ: общее доверие и оценка: опрос населения 26.03.2009 г. [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant> (дата обращения: 09.04.2010).
9. Хананашвили Н.Л., Якимец В.Н. Межсекторные взаимодействия в России. Фонд НАН (Нет алкоголизму и наркомании). – М.: ДЖИ ЭМСТАР, 2000. – 184 с.
10. Якимцев В. Некоммерческий сектор России: анализ современного состояния // Социальное партнерство: НКО, бизнес, СМИ, Агентство социальной информации / Под ред. Н. Пушкиной. М., 2001. – 63 с.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА.

ОГАНЯН К.М.,
заведующий кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета,
доктор философских наук, профессор
E-mail: oganjan-km@yandex.ru

Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии

РЕГУЛЯТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследованы характерные особенности регулирования социального поведения в организации. Автор проводит комплексный анализ субъективных и объективных причин, обуславливающих наличие и функционирование механизма регулирования действий индивидов в организационной культуре организации в аспекте социологического и психологического понимания проблемы. Кроме того, автором сформулированы и обоснованы предложения, направленные на совершенствование указанного механизма регулирования поведения.

Ключевые слова: регулятор поведения; управленческая деятельность в организации; корпоративная культура.

OGANYAN K.M.

SOCIAL ACTION REGULATORS IN THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE INSTITUTION

The summary. The article deals with the characteristic features of social behavior regulation in the institution. The author makes a comprehensive analysis of subjective and objective reasons for the existence and functioning of the regulation mechanism for individuals' actions in the organizational culture of the institution in the aspect of sociological and psychological understanding of the issue. In addition the author formulates and justifies proposals aimed at the improvement of the specified behavior regulation mechanism.

Key words: behavior regulator; management activities in the institution; corporate culture.

Одним из важнейших аспектов социальной рефлексии в идеологии управления организацией является разработка механизмов согласования целей организации и целей индивидов, способов регуляции их устремлений. Это требует системного изучения специфики функционирования социальных регуляторов организаций,

составляющих основу ее организационной культуры и оказывающих влияние на действия ее членов.

Наиболее обстоятельно к исследованию данной проблемы в начале XX века подошел М. Вебер, полагая, что ее решение является также и ключом к пониманию общества. Человек, по его мнению,

способен к сознательному самоопределению, в основе его социального действия лежит рациональный выбор. Для исследования характера социального действия была разработана методология «идеальных типов», которая стала связующим звеном между теоретическим и эмпирическим знанием.

В теории «идеальных типов» за пределами предмета социологии оказались психологические и экономические факторы. Тем самым были ограничены познавательные возможности социологии как науки. Этот недостаток отчасти преодолел Т. Парсонс в середине XX в., используя системную методологию для анализа объективных закономерностей социального действия. В дальнейшем Р. Мerton, также используя системную методологию и следуя парадигме М. Вебера, разработал «теорию среднего уровня» для исследования проблемы, как человек самоопределяет себя (ориентируется) в социальном действии. В качестве главных ориентиров индивида он рассматривал цели достижения и институциональные нормы. Противоречие целей и норм в поведении человека ведет к аномии – социальному действию, которое является предпосылкой дезинтеграции социума.

Современная западная социология, определив социальное действие как рациональный способ самоопределения и соотнесения человеком личных нелеп и способов действия с институциональными нормами организации, разработала принципы его анализа, которые основываются на системном подходе как «теории среднего уровня».

Особенность отечественной социологии состоит в том, что она вместе со всем обществом прошла весьма драматичный путь, что оказало влияние на выбор научных подходов и тематику социологического знания, в том числе и на проблематику социальной ориентации человека. Однако в этом были свои положительные стороны. В 80-90-е гг. методологический фундамент социологии разрабатывается, основываясь на принципах организационной науки А.А. Богданова и достижениях теории самоорганизации брюссельской школы и концепции Г. Хакена [2]. В результате российской социологии удалось преодолеть некоторые ограничения в понимании самоорганизации, вытекающие из системной методологии, и сформировать методологию социальной синергетики, а также разработать теорию организации, связывающую

методологическое и эмпирическое знание. Достижение социальной синергетики и теории организации открывают возможность исследования социальных действий с точки зрения функционирования системы социальных регуляторов организации в рамках ее организационной культуры. Понятие «система», широко используемое в современном обществе определяется как взаимосвязанная целостность, взаимодействие элементов которой дает организационный (синергийный) эффект. При этом организационный эффект, определяемый формулой «целое больше суммы отдельных частей», служит предпосылкой для научного объяснения способности организаций к самоопределению, «целеполаганию». Способность к самоопределению свойственна и социальному действию в организации как в системе. В этом случае целеполагание и самоопределение индивида в организации рассматривались как феномены сознательного, а социальными действиями следует признать только такие, которые рационально определены человеком. На основе системного анализа веберовских типов человеческого действия установлено, что не всякое социальное действие является рациональным [7]. Это позволило сформулировать ряд выводов, их суть в следующем.

- Социальное действие состоит, по меньшей мере, из двух структурных элементов, таких как мотив и социальное ожидание индивида в организации. Мотив – это побуждение к действию, а ожидание – ориентация на действия других людей – членов коллектива. Мотивы могут быть целевыми (стремление к осознанному результату), ценностными (осознанное следование ценностям и нормам), аффективными (неосознанное влечение), стереотипными (неосознанное следование привычке, традиции). Ожидания могут быть рациональными и аттрактивными. Рациональное ожидание предполагает анализ и выбор эффективного действия для достижения цели. Аттрактивное ожидание основывается на вере в ценности, идеалы с учетом поведения других людей, однако без расчета индивидом эффективности своих действий.
- Социальным действием является такое, в котором присутствует социальное ожидание. При этом социальное ожидание может

- основываться не только на рациональном выборе, но и на чувстве веры (т.е. на эмоциональном выборе). Человеческое действие без ориентации на действия других людей не является социальным.
- Можно выделить следующие основные типы социальных и несоциальных человеческих действий:

Класс рациональных действий [1]:

1. Рационально-целевое действие. Целевой стимул и рациональный выбор обуславливают действие индивида;
2. Рационально-ценностное действие. Нормы или ценности служат стимулом и воспринимаются индивидом как инструменты эффективного достижения цели;
3. Рационально-аффективное действие. Индивид использует аффект как инструмент достижения рациональной цели;
4. Рационально-стереотипное действие. Индивид рационально отбирает и формирует у себя привычки, необходимые для эффективного достижения цели;

Класс аттрактивных действий:

5. Аттрактивно-целевое действие. Ясно и логически осознаваемая цель воспринимается как идеал, который достигается, не считаясь с затратами (идеал ставится выше, чем эффективность действий);
6. Аттрактивно-ценностное действие. Убежденное следование ценностям;
7. Анерактивно-аффективное действие. Действие в состоянии энтузиазма и воодушевления, охватывающем человека, увлеченного реализацией своих идеалов;
8. Аттрактивно-стереотипное действие. Поведение, ориентированное на нормы как привычки (людей, которым свойственно такое поведение, называют ретроградами).

Наряду с рассмотренными типами социального действия имеются и такие человеческие действия, которые нельзя считать социальными, т. к. они не предполагают ориентацию действующего человека на поведение других людей. Это – эгоцентричное действие (стремление индивида к личной цели без ориентации на других людей); фанатичное действие как стремление к идеалу исходя из установки «идеал выше целесообразности»; аффективное действие;

традиционное действие. «Несоциальные действия» (как действия без ориентации на поведение других) объективно являются предпосылкой дезорганизации. Однако, по мнению Р. Мертона, и социальные действия могут привести к дезорганизации (аномии) коллектива, если личные цели и нормы индивидов не согласованы с общественными. На основании этого сделать вывод, что в структуре социального действия индивида в организации присутствует, кроме мотива и ожидания, еще и способ достижения цели, который может быть аномийным или социально приемлемым.

Индивид, вступая в социальное взаимодействие внутри организма, формирует у себя такой привычный способ действия, который согласуется с поступками других ее членов. Социальные действия отличаются по мотивам, способам ожидания и результату, определяемому способом согласования целей и норм. Набор этих составляющих задает алгоритм социального действия, который можно рассматривать как основное условие, обеспечивающее ориентацию индивида в коллективе. Оформляется этот алгоритм нормами, которые приобретают характер программы, ориентированной на самоподдержание, самосохранение социального действия. В этом состоит второе условие ориентации индивида. Алгоритм поведения и нормы являются предпосылкой структуры самоорганизации индивидов в коллективе, которая начинает играть роль третьего условия ориентации индивидов.

Сложившись, данные условия становятся социальными регуляторами, обеспечивающими упорядоченность социума организации. Функционируя системно, социальные регуляторы являются основой социального действия и, как относительно неизменная основа, выполняют функцию консервативного подбора, обеспечивая долговременные формы социальной упорядоченности отношений внутри коллектива [4].

Социальное управление отлично от спонтанного процесса самоорганизации и представляет собой сознательный процесс регуляции, который выполняет такие функции: функцию прогрессивного подбора, проявляющуюся в акте мыслительной оценки и выработке решения, функцию консервативного подбора – выбор типичного управленческого сигнала; функцию подвижного равновесия – соотнесение инновационного решения с типичной формой

подачи управленческого сигнала.

Принцип системности, открывает возможность построения теоретической модели социального действия. Для построения модели социального действия необходим субстанциальный подход, который предполагает не просто описание структуры организации, а характеристику (генетическую и функциональную) ее регуляторов, обеспечивающих относительно неизменные ее связи и отношения между ее членами. Поэтому структура социума коллектива его субстрат остается за рамками данной работы. Вместе с тем, построение субстанциальной модели предполагает также исследование структурных составляющих социального действия, изучение их генезиса и взаимосвязи [5].

Первоначально, в результате взаимодействия отдельных индивидов в процессе однотипной хозяйственной деятельности формируется алгоритм – первый довольно мягкий регулятор социального действия. Комплекс алгоритмов может пониматься как система, но система предельно неустойчивая.

Устойчивость достигается тогда, когда возникают жесткие регуляторы активности или формируется структура взаимодействия – защитная форма, способная противостоять сбивающим факторам внешней среды. Можно выделить две основные структуры взаимодействия – иерархическую, и плюралистическую. Иерархическая форма взаимодействия индивидов в организации предполагает дифференциацию элементов, плюралистическая – уравнение; иерархия предполагает центр системы, плюрализм – множество центров взаимодействия индивидов внутри коллектива, включая сюда и сферы как формальных, так и неформальных отношений.

Сложившаяся форма взаимодействия индивидов в организации обуславливает механизм социализации человеческих действий. Это достигается, посредством социального нормирования, в задачу которого входит формирование такого образа мышления индивидов, которое будет определять их ожидаемое поведение. Индивиду через нормы организационной культуры задаются параметры действия, а через ценности – область его возможных достижений внутри организации. Таким способом потребности человека вписаны в нормативно-ценностный «коридор», что и

обеспечивает согласование целей индивида и локального социума. Функции социального нормирования реализуются через идеологию управления, составляющую основу организационной культуры. В результате эта функция приобретает характер системы с ее субстратными и субстанциальными характеристиками. Такая система, получила название «этнического строя» [1]. Одна из важнейших функций этического строя – структурирование потребностей индивидов организации.

Действие поведенческого, этического и организационного регуляторов обеспечивает устойчивость и относительное постоянство социального действия. Однако социальное действие – это диссилативная система, для которой свойственно такое качество, как неравновесность, что обнаруживается в спонтанных всплесках энергии, незапрограммированном росте активности людей. Такие всплески «дезорганизационных действий» нарушают сложившиеся системные требования и могут привести к уничтожению системы действия. Особенность спонтанного всплеска – в том, что он осуществляет перестройку сложившихся социальных требований, адаптирует эти требования к новому возможному всплеску энергии. Система социального действия противоречива по своему характеру. Данное противоречие проявляется в том, что основное системное требование определяется самосохранением, т. е. равновесием. В то же время в социальном действии обнаруживается стремление к игре и нарушению равновесия [6].

На основании системного анализа социального действия можно определять следующие социальные регуляторы организаций:

1. Поведенческий. Предполагается, что в процессе взаимодействия индивиды формируют определенный алгоритм действий, типичное поведение. Закрепившись и сложившись как стереотип поведения в групповом взаимодействии, типичный образ действий настраивает индивидов действовать в соответствии с ним;

2. Организационный. При этом следует иметь в виду, что типичное поведение в результате действий отдельных индивидов может быть «размыто» и может утратить качество социального регулятора. Поэтому для поддержания поведенческой регуляции в процессе человеческого взаимодействия складываются такие формы

самоорганизации индивидов, как иерархия и плюрализм. Форма самоорганизации соответствует типичному поведению и поддерживает его, являясь предпосылкой формы социального управления;

3. Этический регулятор задает нормы, которые настраивают индивидов на типичное поведение и определенную самоорганизацию.

В целом, систему социального действия можно представить как определенное поле социальных координат, задающее индивиду сферу его действия внутри организации (функционирования, развития, взаимодействия, мотивации, социальной

ориентации и т. п.). Данное поле социальных координат складывается как объективный результат функционирования социума, определяемый в организации ее организационной культурой. Возникнув и закрепившись в стереотипах поведения и мышления большинства ее представителей, эти координаты приобретают качество социальных ориентиров для отдельных индивидов данного социума.

Системная характеристика регуляторов социального действия открывает возможность для поиска способа адекватной самоактуализации индивида в организации как определенной социокультурной общности и в конкретной профессиональной среде.

Список литературы

1. Захаров Н.А. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служителя. – М.: Изд-во РАГС, 2002.
2. Оганян К.М., Бранский В.П. Синергетическая философия истории: Кол. монография Петербургской школы социальной синергетики. – СПб.: КОПИ-ПРИНТ, Рязань, 2009.
3. Окладникова Е.А., Оганян К.М., Добрынин В.Н. Инновационные социальные технологии в управлении антикризисной деятельностью социальной сферы. – СПб.: ПЕТРОПОЛИС, 2010.
4. Оганян К.М. Модель формирования и динамика развития интеллектуальных ресурсов организации // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 4.
5. Оганян К.М., Бранский В.П. Социальный идеал и выбор оптимального пути глобализации // Личность и культура. – 2009. – № 6.
6. Оганян К.М., Бранский В.П. Глобализация и синергетическая философия истории // Вестник Ереванского ун-та. Серия: Общественные науки. – 2009. – № 3(129).
7. Рахманова С.В. Управление интеллектуальными ресурсами органов государственной власти. – СПб.: Лань, 2002.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

ВНЕШНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются законодательные основы и общая характеристика внешнего государственного и муниципального финансового контроля. Обосновывается мысль о том, что главной целью изучаемого контроля является повышение эффективности управления государственными и муниципальными ресурсами для обеспечения финансовой стабильности, поступательного развития экономики и социальной сферы общества, улучшения качества жизни наших граждан, обеспечения безопасности российского государства.

Автор подробно анализирует многочисленные федеральные и другие законы, подзаконные нормативно-правовые акты, международные правовые документы. Не обойдены в статье и региональные правовые акты. Заслуживает поддержки изучение автором практики деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации. Эмпирическая база исследования украшает статью, статистические данные вызывают научный интерес, как и анализ довольно большой собственной нормативной базы, регулирующей деятельность контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Заслуживает пристального внимания вывод, сделанный в работе, о том, что, с одной стороны, Конституция Российской Федерации и федеральные законодательства закрепляют единство системы внешнего финансового контроля на территории России, а с другой – налицо не только отсутствие организационного единства, но и отсутствие единого правового статуса контрольно-счетных органов в разных субъектах федерации.

Сделанный вывод позволил автору сформулировать интересные научные предложения, заслуживающие поддержки.

Ключевые слова: внешний государственный финансовый контроль; муниципальный финансовый контроль; закон и подзаконные акты; международно-правовые документы; региональное законодательство; цели финансового контроля; финансовая стабильность; развитие экономики; социальная сфера; качество жизни; безопасность государства;

субъект федерации; сфера контроля; контрольно-счетные органы.

KONDRAK E.N.

EXTERNAL STATE AND MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL: LEGISLATIVE FRAMEWORK AND GENERAL CHARACTERISTIC

The summary. The article considers the legislative framework and general characteristic of the external state and municipal financial control. The substantiation is given to the idea that the primary objective of the control under study is the enhancement of efficiency of the state and municipal resources management to ensure the financial stability, progressive advance of the economy and the social sphere of society, improving the life quality for our citizens, ensuring the security of the Russian state.

He analyzes in detail numerous federal and other laws, subordinate regulatory legal acts, international legal documents. Besides, regional legal acts are not evaded in the article. The author's study of the practices of control and accounting bodies of the Russian Federation constituent entities deserves a support. The empirical basis of the research makes the article adorned, the statistical data arouse an academic interest, as well as the analysis of a rather big own regulatory framework which regulates the activities of control and accounting bodies of the Russian Federation constituent and municipal entities.

Especially noteworthy is the conclusion made in the paper that, on the one hand, the Constitution of the Russian Federation and federal laws consolidate the unity of the external financial control system within the territory of Russia, and on the other hand there is not only a lack of organizational unity but also the lack of unified legal status of control and accounting bodies in different constituent entities of the Federation.

The conclusion made allowed the author to formulate some interesting scientific proposals that deserve support.

Key words: external state and financial control; municipal financial control; law and subordinate legal acts; international legal documents; regional laws; objectives of financial control; financial stability; development of economy; social sphere; life quality; state security; constituent entity of the Federation; control area; control and accounting bodies.

Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль реализуется контрольно-счетными органами, создаваемыми законодательными (представительными) органами государственной власти и представительными органами местного самоуправления.

В соответствии с Указом Президента РФ от 25 июля 1996 года №1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» государственный финансовый контроль включает в себя контроль за:

- исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов;
- организацией денежного обращения;
- использованием кредитных ресурсов;

- состоянием государственного внутреннего и внешнего долга;
- состоянием государственных резервов;
- предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ [1].

Главной целью внешнего государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации является повышение эффективности управления государственными и муниципальными ресурсами для обеспечения финансовой стабильности [10; 11, стр. 22; 15; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 27; 29; 34; 35; 36; 37; 40; 42; 43; 44], поступательного развития экономики и социальной сферы общества, улучшения качества жизни российских граждан, усиления безопасности государства [1, ст. 2444; 12; 13; 16; 30; 31; 38; 40].

В Декларации принципов деятельности

контрольно-счетных органов Российской Федерации, принятой IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 5 декабря 2002 года [9], отмечается, что деятельность контрольно-счетных органов должна быть созидающей, то есть приносящей реальный вклад в улучшение социально-экономического положения общества, и оцениваться по таким важнейшим критериям, как результативность, действенность, экономичность и эффективность.

Результативность, говорится в Декларации, предполагает не только предупреждение, выявление, пресечение фактов незаконного, нецелевого, неэффективного использования государственных и муниципальных финансовых и материальных ресурсов, но и устранение порождающих их причин и условий, аудит эффективности системы управления государственными и муниципальными финансовыми и материальными ресурсами и выработку предложений по ее совершенствованию.

Действенность выражается в совокупности мер, принятых органами власти и подконтрольными организациями по результатам контрольно-ревизионных, экспертно-аналитических и других мероприятий, осуществляемых контрольно-счетными органами.

Экономичность означает, что контрольно-счетные органы должны служить примером целевого и экономичного использования бюджетных средств, выделяемых на их деятельность. Контрольно-счетные органы должны добиваться высокой результативности и действенности своей работы при минимальных затратах сил и средств. Вместе с тем экономичность должна сочетаться с необходимым уровнем материально-технического и информационного обеспечения контрольно-счетных органов и не наносить ущерб полноте и объективности их деятельности.

Эффективность в широком смысле слова означает обеспечение экономической безопасности государства, динамичного развития экономики и рационального использования всех видов государственных и муниципальных ресурсов [9].

В настоящее время в деятельности большинства зарубежных органов государственного финансового контроля используется две разновидности контроля

исполнения государственного бюджета – финансовый аудит и аудит эффективности, проведение которых осуществляется на основании норм соответствующих законодательных актов.

В рамках финансового аудита проводятся проверки законности и целевого расходования бюджетных средств, а аудита эффективности – проверки деятельности органов государственной власти и других получателей государственных средств в целях определения эффективности использования ими государственных средств, полученных для выполнения возложенных на них функций и поставленных задач.

Контрольно-счетные органы Российской Федерации в своей деятельности по контролю исполнения бюджетов также проводят проверки законности и целевого расходования бюджетных средств в соответствии с существующими нормами законодательства, хотя при этом термин «финансовый аудит» в этих нормах не используется. Что же касается аудита эффективности, то эта разновидность контроля исполнения бюджета до сих пор не нашла своего отражения ни в законодательстве, ни в деятельности контрольно счетных органов России в тех формах и содержании, которые должны иметь реальные проверки эффективности использования государственных средств, соответствующие мировому опыту.

Для того чтобы контрольно-счетные органы могли осуществлять аудит эффективности, необходимо, прежде всего, наличие соответствующей правовой основы. В Ревизионных стандартах (42 и 43) Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) подчеркивается, что орган государственного финансового контроля может проводить проверки эффективности и делать выводы о неэффективном расходовании бюджетных средств при наличии законодательно установленного права на данный вид проверок в отношении всех областей деятельности государства, связанных с расходованием бюджетных средств

В большинстве правовых актов о контрольно-счетных органах (78) содержатся в различном виде нормы по осуществлению ими контроля эффективности использования государственных средств.

Имеются существенные различия между правовыми актами в отношении определения

предмета контроля эффективности, осуществляемого контрольно-счетными органами. Можно выделить 18 вариантов определения предмета, каждый из которых отличается количеством сфер контроля эффективности использования государственных средств (от одной до пяти), и их различным сочетанием [33].

Наиболее полный перечень возможных сфер контроля эффективности использования государственных средств включает:

- а) бюджетные средства;
- б) внебюджетные фонды;
- в) государственная собственность;
- г) кредитные ресурсы и заемные средства;
- д) налоговые и другие льготы.

Указанный перечень сфер контроля эффективности использования государственных средств в полном объеме установлен в правовых актах лишь трех контрольно-счетных органов, доля которых в общем количестве контрольно-счетных органов, осуществляющих данный вид контроля, составляет только около 4%. К ним относятся:

- Контрольно-счетная палата Калининградской области;
- Контрольно-счетная палата Республики Алтай;
- Контрольно-счетная палата Законодательного Собрания Нижегородской области [33].

По четыре из вышеперечисленных сфер, в различном их сочетании, входят в предмет контроля эффективности 35 контрольно-счетных органов (4%), по три – 22 контрольно-счетных органов (28%), по два – 15 контрольно-счетных органов (19%). В 4-х контрольно-счетных органах (5%) в предмет контроля эффективности входит лишь по одной сфере, в частности, Иркутской области – внебюджетные фонды, Еврейской автономной области – государственная собственность, Челябинской области и Ставропольского края – бюджетные средства.

В правовых актах 14 контрольно-счетных органов (18%) формулируется лишь задача определения эффективности, но ее реализация не находит отражения в других статьях законов, устанавливающих конкретные функции, виды деятельности и сферы контроля этих органов. Это относится, например, к контрольно-счетным органам Ленинградской, Липецкой, Московской, Смоленской областей, Краснодарского края и другим [33].

И в то же время, наоборот, в ряде законов о контрольно-счетных органах в перечне их задач отсутствует контроль эффективности или же вообще нет формулировок выполняемых задач, хотя в последующих статьях этих законов определены те или иные сферы контроля эффективности использования государственных средств (Кировская область, Ставропольский край, Ямalo-Ненецкий автономный округ).

Характерной особенностью большинства правовых актов о контрольно-счетных органах является то, что перечень конкретных сфер осуществляемого ими контроля эффективности использования государственных средств, имеющийся в соответствующих статьях законов, не совпадает с формулировкой установленных в них задач контрольно-счетного органа. Например, в задачах Контрольно-счетной комиссии Тамбовской области и Контрольно-счетной палаты Орловской области речь идет об определении эффективности расходов бюджетных средств, однако в соответствующих статьях законов данная сфера контроля эффективности отсутствует. Вместе с тем, в других статьях закона установлено, что указанные контрольно-счетные органы осуществляют проверки эффективности использования государственной собственности, что не зафиксировано в их задачах.

В задачах Контрольно-счетной палаты Калужской области установлено определение эффективности использования только областной собственности, хотя в последующих статьях говорится о контроле эффективности расходов бюджета, внебюджетных фондов, а также налоговых и других льгот.

В задачах Контрольно-счетных палат Камчатской области и Корякского автономного округа речь идет о контроле эффективности налоговых льгот, а в других статьях – использования внебюджетных фондов и кредитных ресурсов.

Несмотря на то, что в большинстве правовых актов о контрольно-счетных органах формулируются задачи и/или устанавливаются сферы контроля эффективности, лишь в 30 из них (38%) определен инструмент их реализации в виде проведения проверок эффективности. В остальных же законах наиболее распространенной является формулировка, что контрольно-ревизионная деятельность осуществляется в виде комплексных ревизий и тематических проверок, в

ходе которых «на основе документального подтверждения законности производственно-хозяйственной деятельности, достоверности бухгалтерского учета и финансовой отчетности определяется своевременность и полнота взаимных платежей проверяемого объекта и федерального бюджета» [33].

Однако такое определение ревизии и проверки как формы бюджетного контроля, в данном случае, относится, в соответствии с зарубежной терминологией, лишь к области финансового аудита, а не аудита эффективности. В этом случае контрольно-счетный орган имеет право проводить проверки и ревизии только в отношении законности и своевременности использования государственных средств.

Во многих правовых актах о контрольно-счетных органах при определении задач в отношении эффективности использования государственных средств используются различные формулировки, которые смешивают собственно само содержание задачи с методами реализации видов деятельности и выполняемыми функциями. Так, например, применяются следующие формулировки:

- организация и осуществление контроля за эффективностью;
- определение эффективности;
- проведение анализа эффективности;
- проведение экспертизы эффективности;
- оценка эффективности.

Представляется более правильным формулировать задачу контрольно-счетного органа как «определение (или оценка) эффективности использования государственных средств», поскольку «проведение анализа или экспертизы эффективности» является методами реализации экспертно-аналитической деятельности (точно также как проверка – контрольно-ревизионной деятельности), а «организация и осуществление контроля за эффективностью» представляет собой функцию контрольно-счетного органа.

Существуют различные определения предмета контроля эффективности. Применяются такие термины, как «расходы государственных средств», «использование государственных средств», «использование финансовых ресурсов», «расходование финансовых средств», «использование средств бюджета», однако в текстах законов не раскрывается их содержание. Очевидно, что это не просто обозначение

различными терминами одного и того же понятия. Различие терминов означает, прежде всего, отличие их содержания, то есть, того, что входит в предмет контроля эффективности.

Вряд ли правомерно, как это имеет место во многих нормативно-правовых актах, определяя использование государственных средств как предмет контроля эффективности, добавлять к этому еще «и использование государственной собственности», которая, по сути, является составной частью государственных средств. Точно также неправомерно определение в качестве предмета контроля эффективности «использование финансовых и кредитных ресурсов», поскольку последние являются составной частью финансовых ресурсов и между ними нельзя ставить союз «и».

Таким образом, для внедрения аудита эффективности в деятельность контрольно-счетных органов Российской Федерации необходимо формирование соответствующей правовой базы.

В большинстве законов контрольно-счетных органов отсутствуют необходимые нормы для осуществления ими в должной мере деятельности по контролю эффективности использования государственных средств.

В значительной части правовых актов о контрольно-счетных органах, во-первых, не зафиксировано их право на проведение проверок эффективности как вида контроля и, во-вторых, не все сферы использования государственных средств являются предметом контроля эффективности.

Имеет место смешение задач, функций и видов деятельности контрольно-счетных органов, а также инструментов их реализации. Существуют различные определения предмета контроля эффективности и неоднозначное использование терминов, относящихся к сфере государственного финансового контроля [33].

Правовое регулирование организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации основывается также на Бюджетном кодексе Российской Федерации, на других федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, на конституции (уставе), законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

Организация и деятельность контрольно-счетных органов муниципальных образований

основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], Бюджетным кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами. В случаях и порядке, установленных федеральными законами, правовое регулирование организации и деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований осуществляется также законами субъекта Российской Федерации.

Эта деятельность основывается на ряде принципов, установленных в законодательстве.

Первый принцип фиксирует, что правовое регулирование организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4], Бюджетным кодексом Российской Федерации, комментируемым Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, конституцией (уставом), законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

А деятельность контрольно-счетных органов муниципальных образований основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], Бюджетным кодексом Российской Федерации, комментируемым Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами.

Сущность законодательства по организации финансового контроля на уровне субъектов РФ и муниципальных образований вытекает из нормы ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, в которой указано, что

система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.

Для реализации этого положения Конституции РФ был принят Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» который согласно его ст. 1 устанавливал порядок принятия федеральных законов по предметам совместного ведения России и ее субъектов, а также основные принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий при заключении договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ о разграничении предметов ведения и полномочий, соглашений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ о передаче друг другу осуществления части своих полномочий. Названный Закон утратил силу только с принятием Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ, который внес соответствующие изменения в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5]. Данный закон был разработан в целях совершенствования регулирования общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и был принят 6 октября 1999 г.

Новым шагом в создании системы общих принципов организации власти в субъектах РФ стал Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2011) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) [3].

В статье 34 ФЗ № 131-ФЗ содержатся общие положения об органах местного самоуправления.

Понятие органов местного самоуправления определено в ч. 1 ст. 2 данного Закона как избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В основе рассматриваемых норм лежит положение ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, согласно которому структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. Следует также отметить, что в ст. 6 «Соответствие структур и административных средств задачам органов местного самоуправления» Европейской хартии местного самоуправления предусмотрено следующее:

местные органы власти должны иметь возможность, не нарушая более общих законодательных положений, сами определять свои внутренние административные структуры, которые они намерены создать, с тем чтобы те отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление (п. 1);

статус персонала органов местного самоуправления должен обеспечивать подбор высококвалифицированных кадров, основанный на принципах учета личных достоинств и компетентности; для этого необходимо обеспечить соответствующие условия профессиональной подготовки, оплаты труда и продвижения по службе (п. 2).

В соответствии с ч. 1 статьи 34 ФЗ №131-ФЗ структуру органов местного самоуправления составляют:

- представительный орган муниципального образования;
- глава муниципального образования, являющийся согласно ч. 1 ст. 36 данного Закона высшим должностным лицом муниципального образования;
- местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), которой в соответствии с ч. 1 ст. 37 данного Закона руководит глава местной администрации на принципах единоличия;
- контрольный орган муниципального образования.
- иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и

обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Указание на выборных должностных лиц включено Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ [6].

В качестве целей образования контрольного органа муниципального образования в ч. 1 указанной статьи названы контроль за исполнением местного бюджета, соблюдением установленного порядка подготовки и рассмотрения проекта местного бюджета, отчета о его исполнении, а также контроль за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности. При этом в данной норме указаны возможные названия такого органа: контрольно-счетная палата, ревизионная комиссия и другие.

Часть 2 статьи 34 ФЗ №131-ФЗ, определяя возможные способы создания контрольного органа муниципального образования, указывает, что такой орган формируется либо формируется на муниципальных выборах, либо формируется представительным органом муниципального образования. Порядок образования контрольного органа муниципального образования устанавливается в уставе муниципального образования.

В ч. 3 указанной статьи установлено, что результаты проверок, осуществляемых контрольным органом муниципального образования, подлежат опубликованию (обнародованию).

Часть 4 данной статьи закрепляет обязанность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления представлять в контрольный орган муниципального образования по его требованию необходимую информацию и документы по вопросам, относящимся к их компетенции.

Необходимо отметить, что ряд положений, регламентирующих создание и деятельность контрольных органов муниципальных образований, содержится в БК РФ.

Так, в соответствии со ст. 270 БК РФ контрольные и финансовые органы муниципальных образований осуществляют финансовый контроль за операциями с бюджетными средствами получателей средств соответствующих бюджетов, средствами администраторов источников финансирования дефицита соответствующих бюджетов, а также за соблюдением получателями

бюджетных кредитов, бюджетных инвестиций и муниципальных гарантий условий выделения, получения, целевого использования и возврата бюджетных средств.

В ст. 270.1 БК РФ предусмотрено, что органы местной администрации вправе создавать подразделения внутреннего финансового аудита (внутреннего контроля), осуществляющие разработку и контроль за соблюдением внутренних стандартов и процедур составления и исполнения бюджета, составления бюджетной отчетности и ведения бюджетного учета, а также подготовку и организацию осуществления мер, направленных на повышение результативности (эффективности и экономности) использования бюджетных средств.

Статья 157 БК РФ, регламентируя бюджетные полномочия органов государственного и муниципального финансового контроля, наряду с прочим устанавливает следующее:

- органы муниципального финансового контроля, созданные представительными органами, осуществляют контроль за исполнением соответствующих бюджетов и готовят заключения на годовой отчет об исполнении соответствующих бюджетов, проводят экспертизы проектов указанных бюджетов, долгосрочных целевых программ и правовых актов бюджетного законодательства РФ (п. 1);
- органы муниципального финансового контроля, созданные местной администрацией, осуществляют предварительный, текущий и последующий контроль за исполнением соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ (п. 2);
- полномочия органа муниципального финансового контроля, созданного представительным органом, определяются муниципальным правовым актом представительного органа муниципального образования. Полномочия органов муниципального финансового контроля, являющихся органами (должностными лицами) местных администраций, устанавливаются местной администрацией (п. 3).

В п. 1 ст. 265 Бюджетного кодекса РФ установлены формы финансового контроля, осуществляемые законодательными (представительными) органами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации.

Законодатель предусматривает следующие формы финансового контроля: предварительный, текущий и последующий.

Предварительный финансовый контроль осуществляется на стадии составления, рассмотрения и утверждения финансовых планов, смет расходов и доходов, законов о бюджете.

Текущий финансовый контроль проводится в ходе рассмотрения вопросов по исполнению бюджетов на заседаниях комитетов, комиссий, рабочих групп законодательных (представительных) органов, в ходе парламентских слушаний и в связи с поступлением депутатских запросов.

Последующий финансовый контроль осуществляется после завершения отчетного периода и финансового года в целом, то есть на стадии рассмотрения и утверждения отчетов об исполнении бюджетов.

Пункт 2 ст. 265 Бюджетного кодекса РФ устанавливает права законодательных (представительных) органов при осуществлении ими государственного и муниципального финансового контроля.

Право на получение от органов исполнительной власти, местных администраций муниципальных образований необходимых сопроводительных материалов при утверждении бюджета. Перечень таких документов и материалов, составляемых одновременно с проектом бюджета, представлен в Бюджетном кодексе.

Право на получение от финансовых органов оперативной информации об исполнении соответствующих бюджетов.

Право на утверждение (неутверждение) отчета об исполнении соответствующего бюджета. Так, пп. «а» п. 2 ст. 5 ФЗ РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» №184-ФЗ [4] от 06 октября 1999 г. определяет, что законом субъекта Российской Федерации утверждается отчет об исполнении бюджета субъекта Российской Федерации, представленный высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Право на создание собственных контрольных органов (Счетная палата Российской Федерации, контрольные палаты, иные органы

законодательных (представительных) органов) для проведения внешнего аудита бюджетов. С целью проведения финансового контроля Федеральным Собранием РФ образована Счетная палата РФ, а законодательными (представительными) органами власти субъектов РФ создаются собственные контрольные органы, деятельность которых регулируется законодательством субъектов РФ.

Право на вынесение оценки деятельности органов, исполняющих бюджеты.

Пункт 3 ст. 265 БК закрепляет обязанность органов исполнительной власти и местные администрации муниципальных образований предоставлять всю необходимую информацию для осуществления парламентского контроля. Указанная информация должна предоставляться законодательным (представительным) органам и представительным органам местного самоуправления в пределах компетенции исполнительных органов по бюджетным вопросам, установленной Конституцией РФ, Бюджетным кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами РФ.

В настоящее время в субъектах РФ уже создана довольно большая собственная нормативная база, регулирующая деятельность контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Например, в Москве в эту базу входят:

- Закон города Москвы от 28 июня 1995 г. «Устав города Москвы»;
- Закон города Москвы от 1 ноября 1995 г. № 23-73 «О Контрольно-счетной палате Москвы»;
- Закон города Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»;
- постановление Правительства Москвы от 21 февраля 2006 г. № 112-ПП «О Регламенте Правительства Москвы»;
- постановление Правительства Москвы от 22 апреля 2003 г. № 290-ПП «Об утверждении Положения о Главном управлении государственного финансового контроля города Москвы»;
- иные правовые акты Правительства Москвы и Московской городской Думы, определяющие систему органов государственного финансового контроля города Москвы, пределы их компетенции и

организационно-процессуальные аспекты деятельности.

Сюда же следует отнести корпоративные нормативные правовые акты органов государственного финансового контроля города Москвы, устанавливающие основные правила деятельности данного контрольного органа (например, Регламент Контрольно-счетной палаты Москвы).

Аналогичная картина в других субъектах РФ. Например, в региональное законодательство Волгоградской области входят: Закон Волгоградской области №1694-ОД «О бюджетном процессе в Волгоградской области», Закон Волгоградской области №1800-ОД «О финансовом контроле на территории Волгоградской области», Закон Волгоградской области №344-ОД «О контрольно-счетной палате Волгоградской области», Закон Волгоградской области №1693-ОД «Кодекс Волгоградской области Об административной ответственности» Регламент контрольно-счетной палаты Волгоградской области.

Второй принцип, сформулированный в законе №6-ФЗ, требует, чтобы Федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации и деятельности контрольно-счетных органов, не противоречили Бюджетному кодексу Российской Федерации и комментируемому Федеральному закону.

Это очень важный принцип, поскольку анализ уставов и конституций субъектов Российской Федерации показывает, что почти половина законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации определила правовой статус своих контрольно-счетных органов таким образом, что он не соответствует Конституции РФ.

В отличие от Счетной палаты РФ, которая в соответствии с ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [7] является конституционным органом и обладает организационной и функциональной независимостью, контрольно-счетные органы в субъектах РФ такого статуса не имели.

В связи с этим в научной литературе выявляются следующие особенности закрепления правового статуса контрольно-счетных органов в

субъектах РФ:

- в 40% конституций (уставов) субъектов Российской Федерации образование органов внешнего финансового контроля вообще не предусмотрено;
- более 50% органов государственного финансового контроля субъектов Российской Федерации не являются юридическими лицами;
- 42% – функционируют как структурные подразделениями законодательных органов власти субъектов Российской Федерации и, следовательно, не могут рассматриваться как независимые;
- в 90% субъектов Российской Федерации деятельность органов государственного финансового контроля регулируется законами субъектов Российской Федерации.
- около 7% (Республики Карелия, Хакасия, Чеченская, Астраханская область, Московская область, Корякский автономный округ) – иными нормативными правовыми актами, утвержденными органами законодательной власти субъектов Российской Федерации [28].

Таким образом, с одной стороны, Конституция РФ и федеральное законодательство закрепляют единство системы внешнего финансового контроля на территории России, а с другой – налицо не только отсутствие организационного единства, но и просматривается отсутствие одинакового правового статуса контрольно-счетных органов в разных субъектах федерации. Соответственно, и органы исполнительной власти субъектов РФ главные распорядители бюджетов по-разному относятся к деятельности таких инструментов финансового контроля: от полного и всестороннего сотрудничества, до практически полного игнорирования как самостоятельной системы.

Решение всех указанных выше правовых проблем обеспечения парламентского финансового контроля в субъектах РФ предусматривает закон 6-ФЗ [8], устанавливающий наиболее общие, унифицированные требования к регулированию таких государственных институтов субъектов РФ.

Вместе с тем, отдельные авторы высказывались против принятия подобного закона, ссылаясь на то, что в таком случае будет

ущемлена компетенция самих субъектов РФ, которая закреплена конституционно [14].

Представляется, однако, что поскольку Россия – федеральное государство, то компетенция органов власти отдельных субъектов, закрепляемая и гарантированная Конституцией, не подлежит какому-либо ущемлению. Вместе с тем, теория государства предполагает не только обособление региональной компетенции, но и ее структурную включенность в правовое поле, действующее в пределах всей РФ [39]. Такая включенность может обеспечиваться несколькими способами, среди которых не последнее место занимает наличие наиболее общих принципов правового регулирования, распространяющихся на все субъекты РФ безотносительно их специфики. В рамках этих принципов субъекты самостоятельно определяют конкретные формы и методы регулирования, не противоречащие федеральному законодательству. Отсутствие в Российской Федерации общих законодательно закрепленных принципов деятельности контрольно-счетных органов до принятия комментируемого закона создавало ситуацию, при которой отсутствовало не только единство финансового контроля, но и один из важнейших показателей единства правовой системы. Вместе с тем, законодательное закрепление на федеральном уровне общих принципов и стандартов организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ не влечет за собой ограничения их компетенции, поскольку основные положения правового статуса таких органов будут устанавливаться законодательством субъектов РФ.

Разработка федеральных принципов организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ позволит унифицировать правовой статус этих органов во всех субъектах, что неизменно отразится на объеме их прав и обязанностей. В тех субъектах, где в настоящее время контрольно-счетные органы выступают фактически в качестве специализированных комитетов региональных законодательных собраний, они получат самостоятельность, необходимую для объективной и всесторонней оценки финансовой отчетности. При этом право законодательных собраний формировать эти органы остается неизменным.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Указ Президента РФ от 25 июля 1996 года №1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 31. – Ст. 3696.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html>
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/1999/10/19/fz-284-dok.html>
5. Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27. – Ст. 2709.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. №93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/07/26/vybory-izmenenia-dok.html>
7. Федеральный закон от 11 января 1995 года № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/ru/law/federal-law>
8. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/02/11/audit-dok.html>
9. Декларация принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации, принятая IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/declar-princip-deyatelnosti-tree_files-fl-323.pdf
10. Агапцов С.А. Государственный финансовый контроль и бюджетная политика Российского государства. – М., 2004.
11. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – Система ГАРАНТ, 2009.
12. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
13. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
14. Данилевский Ю.А., Овсянников Л.Н. Государство и финансовый контроль: Монография. – М., 2003.
15. Денисов С.А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. – 2002. – №3. – С. 9-16.
16. Горбашев В.В., Рейф В.М., Удьчак Ф.Н. Политическая правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7.
17. Горегляд В.П. Бюджет как финансовый регулятор экономического развития. – М.: Экономика, 2002.
18. Горегляд В.П. Бюджетный рубль должен работать // Финансовый контроль. – 2010. – №10(107). – С. 19-26.
19. Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П., Рыжкова Е.А. Финансовый контроль: Учебное пособие. – М., 2004.
20. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
21. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб., 2002.
23. Карадина Е.А. Федеральное казначейство в системе государственного финансового контроля Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
24. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
25. Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: конституционно-правовые основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 90-99.
26. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 65-73.

27. Коровников А.В., Столяров Н.С., Сурков К.В., Шлейников В.И. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2001.
28. Материалы выступления юрисконсульта Счетной палаты Владимирской области Журавлевой И.Н. на Научно-методическом совете Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 18 ноября 2005 по теме: «О противоречивости нормативных правовых актов Российской Федерации, касающихся организации внешнего финансового контроля в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spvo.ru/press/news/20051118/20051118-zhur.htm>
29. Погосян Н.Д. Счетная палата Российской Федерации. – М., 1998.
30. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
31. Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
32. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
33. Саунин А.Н., Коршунов А.Е Некоторые проблемы законодательного обеспечения деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации по контролю эффективности использования государственных средств и предложения по их решению// Компьюлог" №5(65) сентябрь-октябрь'04
34. Сборник, посвященный 10-летию Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации. – М., 2010.
35. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Государство и экономика современной России: реальность и перспективы (политико-правовой анализ). – М., 2006.
36. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. – М.: Юриспруденция, 2009.
37. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
38. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
39. Теория государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 1997.
40. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
41. Фокина В.Ю. Проблемы правового регулирования финансового контроля в Российской Федерации // Юридический мир. – 2006. – № 5.
42. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
43. Шохин С.О., Воронина Л.И. Бюджетно-финансовый контроль и аудит. Теория и практика применения в России: Научно-методическое пособие. – М., 1997.
44. Экономическая безопасность Российской Федерации. В 2-х томах / Под ред. С.В. Степашина. – СПб., 2001.

МАКСИМЕНКО Нина Георгиевна,
консультант отдела национальной безопасности
Аналитического управления Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
E-mail: maksimenko555@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиеvna,
доцент кафедры конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные проблемы обеспечения национальной безопасности государства. Безопасность государства представляется в неразрывном единстве с безопасностью человека и общества. По мнению авторов, и с ними нельзя не согласиться, в современных условиях национальная безопасность российского общества и гражданина невозможна без сильного нашего государства. Именно государство, его институты и органы выступают наиболее эффективным средством противодействия внутренним и внешним угрозам социального, природного и техногенного характера.

Государство стремится выработать наиболее действенные средства защиты от соответствующих угроз. В условиях глобальных социальных изменений эта проблема еще более актуализируется. Государство становится основным субъектом обеспечения безопасности, в том числе национальных интересов.

Авторы выясняют содержание категории «интерес» применительно к личности и социуму, высказывают свою позицию по вопросам интереса государства и общества, увязывают его с проблемой национальной безопасности государства, говорят об уровне развития экономики и государственно-правовой идеологии.

Ключевые слова: национальная безопасность; безопасность государства; безопасность человека и общества; экономика; политика; идеология; государственно-правовая идеология; социальные, природные, техногенные угрозы; внутренние и внешние угрозы; глобализация в мире; интерес; сущность государства; функции государства; территориальная целостность государства; публичная политическая власть; государственный механизм; жизнедеятельность населения.

**MAKSIMENKO N.G.
REUF V.M.
UDYCHAK F.N.**

STATE LEGAL IDEOLOGY AND THE POLICY OF ENSURING NATIONAL SECURITY

The summary. The article considers various issues of ensuring national security of the state. The state security is represented in its inseparable unity with the security of individual and society. According to the authors, and one cannot disagree with it, the national security of the Russian society and its citizens in the modern context is impossible without our strong state. It is the state, its institutions and bodies that act as the most efficient means of counteraction to internal and external threats of social, natural and technogenic character.

The state seeks to work out the most effective means of protection against corresponding threats. In the context of global social changes this problem becomes ever more actual and relevant. The state becomes the principal subject of ensuring security including for national interests.

The authors clarify the content of "interest" category with respect to the individual and society, express their opinion on the issues of interests of the state and society, harmonize it with the problem of national security of the state, concerns the subject of the level of development of economy and state legal ideology.

Key words: national security; security of the state; security of individual and society; economy; policy; ideology; state legal ideology; social, natural, technogenic threats; internal and external threats; globalization in the world; interest; essence of the state; functions of the state; territorial integrity of the state; public political power; state mechanism; life-sustaining activities of people.

Сложная диалектическая взаимообусловленность фактора угрозы и состояния развития социальной системы, объективно влечет обособление, специализацию, усложнение социальных средств обеспечения безопасности, которые являются неотъемлемым атрибутом организованных социальных систем. В условиях политico-правовой организации система обеспечения безопасности принимает специфическую форму, но при этом не изменяется по своей сути. Государство, его институты и органы становятся наиболее эффективным средством противодействия внутренним и внешним угрозам социального, природного, техногенного характера [6; 7; 10; 16; 17; 18; 19; 20; 23; 24; 28; 29; 30; 31; 33; 38; 40; 41; 49; 52; 53; 57; 59; 60; 61; 63]. «Мир меняется, – подчеркивает В.В. Путин. – Идущие в нем процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера. В условиях мировых экономических и прочих потрясений всегда есть соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Не случайно уже сегодня раздаются голоса, что, мол, скоро «объективно» встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения.

Вот таких даже гипотетических возможностей в отношении России быть не должно. Это значит – мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью.

Именно поэтому мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять. Именно он помог нам сохранить государственный суверенитет в сложнейший период 90-х годов, когда других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало.

Очевидно, мы не сможем укреплять наши международные позиции, развивать экономику, демократические институты, если будем не в состоянии защитить Россию. Если не просчитаем риски возможных конфликтов, не обеспечим военно-технологическую независимость и не подготовим достойный, адекватный военный ответ в качестве крайней меры реагирования на те или иные вызовы» [1].

В связи с постоянными изменениями внутренней и внешней среды государство и общество всегда старались выработать действенные средства защиты от соответствующих угроз. Особенную актуальность эта проблема приобретает в условиях глобальных общественицизационных изменений [9; 15; 21; 26; 27; 35; 36; 39; 47; 54; 56; 64; 65; 66; 67].

Глобальные изменения, происходящие в современном мире наряду с позитивными явлениями, влекут возникновение новых угроз и усиливают действие угроз существовавших ранее, меняется характер и степень опасности техногенных угроз. «Реальность глобального мира, – отмечает В.В. Путин, – это конкуренция государств за идеи, людей и капитал. А фактически – за будущее своих стран в сформировавшемся глобальном мире» [2]. В данных условиях государство становится основным субъектом обеспечения безопасности, особая роль отводится государственным средствам противодействия угрозам разного характера и степени опасности. В связи с этим, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года констатируется, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности» [5]. Переход к качественно новой государственной политике предопределяет необходимость соответствующих изменений в правовой форме. Именно поэтому правовой аспект совершенствования государственного механизма обеспечения национальной безопасности сегодня имеет не только теоретическое значение, но и весьма существенное прикладное значение в контексте общего вопроса о правовом реформировании системы национальной безопасности Российской Федерации [7; 10; 11, стр. 75-77; 12; 28; 34; 41; 44; 45; 46; 50; 51; 54; 55; 59].

«Нам необходимы механизмы реагирования, – констатирует В.В. Путин, – не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30 – 50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза... . Мы видим, как девальвировались и разрушались базовые принципы международного права. Особенно в сфере международной безопасности.

Россия в этих условиях не может полагаться только на дипломатические и экономические методы снятия противоречий и разрешения конфликтов. Перед нашей страной стоит задача

развития военного потенциала в рамках стратегии сдерживания и на уровне оборонной достаточности. А Вооруженные Силы, спецслужбы и другие силовые структуры должны быть подготовлены к быстрому и эффективному реагированию на новые вызовы. Это необходимое условие для того, чтобы Россия чувствовала себя в безопасности, а аргументы нашей страны воспринимались партнерами в различных международных форматах.

Совместно с нашими союзниками мы также должны укреплять возможности Организации Договора о коллективной безопасности. Включая Коллективные силы оперативного реагирования. ОДКБ готова выполнить свою миссию гаранта стабильности на евразийском пространстве.

Важнейшим приоритетом государственной политики России на перспективу останутся вопросы обеспечения динамичного развития Вооруженных Сил, атомной и космической промышленности, ОПК, военного образования, фундаментальной военной науки и прикладных исследовательских программ» [1].

Социальная природа государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности обусловлена объективными историческими процессами кооперации и организации социальной деятельности. Выживание, нормальная жизнедеятельность, развитие и безопасность каждого человека обеспечивается, объединением людей в единую организованную системную целостность предоставляющую возможность скоординированного коллективного противодействия угрозам, исходящим от других аналогичных организованных социальных образований и агрессивной природной среды. Это обеспечивается институтами социальной власти, действующими в рамках конкретной социальной системы, в том числе и в рамках национальной политико-правовой системы. При этом у наиболее сложных и масштабных социальных систем, к которым относится в частности национальная политико-правовая система, возникает объективная потребность в обеспечении внутрисистемной безопасности.

Объектом государственной защиты в условиях политico-правовой организации являются национальные интересы, что предопределяет методологическое значение соответствующей категории при концептуальной разработке стратегических направлений обеспечения

национальной безопасности. Вместе с тем законодательная дефиниция национальных интересов не достаточно точно отражает сущность определяемого явления. В ней категория «интерес» раскрывается через понятие «потребность». Но сама по себе потребность это только лишь явление понимаемое субъектом как необходимое для поддержания определенного состояния, в частности состояния безопасности. Оцениваемое как необходимое или желательное такое явление становится объектом внимания, вызывает интерес, со стороны субъекта становясь объектом его деятельностных устремлений. Для государства, общества, личности интерес представляют не сами их субъективные потребности как таковые, а духовные и материальные блага, без которых невозможно удовлетворить жизненно важные потребности.

Однако данное обстоятельство не свидетельствует о постоянной гармонии интересов личности и государства. Более того, проблема соотношения индивидуальных и общественных интересов всегда являлась и является одной из острых в юридической теории и практике [13; 14]. От теоретической трактовки данных понятий в значительной степени зависит направленность в целом той или иной концепции. В связи с этим в политико-юридической литературе выделяются два основных традиционных подхода: 1) главенствующее место принадлежит нуждам и потребностям личности; 2) приоритетными являются интересы социума [8, стр. 41]. Отсюда и подход к пониманию самой категории «государственный интерес». Мы склоняемся к тому мнению, что содержание рассматриваемой категории целесообразно выводить из самой сущности государства и его функций. А это – безопасность государства; его территориальная целостность; максимально полная реализация публичной политической власти на всей государственной территории; эффективное функционирование государственного механизма; нормальная жизнедеятельность населения, наличие необходимой экономической базы. В совокупности эти компоненты и отражают государственный интерес. И вряд ли без какого-то из них можно вести речь об обеспечении государственного интереса в целом [8, стр. 42].

Возьмем, например, «необходимую экономическую базу». Неслучайно во многих своих публикациях и выступлениях В.В. Путин

неоднократно говорит о теснейшей взаимосвязи национальной безопасности нашего государства и уровня развития, состояния его экономики. «Мы живем в период кардинальных перемен в экономической жизни всего мира, – отмечает он. – Никогда еще столь быстро не обновлялись технологии... Никогда не была столь острой борьба за лидерство в глобальной конкуренции, и мы видим, как страны, позиции которых еще вчера казались незыблемыми, начинают уступать тем, к которым еще недавно относились со снисходительным пренебрежением. Никогда люди не сталкивались со столь огромными рисками техногенных катастроф, никогда не были столь серьезными угрозы природной среде. Но и возможности человечества никогда не были столь велики. Выигрывает тот, кто полнее других использует новые возможности.

В подобных обстоятельствах важно обеспечивать стабильное поступательное развитие нашей экономики, максимальную защищенность наших граждан от ударов кризисов и, вместе с тем, неуклонное и быстрое обновление всех аспектов хозяйственной жизни – от материально-технической базы до подходов к экономической политике государства» [3]. Мы построили экономику, которая стала органичной частью мировой. Однако мы слишком зависим от нее. Мы имеем экономику, сильно зависимую от внешнего рынка и в производстве, и в потреблении. Высокие импортные пошлины оплачивают российские граждане и наши предприятия. «Сегодня Россия зависит от мировой экономики, интегрирована в нее очень сильно – сильнее, чем большинство других стран.

Общим местом стала констатация сырьевого характера экономики. Советский народнохозяйственный комплекс, автаркийский и замкнутый – был просто не приспособлен к работе в новых условиях. В процессе рыночной, в значительной степени стихийной трансформации выживали наиболее ликвидные отрасли, связанные с экспортом необработанного сырья и полуфабрикатов. Фактически мы пережили масштабную deinдустириализацию. Потерю качества и тотальное упрощение структуры производства. Отсюда крайне высокая зависимость от импорта потребительских товаров, технологий и сложной продукции, от колебания цен на основные экспортные товары, т. е. от факторов, которые мы, по большому счету, не контролируем.

Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния для России непозволительно. Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы» [3].

Новая экономика России – это экономика диверсифицированная, где будут развиты многие конкурентоспособные сектора. Это – эффективная экономика, с высокой производительностью труда и низкой энергоемкостью. «Мы должны, – констатирует В.В. Путин, – значительно сократить отставание от стран-лидеров. Это значит, что надо обеспечить рост производительности по экономике в 2 раза, а в ключевых секторах – выйти на уровень производительности, сопоставимой или даже выше, чем у наших конкурентов. В противном случае у нас просто не будет надежды на успех в глобальной конкуренции.

Это высокопроизводительные рабочие места с высокой оплатой. Средняя заработная плата по экономике вырастет в реальном выражении в 1,6–1,7 раза, почти до 40 тысяч рублей в ценах 2011 года. Номинально она, конечно, будет выше.

Это экономика постоянно обновляющихся технологий. Доля предприятий, внедряющих технологические инновации, должна вырасти в два с половиной раза к концу десятилетия с нынешних 10,5 до 25%, то есть достигнуть сегодняшнего среднеевропейского уровня.

Это экономика, где малый бизнес представляет не менее половины рабочих мест в экономике. При этом значительная часть малого бизнеса 2020 года – это должны быть сектора интеллектуального и творческого труда, работающие в глобальном рынке, экспортирующие свои продукты и услуги.

За каждым макроэкономическим показателем, за каждым конкретным проектом мы должны видеть: сколько новых рабочих мест это принесет России, как это изменит качество занятости, а значит – и качество жизни людей» [3]. Лишь такая экономика позволит России обеспечить ее национальную безопасность.

На законодательном уровне отражается лишь формальный, структурный аспект феномена

национальной безопасности и не указывается на свойства политico-правовой системы, которые позволяют ей вовне (в международных отношениях) проявлять себя в качестве нации (в эстетическом смысловом значении Устава ООН). В этой связи на законодательном уровне целесообразно было бы выделить такой компонент как *сфера интересов*, что позволило бы в свою очередь выделить такую составляющую как национальная идеология, которая выступает фактором национальной консолидации, способствующим наиболее эффективному противодействию внутренним и внешним угрозам. В конечном счете, она выступает как государственно-правовая идеология [22; 25; 32; 37; 42; 43; 46; 48; 58; 62].

Речь идет не о какой-то «казенной идеологии», а о том, что «государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и, – как подчеркивает В.В. Путин, – на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию», обеспечивающего безопасность человека и общества, национальную безопасность Российского государства.

В нашей стране, где прошлое крайне политизировано и «раздергано» на идеологические цитаты, а в сознании у людей многое представлено в извращенном восприятии, необходима тонкая культурная терапия. Культурная политика, которая на всех уровнях – от школьных пособий до исторической документалистики – формировалась бы такое понимание, например, единства исторического процесса, истории нашей Родины, в котором любой представитель России видел бы свое позитивное место. «Ощущал бы себя, – считает В.В. Путин, – наследником «одной для всех» – противоречивой, трагической, но великой истории России» [4].

Нам необходима стратегия государственной политики, государственно-правовой идеологии, основанная на гражданском патриотизме. В тоже время, по мнению В.В. Путина, и с ним нельзя не согласиться, «нам необходимо новое государственное сознание, в центре которого – создание в России лучших, наиболее конкурентоспособных условий для жизни, творчества и предпринимательства. В этой логике должна быть построена деятельность всего государственного аппарата. Мы постоянно должны исходить из того, что граждане России … видят,

как все организовано в других странах, – и имеют право выбирать лучшее».

Новое государственное сознание, государственно-правовая идеология призваны способствовать практической реализации конкретных решений в области обеспечения подлинной демократии в стране. Важно поставить работу государства на службу интересам общества. «И все вместе – это обеспечивает России, российскому современному обществу устойчивое и успешное развитие» [2].

Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности представляет собой *систему государственных институтов* последовательно организованных, действующих поэтапно и на основе официальных нормативных установок осуществляющих деятельность по поддержанию правовых и институциональных механизмов, ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам. Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности осуществляются посредством взаимодействующих между собой государственных *организационных институтов*, которые: 1) представляют собой относительно обособленные, обладающие определенной автономией части единого механизма; 2) обладают регулятивным государственно-властным характером; 3) имеют не только свою организацию, но и функциональное назначение в рамках государственно-правового механизма

обеспечения национальной безопасности; 4) представляют собой нормативное выражение системы общественных отношений как идеальное явление, выраженное в виде системы категорий, статусов, принципов, духовных ценностей и т. д. В указанном значении институт обеспечения национальной безопасности не тождествен соответствующему государственному органу, который является способом связи регулируемых государством отношений с их материальной основой.

Институциональная согласованность и слаженность деятельности государственных органов в процессе обеспечения национальной безопасности должна обеспечиваться юридическим разграничением функций и полномочий. В организационном плане взаимодействие между всеми субъектами обеспечения безопасности осуществляется в форме обмена информацией, совместного планирования и проведения мероприятий, взаимного использования сил и средств в интересах решения общей для субъектов этого процесса задачи, организации специального мониторинга и др. В этой связи весьма важна унификация понятий и законодательная скоординированность соответствующих видов государственной деятельности, что предполагает дальнейшее концептуальное развитие положений существующего нормативно-правового материала не только в части подзаконных актов, но и в части фундаментальных законодательных основ.

Список литературы

1. Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. – 2012. – №5709. 20 февраля.
2. Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 2012. – №2/П(4805). 6 февраля.
3. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2012. – №15(3030). 30 января.
4. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7(5493). 23 января.
5. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
6. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
7. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
8. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Рейф В.М. Государственный интерес: теория и практика // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 40-42.
9. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.
10. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб., 1999.
11. Возжениников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.

12. Горбашев В.В., Рейф В.М., Удышак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7. – С. 21-29.
13. Горленко В.А. Личность и государство: соотношение интересов в правоохранительной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №5. – С. 115-117.
14. Гуцириев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
15. Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2006.
16. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
17. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность современной России. – СПб., 1999.
18. Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001.
19. Зейналов И.М., Давыденкова А.Г. Философия государственности: политico-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 56-61.
20. Заиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – №1(17). – С. 111-117.
21. Заиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 80-85.
22. Ильичев В.В., Рейф В.М., Зацепа О.О. Народовластие: от правового принципа к государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 50-56.
23. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб., 2002.
25. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (2-ая половина XIX – начало XX веков): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
26. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
27. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
28. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
29. Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность и правоохранительное сотрудничество в эпоху глобализации. – М., 2010.
30. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в современном мире: теоретико-методологические аспекты. – М., 2010.
31. Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999.
32. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
33. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: человек, общество, государство. – СПб., 2000.
34. Мамонов В.В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного стоя России // Журнал российского права. – 2003. – №6.
35. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2008.
36. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политico-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 19-14.
37. Нерсессянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
38. Основы конфликтологии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1997.
39. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдитореал УРСС, 1999.
40. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
41. Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
42. Рейф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
43. Рейф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №3. – С. 89-95.
44. Рейф В.М., Удышак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы

- правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 28-35.
45. Рейф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 114-121.
46. Рейф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
47. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России). – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
48. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
49. Собольников В.В. Проблемы предупреждения миграционной преступности. – Новосибирск, 2006.
50. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 67-75.
51. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 61-67.
52. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
53. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2011.
54. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
55. Федорова О.Г. Концепция национальной безопасности России и роль частных охранных структур в ее реализации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – №4(12). – С. 28-32.
56. Фокумя Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с анг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006.
57. Хабабулин А.Г. О научно обоснованных подходах к системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности в современных условиях. – М., 2009.
58. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
59. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политico-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
60. Худойкина Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001.
61. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 1996.
62. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступит. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
63. Чулокин И.Л. Социальные конфликты и применение права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001.
64. Шалин В.В., Альбов А.П. Право и толерантность. Либеральная позиция в эпоху глобализации. – Краснодар, 2005.
65. Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия. – М., 2003.
66. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: Политико-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
67. Шахрай С.М. Государство и глобализация: Методологические и политико-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ФРОЛОВ Владислав Владимирович,
профессор кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: froloff123@mail.ru

ФРОЛОВА Ольга Валерьевна,
доцент кафедры правового обеспечения
оперативно-служебной деятельности Северо-
Западного института повышения квалификации
сотрудников Федеральной службы по контролю за
оборотом наркотиков, кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: froloff123@mail.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАРКОУГРОЗЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРКОСИТУАЦИИ

Аннотация. В статье изучаются факторы, воздействующие на современную наркоситуацию в историческом аспекте. Предлагается ряд мер по повышению эффективности борьбы с наркопреступностью.

Ключевые слова: наркоугроза; здоровье нации; антинаркотическая программа.

FROLOV V.V.
FROLOVA O.V.

THE EMERGENCE OF DRUG THREAT IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY AND CONTEMPORARY PROBLEMS OF STRUGGLE AGAINST DRUG-RELATED CRIMES: COMPARATIVE ANALYSIS OF DRUG ABUSE SITUATION

The summary. The article studies the factors affecting the contemporary drug abuse situation in the historical aspect. A number of measures to increase the efficiency of the struggle against drug-related crimes are proposed.

Key words: drug threat; health of the nation; anti-drug program.

Российское государство, имеющее мощную систему правоохранительных органов, не в состоянии, по мнению некоторых специалистов, в современных условиях «не только искоренить преступность, но даже нейтрализовать ее. Возникает своего рода «тупиковая» ситуация, требующая научного осмысления и поиска инновационных путей разрешения» [1, стр. 17].

В 2007 году согласно данным официальной статистики на учете с диагнозом «наркомания» было зарегистрировано – 537 774 человека [4, стр. 2]. Понятно, что даже такое число не полностью отражает латентную картину наркомании в России. Но и официальные показатели в 7-8 раз превышают аналогичные в странах Европейского Сообщества.

Согласно данным Всемирного доклада о наркотиках за 2010 год «в Российской Федерации насчитывается от 1,6 до 1,8 миллионов потребителей опиатов... Около 37% наркопотребителей больны ВИЧ» [2, стр. 31].

Необходим поиск новых идей и новых подходов к роли государства в жизни общества, позволяющих внедрить новые способы обеспечения законности в России [14, стр. 2-5].

Анализ историко-правового опыта может помочь в изучении корней такого опасного явления как наркомания и успешной борьбе с наркоПреступностью.

В Российской империи в конце XIX века употребление наркотиков, по мнению властей, не учитывавших нарастающую угрозу социальному здоровью, не представляло существенной опасности, что подтверждается отсутствием в уголовно-нормативных актах соответствующих составов преступлений. Опиум могли выписывать в качестве лекарства от бессонницы и алкоголизма, он относился согласно правилам 1813 и 1830 годов к ядовитым веществам и подлежал специальному контролю в аптеках. Опиаты и кокаин использовались отдельными представителями аристократических и богемных кругов как источник наслаждения и красочных галлюцинаций.

Научные опыты с гашишем, вырабатываемым из российской конопли проводились на добровольцах и их результаты публично оглашались в 1877 году.

Начинает издаваться литература, пропагандирующая яркие впечатления от наркотиков, затем ставится и первый фильм (1916 год). Можно провести многочисленные

аналогии с современным Интернетом, где практически отсутствует контроль за пропагандой наркотиков.

В 1892 году медики разделили ядовитые и наркотические (сильнодействующие) вещества по спискам. Морфий, кокаин были отнесены к литере «А» и должны были продаваться в аптеках строго по рецепту.

Уже в конце XIX века в Средней Азии и в Приморье, у границы с Китаем возникли массовые и острые проблемы, связанные с потреблением гашиша и опиума [7, стр. 2-5; 11, стр. 321-329].

Иностранные государства навязывали китайцам опиум, чтобы за гроши получать китайские товары, серебро и с помощью наркогеноцида ослабить потенциальных конкурентов, превратив их в колонию. Линии наркотрафика прошли из Китая в Россию на Дальний Восток и через Среднюю Азию дальше, в Европейскую часть России, чему способствовала постройка железных дорог [5].

О проблеме наркотизма в Средней Азии свидетельствовали официальные доклады правительству генерал-губернатора Туркестана. О широком распространении наркотизма в Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане указывалось в работах А.К. Стрелюхина, Е.В. Маслова, Н.С. Левитова, А.Л. Камаева. Так, в течение 1904 года из Персии контрабандным путем в Россию был завезен 26 881 пуд опиума на сумму почти 2,5 миллиона рублей. В 1905 году объем ввоза увеличился в двадцать раз [6, стр. 71; 10].

И в настоящее время руководитель Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванов признает, что «по территории среднеазиатских республик героин легко проходит через размытые границы, а власти поставлены в ситуацию борьбы с последствиями, пользуясь медицинской аналогией, с метастазами, а не с опухолью» [4].

О недооценке обществом опасности наркоугрозы свидетельствует тот факт, что в 1902 году профессор Брейтман советовал потреблять героин – атлетам, которые занимаются бегом, «вентилировать легкие», а доктор Ладыженский рекомендовал в случае привыкания к героину обязательно увеличивать дозы [5].

В настоящее время нужна строжайшая проверка всех новых лекарств на побочные эффекты, иначе мы рискуем «сесть на иглу» сами и, что еще ужаснее, посадить на нее по незнанию

и из лучших намерений наших женщин и детей.

Дипломаты и государственные деятели к 1912 году стали осознавать проблему наркомании. 23 января 1912 года подписана Гаагская международная конвенция о контроле над опиумом, которая стала первым многосторонним договором в данной сфере между Российской империей, США, Германией, Францией, Великобританией, Италии, Японии, Нидерландов, Персии, Португалии и Сиама. Устанавливается контроль за производством и распространением наркотических средств – опия-сырца, продуктов его переработки (экстракционного опия, медицинского опия, морфина и героина), а также кокаина и солей кокаина и морфина. К концу Первой Мировой войны конвенция, которая носила открытый характер, была подписана 41 государством, а ратифицировали ее 16 государств [13].

Вступление России в первую мировую войну привело к обширному распространению наркомании в обществе. Причинами являлись: широкое использование кокаина и морфия для обезболивания при лечении раненых в госпиталях, бедственное положение в стране и отсутствие надлежащего контроля за аптеками и посевами конопли и мака.

Правительство решило применить определенные меры по борьбе с контрабандой наркотиков. С 1915 года в Российской империи стал действовать Указ «О мерах борьбы с опиумом». Действие указа было ограничено территориями Приамурского генерал-губернаторства, Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства, где маковые поля подлежали немедленному уничтожению. Этим указом впервые в российское законодательство вводились юридические понятия ответственности за «хранение, приобретение и перевозку наркотиков» [8, стр. 121].

Таким образом, в период социальных потрясений и военных катаклизмов в Российской империи возникло благоприятное положение для развития наркомании, как формы ухода от реальной, тяжелой ситуации в стране.

Позднее М.Н. Гернет, проанализировав данные о состоянии и динамике преступности, связанной с употреблением наркотиков в начале XX века, пришел к выводу, что «наркотизм глубоко врос своими корнями в общественную среду, переплетаясь этими корнями с разнообразными и многочисленными условиями: пресыщенностью и

праздностью одних, недоеданием и тяжелым трудом – других, непреодолимыми привычками – третьих...» [3, стр. 441].

П.Н. Сбирунов давал следующее определение наркотизма: «негативное социальное явление, обусловленное неблагоприятными условиями внешней среды и антиобщественной ориентацией личности, которое выражается в незаконном умышленном употреблении наркотических веществ, причиняющем вред здоровью человека и представляющее опасность для общества» [12, стр. 8].

Таким образом, наркотизм имеет социальный, медицинский, психологический и правовой аспекты.

Современные исследователи обращают внимание на международно-правовые аспекты наркотизма. Так, М.Л. Прохорова дает следующую характеристику наркотизма – это негативное социальное явление международного плана, характеризующееся приобщением части населения страны к немедицинскому потреблению наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным международно-правовым и внутригосударственным контролем, а также участием (прямым или косвенным) в организации и осуществлении их нелегального оборота как в национальных рамках, так и межгосударственных масштабах [9, стр. 17].

Необходимо упростить и упорядочить международную процедуру выдачи преступников, улучшить технологии обмена информацией о наркогруппировках, укреплять международное и внутреннее техническое, кадровое и иное сотрудничество между правоохранительными организациями.

Остановить наркоагgression против здоровья российского общества можно только совместными усилиями государственных и общественных организаций, обеспокоенных родителей. Мы не должны равнодушно проходить мимо гибнущих людей, мимо торговцев смертью.

Только комплексная совместная борьба всего социально здорового общества против наркоторговцев и за нашу молодежь, за наркопотребителей, с целью освобождения их от дурмана, может привести к положительным результатам. Альтернативный путь приведет в перспективе к упадку общества и потере государственной самостоятельности.

Власть должна создавать благоприятные условия для жизни людей, обеспечивать их право

на информацию о социальной болезни – наркомании, опасности наркотиков и принимать все возможные правовые, информационные, организационные, карательные, профилактические и иные меры по борьбе с наркопреступностью.

Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, направленной на борьбу с наркопреступностью, проводить дифференциацию применяемых уголовно-правовых санкций, в зависимости от тяжести совершенных деяний. На наш взгляд следует уже сточать наказания с применением конфискации имущества и даже смертной казни к организаторам преступного сообщества, сбытчикам наркотиков несовершеннолетним. Надо предусмотреть более строгие административно-правовые и иные штрафные санкции к владельцам развлекательных центров, клубов, дискотек, где зафиксированы факты продажи наркотиков и психотропных веществ, в виде существенных штрафов и закрытия подобных центров в случае повторной фиксации указанных правонарушений на их территории.

Необходимо вести выработку более эффективных оперативных способов изобличения преступников, наряду с использованием контролируемой поставки и внедрением агентуры продумывать и включать в закон иные оперативно-

розыскные мероприятия.

Следует проводить регулярный мониторинг наркоситуации с участием представителей гражданского общества, что поможет выявить латентные характеристики наркопреступности и наркомании, проводить регулярное наркотесирование в школах и ВУЗах. Знание болезни поможет избавиться от нее. Опоздание может привести к медленной и мучительной смерти.

Следует продумать и внедрить программу повышения квалификации специалистов в сфере борьбы с наркопреступностью и излечения наркомании.

Нужно решать вопросы правового просвещения и популяризации здорового образа жизни, сочетаемого с антинаркотической пропагандой.

В настоящее время происходит активизация наркокартелей, налаживаются их взаимные связи, усиливаются их огромные финансовые и лоббистские возможности, идет повышение уровня поставок героина и иных наркотиков из Афганистана, увеличивается объем производимых синтетических наркотиков.

Наркобизнес объективно ведет к дестабилизации обстановки в России, подрывает генофонд, представляет собой угрозу для будущего российского народа.

Список литературы

1. Алюшин В.П., Павленко С.З. Новые подходы к проблеме безопасности российского государства как условие совершенствования контроля и надзора за деятельностью правоохранительных органов // Матер. конф. – М., 2000.
2. Всемирный Доклад ООН о наркотиках за 2010 год // Наркоконтроль. – 2010. – №3. – С. 26-34.
3. Гернет М.Н. Избранные произведения. – М.: Юрид. лит., 1974.
4. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. – 2008. – №3.
5. Калачев Б.Ф. Источники распространения наркотиков в Российской империи: история вопроса // Наркоконтроль. – 2011. – №4. – С. 14-22.
6. Камаев А.Л. Анашизм: социально-бытовое и клинико-психиатрическое исследование. – Самара, 1931.
7. Левитов И.С. Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах. – СПб., 1909.
8. Сборник узаконений. – 1915. – № 170. – Ст. 1291.
9. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
10. Маслов Е.В. Проблема наркомании в Туркестанской ССР // Сов. здравоохранение Туркмении. – №2/3. – Ашхабад. – С. 121-128.
11. Стрельюхин А.К. Краткий исторический обзор наркомании // Тр. Душанбинского государственного медицинского института. Т. 5. – Сталинабад: Изд. Душанбинского гос. мед. ин-та, 1950. – С. 321-329.
12. Сбирунов В.П. Криминологические вопросы предупреждения преступлений, связанных с наркотическими веществами: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1985.
13. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – №4. – С. 37-44.
14. Фролов В.В. Законность, демократия, милиция. – М.: Спутник+, 2009. – 125 с.

ПИРОВ Мухриддин Таварович,
старший оперуполномоченный Отдела по
оперативно-розыскной работе Управления
внутренней безопасности МВД Республики
Таджикистана,
аспирант кафедры криминастики Санкт-
Петербургского университета МВД России,
E-mail: pirov_@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминастика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются различные мероприятия, проводимые в Республике Таджикистан, направленные на организацию борьбы с торговлей людьми. Подчеркивается, что эта проблема имеет всемирное значение, ибо торговля людьми не знает границ и характерна для государств с различным уровнем социально-экономического развития. Она преследует, как правило, цели сексуальной эксплуатации и незаконной трансплантации органов и тканей человека.

В Таджикистане осознается важность проблемы, ратифицируются международно-правовые акты, формируется национальное законодательство. Автор подчеркивает ратификацию парламентом Таджикистана 29 мая 2002 г. резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, принятой 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» и дополнительных протоколов о предотвращении торговли людьми и особенно женщинами и детьми. Он говорит о создании при правительстве в 2003 г. рабочей группы по исследованию проблем торговли людьми, а в последующем Межведомственной комиссии по борьбе против торговли людьми при Правительстве Республики Таджикистан.

В работе подробно исследуются изменения и дополнения, внесенные в УК РТ, анализируется содержание Закона Республики Таджикистан от 15 июля 2004 г. №47 «О борьбе против торговли людьми». Тщательное изучение этого закона, других нормативно-правовых актов республики позволили автору сформулировать весьма интересные предложения, которые заслуживают внимания научной общественности и законодателя.

Ключевые слова: торговля людьми; сексуальное рабство; мировое сообщество; международные нормативно-правовые акты; национальное законодательство; ратификация; изменения; дополнения; рабочая группа; межведомственная комиссия; миграция; меморандум.

PIROV M.T.

ORGANIZATION OF THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The summary. The article discusses various activities carried out in the Republic of Tajikistan which are aimed at the organization of fight against human trafficking. It is emphasized that this problem is of the universal importance as the trafficking in human beings knows no boundaries and is typical for the states with different levels of social and economic development. It pursues, as a rule, the purposes of sexual exploitation and illegal transplantation of human or-

gans and tissue.

The importance of this problem is realized in Tajikistan, international legal acts are ratified, the national legislation is formed. The author emphasizes the ratification by the Parliament of Tajikistan (May 29, 2002) of the resolution of the United Nations General Assembly adopted on November 15, 2000 "On Convention against Transnational Organized Crime" and Additional Protocols to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children. He concerns the subject of establishment of the affiliated to the Government working group for the study of human trafficking issues in 2003, and in subsequent years Interdepartmental Commission for the Fight against Human Trafficking under the Government of the Republic of Tajikistan.

The paper studies in detail the amendments and additions introduced into the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, analyzes the purview of the Law of the Republic of Tajikistan of July 15, 2004, No. 47 "On the Fight against Human Trafficking". The thorough study of this law, other regulatory legal acts of the republic allowed the author to formulate rather interesting proposals which deserve the consideration by the scientific community and the legislator.

Key words: *human trafficking; sexual slavery; world community; international regulatory legal acts; national legislation; ratification; amendments; additions; working group; interdepartmental commission; migration; memorandum.*

Торговля людьми запрещена международным сообществом как абсолютное нарушение прав человека. По данным отдельных международных экспертов, каждый год в руки торговцев людьми попадает до двух миллионов человек. Большинство из них – женщины, которые используются в целях сексуальной эксплуатации, и в меньшей степени – с целью принудительного труда [8, стр. 4].

Республика Таджикистан, как неотъемлемая часть международного сообщества, признает незыблемость прав и свобод человека, ратифицировав ряд международных правовых документов. На сегодняшний день одной из острейших проблем в области нарушения прав человека является проблема торговли людьми в мире. Торговля людьми не знает границ и характерна для государств с различным уровнем социально-экономического развития [1; 3; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Осознавая важность проблемы, парламент Таджикистана 29 мая 2002 г. ратифицировал резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, принятой 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» [2] и дополнительные протоколы о предотвращении торговли людьми и особенно женщин и детей. В 2003 году при правительстве Республики Таджикистан была создана рабочая группа по исследованию проблемы торговли людьми и ее предотвращению,

на основе которой была создана Межведомственная комиссия по борьбе против торговли людьми при Правительстве Республики Таджикистан.

Одним из важнейших шагов правительства Республики Таджикистан по решению данной проблемы было внесение изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республика Таджикистан, отражающих уголовно наказуемое деяние за совершение преступлений путем купли и продажи людей. Также были ратифицированы парламентом Республика Таджикистан Конвенция по правам ребенка, а также Конвенция по ликвидации всех форм дискриминации женщин. Таджикистан одним из первых в Центрально-азиатском регионе признал существование насилия в отношении женщин и проводит определенную работу по его искоренению. 28 февраля 2006 г. между правительством Республики Таджикистан и представительством Международной организации по миграции был заключен меморандум «О сотрудничестве в борьбе против торговли людьми» [4]. Совершенно очевидно, что назрела необходимость создания новых правовых норм, более четко очерчивающих данную проблему, специальной гендерной статистики, новых социальных программ по гуманному обращению с жертвами торговли людьми.

Основным нормативно-правовым документом, определяющим правовые и организационные основы системы борьбы против торговли людьми

в Республике Таджикистан, является Закон Республики Таджикистан от 15 июля 2004 года № 47 «О борьбе против торговли людьми» (далее – Закон) [5].

Указанный Закон состоит из семи глав, включающих двадцать четыре статьи. В качестве положительного момента можно отметить, что данный закон закрепляет достаточно обширный понятийный аппарат. Так, п. «а» ст. 1 указанного Закона закрепляет, что под торговлей людьми следует понимать куплю или продажу человека с согласия или без согласия путем обмана, вербовки, укрывательства, передачи, перевозки, похищения, мошенничества, злоупотребления уязвимостью положения, подкупа для получения согласия лица, контролирующего другое лицо, а также других форм принуждения с целью дальнейшей продажи, вовлечения в сексуальную или преступную деятельность, использования в вооруженных конфликтах, в порнографическом бизнесе, в принудительном труде, в рабстве или обычаях, сходных с рабством, в долговой кабале или усыновлении (удочерении) в коммерческих целях.

Однако возникает вопрос, допустимо ли говорить о «купле» или «продаже», совершенной путем укрывательства, перевозки либо похищения.

Так, отождествляя торговлю людьми со сделкой «купли-продажи», законодатель не учитывает большинство признаков указанной сделки, включая ее предмет (ст. 141 Гражданского кодекса Республики Таджикистан), а также ее возмездность (ст. 488 Гражданского кодекса Республики Таджикистан). Таким образом, необходимо разделить понятие купли или продажи от других самостоятельных действий, входящих в понятие «торговля людьми», заключающихся в вербовке, укрывательстве, передаче, перевозке, похищении.

Кроме собственно понятийного аппарата в Законе указываются цели и принципы борьбы с торговлей людьми, а также круг субъектов, участвующих в этой деятельности, и их компетенция. Отдельного внимания заслуживает межведомственная комиссия, призванная осуществлять координацию борьбы с работоговляй. В законе также находят свое отражение меры, направленные на профилактику торговли людьми, а также вопросы, касающиеся международного сотрудничества в указанной области.

Значительное место в законе отведено

регулированию вопросов социальной реабилитации жертв торговли людьми. Данная работа проводится в целях их возвращения к нормальному образу жизни и включает правовую помощь, психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, а также трудоустройство.

Не смотря принимаемые усилия, правительство Республики Таджикистан не делает успехов в судебном преследовании и предъявлении обвинения чиновникам, вовлеченным в торговлю людьми, а также в обеспечении защиты жертвам трафика; по этим причинам Таджикистан находится в контрольном списке 2 категории [7]. Правительство заявило о небольших улучшениях в работе правоохранительных органов, однако неспособность правительства решить более серьезные и системные проблемы перевешивает эти улучшения. К самым значительным из этих проблем относятся: неспособность правительства решить проблему коррупции, связанной с торговлей людей; низкий уровень координации между правоохранительными органами и институтами безопасности со схожими обязанностями; неспособность правительства расследовать случаи насилия над жертвами трафика со стороны государственных служащих; а также сильная зависимость от международных организаций в вопросах информационной кампании против трафика и предоставлении должной помощи и защиты жертвам трафика.

В качестве мер, направленных на совершенствование борьбы с торговле людьми в Республике Таджикистан, необходимо выделить следующие:

- повышение эффективности уголовного преследования по данным категориям дел;
- улучшение координации борьбы с указанными преступлениями;
- социальная поддержка жертв торговли людьми;
- информирование населения;
- запрет сезонного принудительного труда детей;
- постоянный мониторинг ситуации, связанной с торговлей людьми.

Необходима постоянная, очень тщательная и кропотливая работа законодательных органов, государственного механизма республики, общественных организаций, всего гражданского общества в этом направлении. Только благодаря

совместным усилиям общества и государства возможна надежда на позитивные сдвиги ситуации.

Без этого вряд ли можно построить правовое государство и гражданское общество в стране.

Список литературы

1. Дополнительная Конвенция ООН об упразднении рабства, работоговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Принята в Женеве 7 сентября 1956 г. // Ведомости верховного совета СССР. – 1957. – № 8 (875). – Ст. 224.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1957 г. «О ратификации Конвенции ООН об упразднении рабства, работоговли и институтов и обычаев, сходных с рабством» // BBC СССР. – 1957. – № 8 (875). – Ст. 224.
4. Меморандум между правительством Республики Таджикистан и представительством Международной организации по миграции от 28 февраля 2006 г. «О сотрудничестве в борьбе против торговли людьми» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
5. Закон Республики Таджикистан от 15 июля 2004 года № 47 «О борьбе против торговли людьми» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
6. Абрамова С.Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
7. Выдержки из Доклада Государственного департамента о торговле людьми за 2009 год (23 июня 2009 года) Доклад о торговле людьми по Афганистану, Ирану и Таджикистану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.america.gov/st/hr-russian/2009/June/20090623181722xjsnommis0.357052.html>
8. Журавлев С.Ю., Пигаев А.М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования: Научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2006.
9. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008. – № 1.
10. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.
11. Кудряшова Г.Н., Поляков Д.С. К вопросу о криминологической характеристики лиц, являющихся организаторами похищения несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 131-137.
12. Куштель Е.В. Проблемы выявления и расследования торговли несовершеннолетними // Вестник криминалистики. Выпуск 1. – М.: Спарк, 2006. – С. 72-76.
13. Мизулина Е.Б. Торговля и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юрист, 2006.
14. Овчинский В.С. ХХI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
15. Пиро M.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 146-151.
16. Пиро M.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 105-115.
17. Пиро M.Т. Торговля людьми и использование рабского труда: специфические особенности расследования преступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7. – С. 98-105.
18. Смирнов Г.К. Методика расследования торговли людьми: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
19. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. – М., 2006.
20. Шруб М.П. Теоретические и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2006.

ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

E-mail: alievyakub@mail.ru

АРУЕВ Кирилл Богданович,

доцент кафедры уголовного и гражданского права
Санкт-Петербургского государственного
университета гражданской авиации,
кандидат юридических наук

E-mail: aruev@gmail.com

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,

заместитель начальника отдела нормативно-
правового регулирования обеспечения
безопасности дорожного движения Федерального
казначейского учреждения Научно-
исследовательского центра Безопасности
дорожного движения МВД России,
доктор юридических наук

E-mail: sal_sp@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,

профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского
государственного политехнического университета,
доктор юридических наук

E-mail: nauka123@yandex.ru

**Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право**

МОТИВЫ АВТОТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье дана общая характеристика личности автотранспортных преступников с позиций мотивов совершения данных правонарушений. Выявлены характерные особенности мотивационной сферы этой категории преступников, различные интересы и потребности при нарушении правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. Среди них отмечаются: легкомысленное или самонадеянное отношение к использованию автотранспортных средств; стремление произвести необычное впечатление на окружающих; эгоистические тенденции; цинизм и правовая неграмотность; корыстные устремления. Авторы классифицируют рассматриваемые потребности. Подчеркивают тезис о том, что потребность, прошедшая через систему побудительных факторов и осознанная человеком, становится мотивом поведения. Исследуются осознанные и неосознанные мотивы.

Вызывает определенный интерес рассмотрение критериев оценки мотивационный

направленности личности. С этой целью авторы анализируют соотношение той сферы действительности, которая находит отражение в смысловой, содержательной характеристике побуждения, со сферой действительности, в которой развертываются реальные действия человека. Они приходят к выводу о том, что до сих пор вопрос о характеристиках мотивации при совершении автотранспортных преступлений продолжает оставаться актуальным.

Ключевые слова: неосторожное преступление; мотив; интересы; потребности правила дорожного движения; эксплуатация транспорта; классификация; критерии; мотивационная направленность; действительность; сознание; реальность; отражение.

ALIEV Ya.L.
ARUEV K.B.
SAL'NIKOV S.P.
TRET'YAKOV I.L.

MOTIVES OF MOTOR VEHICLE CRIMES: GENERAL CHARACTERISTIC OF THE CRIMINAL PERSONALITY

The summary. The general characteristic of motor vehicle criminals is given in the article from the perspective of the motives for committing these offences. The characteristic features for the motivational sphere of this category of criminals, various interests and needs in case of violation of rules for road safety and transport operation are revealed. Most notable among them are as follows: irresponsibility or presumptuous attitude towards the use of vehicles; the desire to produce an unusual impression upon others; egoistic tendencies; cynicism and legal illiteracy; mercenary aspirations. The authors classify the needs under consideration. They emphasize the point that the need passed through the system of incentive factors and recognized by an individual becomes a motive of behaviour. Conscious and unconscious motives are under research.

A certain interest is aroused by the consideration of the evaluation criteria for personal motivated orientation. In view of this the authors analyze the correlation of that sphere of the reality which is reflected in the sense, content characteristic of motivation with the sphere of reality in which the actual actions of the individual take place. They come to the conclusion that up to now the question of motivation characteristic in case of committing motor vehicle crimes is still a topical one.

Key words: negligent crime; motive; interests; needs of traffic regulations; transport operation; Classification; criteria; motivated orientation; reality; consciousness; reflection.

Понятие личности обозначает человеческого индивида как члена общества, обобщает интегрированные в нем социально-значимые черты. Эти черты складываются и проявляются только в конкретном процессе социального взаимодействия, поэтому главным понятием для описания личности является понятие социальной роли. Интраиндивидуальным результатом и компонентом этого взаимодействия в серии последовательных и сосуществующих социальных ролей является система мотивов, установок и ориентаций, составляющая основу внутренней структуры личности [2; 3; 4; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 13;

16, стр. 252-276; 17; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 30; 31; 32; 34; 38; 39; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 51; 52; 57; 59; 60; 65; 66; 68; 69]. Как роли, так и мотивы, установки, ориентации социальны по своей природе и выражают потребности общественного организма. В этом смысле структура личности производна от социальной структуры. Сочетание биологических особенностей организма, специфических черт индивидуальной биографии и, наконец, противоречивость ролевой структуры – все это должно учитываться при рассмотрении особенностей формирования мотивационной сферы конкретного человека, совершившего

преступление.

Ряд авторов считает, что социальная ролевая характеристика автотранспортных преступников не имеет существенных различий с несудимыми лицами того же возраста [35, стр. 359]. Однако в мотивационной сфере данной категории лиц имеют место характерные особенности. Отечественные криминологи указывают, что при анализе личностных свойств правонарушителей (в том числе и автотранспортных преступников) возникает вопрос о мотивах поступка, приведшего к нарушению правил безопасности. Результаты криминологических исследований свидетельствуют, о наличии в основе мотивации этого рода различных интересов и потребностей. Наиболее типичными мотивами действий при нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, как мы уже указывали ранее, могут быть: легкомысленное или самонадеянное отношение к использованию автотранспортных средств, стремление произвести необычное впечатление на окружающих (за счет лихачества, нарушения правил и т. д.); эгоистичные тенденции; цинизм и правовая неграмотность, корыстные устремления, когда закон нарушаются с целью получения материальной выгоды [36].

Таким образом, можно заключить что в основе поведенческой активности лиц, совершивших автотранспортные преступления лежат определенные потребности. Потребности – это переживаемая человеком нужда, удовлетворение которой жизненно важно для его существования, сохранения целостности его личности или развития индивидуальности. Человек для своего существования, развития и совершенствования нуждается в активности и средствах для удовлетворения своих потребностей. Потребности человека разнообразны. В настоящее время выделяют материальные потребности (в пище, одежде, жилище, тепле и т. д.) и духовные потребности (в общественной жизни, труде, общении, приобретении знаний).

Любая классификация потребностей условна. Все человеческие потребности социально обусловлены. Потребности являются главным фундаментом, на котором строится вся психическая деятельность человека, его ум, чувства и воля. К потребностям непосредственно примыкает система таких побудительных факторов как убеждения, взгляды, стремления, интересы, идеалы. Эта система, соотнесенная с

потребностями, и становится мотивацией поведения. Мотивации, не исходящей из потребностей, не существует. Вместе с тем потребность, не ставшая мотивацией, вполне возможна, она нередко формируется в организме и психике индивида.

Потребность, прошедшая через систему побудительных факторов и осознанная человеком, становится мотивом поведения. «Мотив - это осознанное побуждение для определенного действия. Он формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых находится, и осознает цель, которая перед ним встает; из отношения к ним и рождается мотив его конкретной содержательности, необходимой для реального жизненного действия» [50; 55; 62].

В целях дифференциации побудительных сил человека следует выделять его осознанные и неосознанные побуждения, то есть мотивы. Это имеет большое значение для оценки изучаемого лица. Осознанные побуждения реализуются после длительного обдумывания. Неосознанные побуждения реализуются автоматически на основе усвоенного личностью прошлого опыта. Такие побуждения представляют собой систему установок. В психологии под установкой понимают психическое состояние человека как субъекта деятельности, определяющее готовность и конкретные особенности его поведения в ответ на воздействия внешней среды. Учитывая особую значимость мотивации при рассмотрении данной проблемы, обратимся к исследованию смысловой интеграции побуждений в условиях социальной действительности.

Тенденция к соответствию мотивации действительности объясняется тем, что человек предпринимает деятельность либо для изменения внешней действительности с целью привести ее в соответствие с мотивационной системой, либо для изменения самой мотивационной системы, чтобы привести ее в соответствие с действительностью. Анализируя отношение мотивации к действительности, ряд зарубежных криминологов [64] обычно ставят акцент только на отрицательных моментах защитных механизмов мотивации по отношению к действительности. Они исходят из того, что человек сознательно или непроизвольно избегает тех областей деятельности, которые вступают или могут вступить в конфликт со сложившейся у него

мотивационной системой, избегая вместе с тем внутренней интегративной работы сознания, самосознания, которая вскрывает уже существующие потенциальные противоречия между мотивацией и реальной сферой жизнедеятельности. Эти механизмы называют защитными силами «я». Из таких фактов «вытеснения» и «подавления» исходил и З. Фрейд в конструировании своей концепции. Проявление «защитных сил», выражющееся в ограничении интегративной работы сознания или сферы жизнедеятельности, действительно имеет отрицательный, регрессивный характер. Однако существует и другая сторона действия этой закономерной тенденции и тех же «защитных сил», состоящая в том, что при выявлении противоречия человек расширяет сферу жизнедеятельности или осуществляет работу по изменению мотивационной системы и тем самым восстанавливает необходимое соответствие [63, стр. 9-16, 57-60].

За различными эмоционально-мотивационными отношениями неизбежно лежат и неодинаковые сферы отражаемых в них объективных отношений человека, т. е. «разные действительности». Люди отличаются друг от друга в поведении лишь постольку, поскольку они отражают качественно разнообразные сферы действительности, т. е. если они видят мир по-разному. Субъективный смысл, который вкладывает человек в поступок, всегда содержит в себе отражение соответствующей сферы действительности [1; 8; 9; 15; 22; 26; 28; 29; 33; 40]. Изменение этого смысла представляет собой не просто спонтанный внутренний субъективный процесс, а изменение взаимоотношения с действительностью, той системы объективных координат, по отношению к которым локализуется содержательный смысл поступка.

В этом плане исключительно важным и острым является вопрос о критерии оценки мотивационной направленности личности. Один из таких критериев – оценка личности по объективному результату ее действий, независимо от субъективных характеристик (побуждений, замысла, смысла, который человек вкладывал в действия), – характеристик, которые могут оказаться и нередко оказываются неадекватными действительности (когда объективный результат не совпадает с намерением). Однако этот, казалось бы, самый надежный критерий эффективен лишь, в конечном счете, при рассмотрении всей совокупности

поступков человека. При оценке же отдельного поступка или их небольшого ряда этот критерий может оказаться неточным. Дело в том, что объективный результат действий человека именно из-за несовпадения его с намерением, побуждением может оказаться случайным, нехарактерным для личности человека и поэтому неадекватным в качестве критерия оценки направленности его мотивации. Более устойчивой характеристикой личности являются не отдельные внешние проявления личности, а непосредственно сами побуждения: намерения, потребности, цели, идеалы. Однако определить их тем более трудно, что и сам человек в ряде случаев не понимает реальную направленность и истинный смысл своих побуждений. Объективный поступок отражает не только внутреннее побуждение, но и внешнюю (и вероятно, случайную) ситуацию, а знание побуждения дает возможность предвидеть если не конкретное содержание, то во всяком случае общую направленность действий личности в некотором множестве ее поступков [61, стр. 20-40; 67, стр. 40-45].

Для принципиального решения вопроса о критерии оценки личности нужно проанализировать соотношение той сферы действительности, которая находит отражение в смысловой, содержательной характеристике побуждения, со сферой действительности, в которой развертываются реальные действия человека. Здесь возможны случаи, когда в мотивации отражается более узкая сфера действительности по сравнению со сферой, в которой развертываются реальные действия человека. В меру этого расхождения мотивация оказывается неадекватной, человек не предвидит всех последствий своих действий, их объективный результат не совпадает с субъективной мотивационной установкой. Такое несовпадение особенно характерно для молодых людей, инфантильных личностей, лиц с интеллектуальной недостаточностью. Однако это несовпадение нередко имеет место и у взрослых, сформировавшихся граждан особенно в плане общественно значимых последствий их действий [41, стр. 200-220].

Адекватность и эффективность отдельного побуждения состоят прежде всего в широте сферы соотнесения этого побуждения с мотивационной системой в целом, а через нее – с реальным практическим взаимоотношением с действительностью. Неадекватность же и

неэффективность мотивации в целом и отдельных побуждений состоят не только в относительной ограниченности, узости сферы реальных взаимоотношений человека с действительностью, но и в ограниченности, узости, недостаточной глубине смыслового отражения в мотивации самой этой действительности.

Недооценка или отрицание содержательной стороны мотивации теснейшим образом связаны с игнорированием роли сознания, интеллекта, воли человека как высшего психического уровня, на котором формируются, контролируются и перестраиваются человеческие побуждения. Игнорирование этой огромной содержательно-смысловой, интеллектуально-волевой работы человеческого сознания проявляется и в отрицании содержательной стороны мотивации, в абсолютизации динамической стороны, а иногда в превращении мотивации поведения в систему слепых энергетических разрядок.

В зависимости от интеллектуальной и эмоциональной глубины, зрелости сложившихся между побуждениями связей, в зависимости от их содержательно-смыслового состава это включение может происходить очень быстро или крайне медленно.

Побуждение в содержательном плане становится неадекватным, иррациональным, когда оно «приспосабливает к себе действительность», не преобразуя, а искажая ее. Отрицательную роль в этом играют не только мощные «предвзятые» мотивационные тенденции, но и низкие интеллектуально-познавательные возможности данного человека. Такого рода факты говорят о возможности неадекватной оценки действительности под влиянием неадекватных мотивационных установок [14; 54].

В одних случаях «желаемое принимается за действительное», в других, наоборот, действительность «искажается» под влиянием, скажем, тревожных состояний, страхов, опасений. Неадекватность здесь состоит в том, что человек, фиксируя внимание на желательном или нежелательном, оказывается целиком во власти этого переживания и становится неспособным к объективному познавательному рассмотрению действительности.

Механизмы «искажения», неадекватного восприятия действительности под влиянием высокозначимых побуждений еще мало исследованы. Одна из важных причин

неадекватности состоит в том, что в состояниях сверхзначимости возникает противоречие между высокой значимостью побуждения и относительно низкими функционально-энергетическими возможностями активного воздействия человека на действительность. Это состояние полного или частичного бессилия человека перед сложившейся обстановкой, неумение объяснить явления природы или воздействовать на них, состояние вынужденного пассивного созерцания и эмоционально напряженного, но бездеятельного переживания является одной из важнейших причин формирования отдельных актов неадекватного поведения.

Как уже отмечалось, мотивация и поведение наиболее адекватны при активно-действенном отношении к действительности, постоянном контакте с действительностью, наличии обратной связи, коррекции действий и самих побуждений, причем реально требующиеся функционально-энергетические затраты служат довольно точным критерием актуальной значимости побуждения.

Это не значит, что потенциальные области мотивации автоматически оказываются иллюзорным, искаженным отражением действительности. Но отсутствие или недостаточность активно-действенного момента создает потенциальную возможность и благоприятствует формированию неадекватных мотивационных, познавательных и других форм отражения действительности [27].

Неадекватность побуждения может состоять и в самой неадекватности его значимости: в чрезмерно высокой значимости или, наоборот, в слишком низкой. Неадекватная значимость лежит в основе формирования низменного, эгоистичного побуждения. Значимость, будучи динамической стороной побуждения, вместе с тем определяет соподчинение, иерархию побуждений того или иного содержания: в зависимости от значимости данное побуждение оказывается ведущим, определяющим или подчиненным, вторичным, что как раз и может оказаться неадекватным в силу неправильного соотношения значимости и важности (объективной важности в отличие от субъективно переживаемой) содержания данного побуждения [37; 53].

В. В. Скляров, исследуя проблему вины и мотивов преступного поведения, пришел к выводу, что содержание побуждения определяется содержанием потребности, выступающей

источником активности человека. Ученый указывает, что, например, в п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве отягчающих обстоятельств указаны корыстные и хулиганские побуждения, свидетельствующие о том, что в основе действий преступника лежат, соответственно, материальные потребности и потребность самоутверждения. Характер же побуждения (его нейтральность, социальная полезность или антисоциальность) полностью зависит от характера ориентирующего мотива, лежащего в основе выбора человеком того или иного типа поведения. Если ориентирующий мотив характеризуется определенной степенью антисоциальности, что внешне выражается в совершении человеком неправомерных или аморальных действий (бездействия), то и побуждение в этом случае также будет антисоциальным [58].

Пониманию мотивации как внутреннего действия по созданию побуждения, в основе которого лежат осознанные потребности, противоречат на первый взгляд такие обычные факты, как импульсивные реакции человека на раздражители из внешней или внутренней среды. Импульсивные действия человека характеризуются малой степенью осознанности, и поэтому при их изучении возникает вопрос: строится ли мотивация таких действий на иных принципах, чем мотивация волевого поведения, или все же возможно объяснение этих случаев с позиции потребностного подхода к формированию побуждения? [2; 14; 34]

Импульсивное поведение человека следует рассматривать как частные случаи общего принципа мотивации поведения, когда часть элементов мотивационного действия «снимается» в силу простоты отношений «среда – организм», когда сигнал из внешней или внутренней среды несет в себе информацию о необходимости поведения, его направленности, возможности успеха, времени его начала и т. д. Отсюда и происходит деление мотивации преступлений на ситуативную и преднамеренную. Ситуативная мотивация в значительной мере определяется конкретной ситуацией и психическим состоянием субъекта. Ситуация в этих случаях обычно носит экстремальный характер, а психическое состояние лица характеризуется высокой степенью отрицательной эмоциональности. Актуализация потребности и ее удовлетворение могут сливаться во времени. Ситуативная мотивация

характеризуется скоротечностью и свернутостью во времени. Стадии мотивации как бы «смазываются». В этих условиях мотивация кажется сведенной к действию внешнего раздражителя, автоматически вызывающего ответную реакцию субъекта. Но при повторе аналогичной ситуации, например при оборонительном поведении, происходит опережение реальных событий среды (условный рефлекс) или прекращение реакции, если угроза невелика. Это говорит о том, что личностные условия мотивации здесь представлены в достаточной степени в виде стереотипов поведения, привычек, навыков, опыта, выработка которых происходит под контролем сознания. Напротив, преднамеренная мотивация всегда глубоко осмыслена, все ее элементы осознаются субъектом в полной мере.

По мнению С.В. Склярова, актуальным остается вопрос о характере мотивации при совершении неосторожных преступлений. Представляется, что любое преступление, в том числе и неосторожное, представляет собой осознанный (или, во всяком случае, в определенной степени осознанный) волевой акт. Поэтому при совершении неосторожного преступления, как и умышленного, у человека присутствует побуждение к конкретному действию, сформировавшееся в процессе мотивации. Субъективными причинами поведения лица в этом случае также выступают целевые, ориентирующие и технические мотивы. Разница между мотивацией умышленного и мотивацией неосторожного преступления заключается в том, что при неосторожных преступлениях конкретизированная общая цель включает в себя либо нейтральные, либо социально полезные возможные последствия поведения. Но и в этом случае ориентирующий мотив будет иметь некоторую степень антисоциальности, так как выбранные человеком на его основе пути достижения цели будут предусматривать совершение не обязательно уголовно-противоправных действий, но в любом случае – действий, нарушающих определенные правила поведения (правовые или нравственные), например, совершение действий, нарушающих правила дорожного движения, служебные обязанности, правила обращения с определенной техникой или правила поведения общения с другими людьми и т. д. [58, стр. 84-101]

При совершении неосторожного преступления человек всегда в какой-то мере сознает, что его поведение потенциально создает возможность наступления вредных последствий, при принятии им решения действовать и при прогнозировании результатов своих действий. Иначе будет отсутствовать психическое отношение лица к последствиям своего поведения, т. е. субъективное основание его привлечения к уголовной ответственности за содеянное.

Автотранспортные преступления в ряде случаев характеризуются «двойной» мотивацией (или автономной), особенно наглядно это просматривается при совершении лицом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). При совершении таких преступлений поведение человека внешне выглядит как единый акт: нарушение правил дорожного движения и в итоге наезд на пешехода. Однако на самом деле поведение водителя можно разделить на два различных по своему характеру и мотивации действия. Например, человек желает не опоздать на работу (целевой мотив), ради этого он превышает скорость, таким образом, избирая в соответствии со своими ценностными ориентациями неправомерный тип поведения, направленный на удовлетворение данной потребности (ориентирующий мотив). Превышает скорость, а не едет по более короткой дороге, так как считает данный способ единственным возможным в сложившейся ситуации, поскольку, допустим, более короткий путь закрыт из-за ремонта дороги (технический мотив). Действия лица в данном случае направлены на достижение нейтрального, даже можно сказать общественно полезного, результата – вовремя приехать на

работу. Но когда поведением водителя создается аварийная ситуация, то он начинает действовать с целью предотвращения возможных вредных последствий (тормозит, пытается объехать неожиданное препятствие и т. д.). В основе таких действий водителя будет лежать побуждение, сформированное на основе потребности, например, самосохранения [18; 56].

Таким образом, последующие действия лица также будут мотивированы. Но если первая мотивация была относительно растянута во времени, полностью осознана человеком, то вторая – характеризуется свернутостью, скоротечностью. Человек в сложившейся обстановке должен немедленно принять решение и действовать. «Двойная» мотивация присуща не всем неосторожным преступлениям, а только тем, при совершении которых лицо своими действиями, противоправными или аморальными, но не уголовно наказуемыми, создает экстремальную ситуацию и пытается предотвратить наступление возможных опасных последствий.

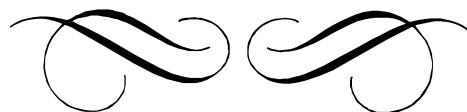
Существенную роль в механизме индивидуального преступного поведения играют особенности формирования у конкретного человека различных мотивов под влиянием внешней среды. В основе мотивов совершения автотранспортных преступлений лежат сложные взаимодействия субъективных и объективных причин, что позволяет выделить две группы мотивационных тенденций – нейтральной и антисоциальной. Под целевыми мотивами следует понимать осознанные потребности, выступающие в качестве первоисточника поведения человека. Примитивные, низменные, деформированные потребности на фоне низкого уровня правосознания являются фактором риска в плане возникновения различных девиантных тенденций криминальной активности.

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
2. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. – М., 1979.
3. Асмолов А.Г., Ковалчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М., 1999.
4. Асмолов А. Г. Психология личности. – М., 1990.
5. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-на-Дону, 2004.
6. Барахоева А.Р. К вопросу о соотношении правовых и моральных установок личности // Вестник Поморского

- ун-та. – 2008. – №7.
7. Барахоева А. Р. Правовые установки личности// Вестник Поморского ун-та. – 2009. – №8.
 8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
 9. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
 10. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – М., 2010.
 11. Бобнева М.И. Социальные нормы и мотив поведения. – М., 1978.
 12. Бондарев А.А. Проблемы реализации правовых установок сотрудников ГИБДД в сфере обеспечения законности и правопорядка. – Орел, 2010.
 13. Васильев В. Л. Юридическая психология. – СПб., 2003.
 14. Вильонас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990.
 15. Витаны И. Общество, культура, социология. – М., 1984.
 16. Гречесов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
 17. Григолава В.В. Контраст, иллюзия, установка и бессознательное. – Тбилиси, 1987.
 18. Джекибаев У.С., Рахимов Т.Г., Судакова Р.Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность. – Алма-Ата, 1987.
 19. Дриль Д.А. Преступность и преступники: Уголовно-психологические этюды. – СПб., 1985.
 20. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1982.
 21. Дэвис Дж. Социология установки // Американская социология: Перспектива, проблемы, методы. – М., 1968.
 22. Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Правовая реальность и юридическое прогнозирование // Журнал российского права. – 2009. – №12.
 23. Ефремова Г.Х., Зудин В.В., Ратинов А.Р. Опыт изучения правовых установок и ориентаций преступников // Психология изучения личности преступника. Методы исследования. – М., 1976.
 24. Ефремова Г.Х. Правовые установки и ориентации молодых правонарушителей // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1974.
 25. Казимирук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
 26. Карпов А.В., Савин И.Г. Психологический анализ деятельности. – Ярославль, 2005.
 27. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления. – Ярославль, 2010.
 28. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль, 1992.
 29. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
 30. Касьянова Е. И. Роль установок и стереотипов сознания в формировании толерантного поведения // Современные гуманитарные исследования. – М., 2006. – №4.
 31. Кваша А.А. Правовые установки граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.
 32. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. – Казань, 2006.
 33. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М., 1980.
 34. Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1986.
 35. Криминология. Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Н. Миньковского. – М.: Юрид. лит., 1988.
 36. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.
 37. Круазье Д. Мотивация и агрессия // Актуальные проблемы экспериментальной психологии. – М., 1982.
 38. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. – М., 1978.
 39. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
 40. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1972.
 41. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.
 42. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2009.
 43. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1981.
 44. Мехтиханова Л.В. Факторы формирования правовой установки // Современные проблемы государства и права. Вып. 2. – Н. Новгород, 2003.
 45. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси, 1974.
 46. Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. – Тбилиси, 1987.
 47. Нурпесиков Е. К. Психология правомерного поведения. – Алма-Ата, 1984.
 48. Пискарев Д.П. Социально-психологические стереотипы противоправного поведения молодежи. – М.; Кострома, 1999.

-
49. Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси, 1967.
50. Психология / Под ред. П.А. Рудика. – М., 1974.
51. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
52. Психологический механизм юридической деятельности (Личностный аспект) / Под общ. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010.
53. Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология. – М., 1970.
54. Ратинов А.Р. Психология личности преступника: ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования. – М., 1979.
55. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1950.
56. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М., 1961.
57. Семитко А.П. Понятие и структура правовой установки, ее роль в правовом поведении // Проблемы реализации права. – Свердловск, 1990.
58. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
59. Скомпска Г. Типология отношений к праву. – Krakow, 1975.
60. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М., 2002.
61. Тарапухин С.А. Установление мотива и квалификация преступлений. – Киев, 1977.
62. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966.
63. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. – М.: Педагогика, 1989.
64. Фокс В. Введение в криминологию. – М.: Прогресс, 1985.
65. Чавчавадзе Н.Н. Социальное подкрепление как один из факторов формирования установки. – Тбилиси, 1987.
66. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. – М., 2010.
67. Шадриков В.Д. Психологический анализ деятельности. – М., 1979.
68. Щербакова Н.В. Правовая установка и социальная активность личности. – М., 1986.
69. Щербакова Н. В. Проблемы правовой установки личности. – Ярославль, 1993.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПОЗНАНИЕ ПРАВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматриваются особенности познания права с точки зрения социологического подхода понимания правовых норм. Выделяя конкретное направление деятельности, связанное с правопониманием, авторы путем комплексного анализа в социологическом аспекте права рассматривают возможные пути повышения эффективности понимания и осознания правовых норм субъектами правоотношений.

Ключевые слова: правоотношения; понимание права; познание права; социология права.

**ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
RETUNSKAYA T.P.
REUF V.M.**

COGNITION OF LAW: SOCIOLOGICAL APPROACH

The summary. The article deals with the peculiarities of cognition of law from the viewpoint of sociological approach to understanding of legal norms. Distinguishing the specific area of activities associated with law comprehension the authors through a comprehensive analysis in the sociological aspect of law consider possible ways of increasing the efficiency of understanding and awareness of legal norms by subjects of legal relations.

Key words: legal relations; law comprehension; cognition of law; sociology of law.

Общественные отношения и социальные институты задают существующим правоотношениям и деятельности правосознания содержательно-смысловую направленность. Исходя из социологического подхода, право предстает не как самостоятельный и самоценный феномен, а как составная и подчиненная в определенной степени часть социальной системы, наделенная функциями, которые необходимы для обслуживания данной системы [1;2; 3; 4; 7; 11; 12; 18; 36; 42; 43; 47; 49; 50; 51; 52; 64]. Учитывая это, правовые отношения рассматриваются как одна из форм общественных отношений, а человек берется как индивид, находящийся под влиянием надличных соционормативных структур. Такой подход позволяет в максимальной степени учитывать существующие социальные воздействия на право [13, стр. 54; 14, стр. 154; 54, стр. 75].

Социологическая методология уместна при исследованиях в области положительного права [5; 17; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 27; 29; 32; 35; 38; 48]. Человек как субъект права предстает в качестве продукта и представителя определенных социальных общностей, конкретно-исторических систем общественных отношений, а его сущность является реальностью, определяемой разнообразием общественных отношений. С точки зрения социологического подхода, главным в человеке являются морально-правовые свойства и качества, которые смогли в нем развиться благодаря активным усилиям общества. Степень же социализированности индивида, определяется мерой соответствия его личных качеств формам должного, которые узаконены данной общностью и подкреплены ее властными усилиями.

В различных модификациях социологической методологии содержится презумпция приоритета целого над частью, социума над индивидом, а право предстает в виде социорегулятивного механизма, функционально ориентированного на обнаружение и погашение очагов социального возмущения частей против целого на ранних этапах их возникновения, когда они еще не способны нанести непоправимого урона общественной системе [26, стр. 24; 47, стр. 75].

Одной из форм социологической методологии является биографический метод. Данный метод представляет собой способ изучения личных документов с целью сбора необходимой информации как психологического-социологического, так и формально-правового характера, что позволяет

формулировать гипотезы и находить доказательства относительно особенностей отношения конкретной личности к социально-правовым явлениям и процессам, строить предположения об уровне развитости и характере направленности ее правосознания [6; 8; 9; 10; 15; 16; 21; 28; 33; 39; 41; 44; 46; 53; 55; 61; 62; 63].

Активное использование биографического метода в социальных исследованиях началось в первые десятилетия XX в. и связано с выходом в свет работ У. Хили «Преступник» [60], «Душевные конфликты и неправильное поведение» [59]. Значительное влияние оказали биографические исследования З. Фрейда, в том числе его работа «Достоевский и отцеубийство» [58]. Западные исследователи Ф. Знанецкий [30], Ч. Кули [34] и др. обращались при построении своих теоретических гипотез к изучению личных документов, писем, дневников интересующих их людей, чтобы приобрести достоверные сведения об их внутренней жизни и мотивах социального поведения. Анализируя семейные отношения, наследственность и преемственность, действия в переломных жизненных ситуациях, взаимосвязь с окружающими открывали не только сознательные мотивации, но и бессознательные, сказавшиеся на особенностях законопослушного и противоправного поведения индивидов. Эмпирические данные биографического характера позволяли реконструировать механизмы воздействий социальных общностей на морально-правовое сознание индивидов, оказавшихся в экстраординарных условиях ситуаций совершения преступлений.

Социологическая теория представляет собой разнообразие методов, позволяющих исследовать социальную реальность в различных аспектах. Весь объем методологии складывается из специального теоретического инструментария в виде общих и частных методик, предназначенных для решения определенных познавательных задач, что позволяет практиковать социологический подход к анализу социальных явлений и фактов.

Своеобразие социологического метода заключается в следующих свойствах общесоциологического метода:

- взгляд на каждый социальный феномен как на реалию, прочно связанную разнообразными зависимостями с окружающим ее социальным контекстом;
- опора на принцип социального детерминизма,

предполагающего поиск причин всех исследуемых явлений и процессов в пределах социальной реальности.

Общесоциологический метод прошел два важных этапа развития. Первый – это его развитие в контексте философской (метафизической) теории. Данный период, с некоторой степенью условности, можно назвать периодом предыстории социологии. В это время социология еще не осознавала себя, не имела собственного самосознания, не стремилась обособиться от других направлений теоретического познания. Социология была «предсоциологией». Данный этап охватил весь период развития классической культуры от ее зарождения до середины XIX в.

Второй этап связан с отделением социологического метода от философских подходов к социальной реальности, с превращением его в самостоятельный инструмент познания. Это отделение происходило на протяжении почти полутора столетий, вплоть до последней трети XX в. Внутри данного периода обнаружили три фазы: ранний модерн (протомодерн), зрелый модерн и поздний модерн, переживающий процессы трансформации в новое состояние, может быть постмодерн.

Классическая метафизическая социология.

Необходимо вернуться к первому периоду. В рамках классической традиции, берущей свое начало от Платона, социология и метафизика как методы познания существовали в неразрывном единстве. Социологическая мысль была погружена в исследование только земной социальной действительности.

Метафизику же волновали тайны предельно высокого порядка, представлялось, что люди в их земной суете не предоставлены самим себе, что должны существовать некие высшие, сверхфизические (метафизические) первоначала и первопричины, которым подчинены социальная реальность и социальное бытие государств, народов, индивидов. В метафизике доминирует не рациональное, а интуитивное мироотношение. Она не позволяет забывать о том, что у человека есть, кроме способностей к рациональному миропониманию, еще и внерациональная способность, позволяющая постигать высшие смыслы социальных реалий и усматривать их связи с запредельными первоначалами бытия – это метафизическая интуиция. Для того, чтобы она могла обнаружить свои познавательные

возможности в социологических изысканиях, социологическому сознанию необходимо принять для себя ряд следующих аксиом:

- метафизическая реальность существует;
- метафизический мир представляет собой единое, всеобщее, совокупное, отцовско-материнское первоединство, по отношению к которому земная жизнь людей выступает как одно из его частных проявлений;
- в каждом фрагменте социальной жизни присутствуют метафизические начала.

Кто обладает метафизической интуицией, убежден, что все сущее живет и движется не только в пределах наблюдаемых, эмпирически фиксируемых проявлений. У социальных реалий имеется другая, ненаблюданная тайная, скрытая от рассудка и разума жизнь. Эти реалии многомерны, бесконечно содержательны и уходят своими причинными корнями в сверкаузальный мир. Метафизическая интуиция способна проникать гораздо глубже и прозревать несравненно дальше, чем рационалистических подход рассудочной социологии, не замечающей души социума, а имеющей дело лишь с «телом». В отличие от теоретического рассудка, идущего на сознательный разрыв с мифологией, мистикой, религией, метафизическая интуиция никогда не теряет с ними связей. Если язык социологического рассудка стремится обнажать скрытые смыслы, то язык метафизической интуиции предполагает присутствие подтекстов, до конца не поддающихся словесному выражению. В отличие от социологического разума, который сознает свою ограниченность и не посягает на непостижимое, метафизическая интуиция находит возможности помыслить немыслимое.

На протяжении всей классической культуры социологическая и метафизическая мысль не разводили между собой мостов. Они сосуществовали вместе и двигались в одном направлении, имели перед собой общие познавательные задачи – причинное объяснение социальной жизни людей. Пока можно было объяснить социальные события и процессы действием социальных обстоятельств, социологическая мысль спокойно трудилась над выстраиванием необходимых объяснений. Но как только обнаруживалось, что причинная цепь длиннее, чем она кажется, что она не вмещается в рамки очевидного социального пространства и уходит куда-то за пределы социальной реальности,

на помощь приходила метафизика с ее собственным инструментарием из соответствующих понятий и принципов (Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Спиноза, Гоббс, Локк, Кант, Гегель и др.). Социология была неотрывна от метафизики и была метафизической социологией.

Постклассическая позитивная социология эпохи модерна. На протяжении Нового времени с наступлением просветительского рационализма, атеизма и материализма, стало происходить раздвоение единого познавательного метода на два самостоятельных. В XIX в. французский мыслитель О. Конт предпринимает решительную попытку рассечь это единое целое надвое и освободить социологию от влияния метафизики. В связи с чем возникает современная социология, отмеченная печатью позитивизма с его принципиальным безразличием к метафизической реальности, ориентированностью на исключительно положительные (позитивные) знания о социуме и пренебрежительным отношением к метафизическим предпосылкам и первопричинам общественных явлений и процессов.

Каждая социальная структура предстает не как самостоятельный и самоценный феномен, а как составная и подчиненная часть социальной системы, наделенная функциями, необходимыми для обслуживания этой системы. При этом человек берется только как индивид, находящийся под влиянием надличных соционормативных систем и окружающей его социальной среды, как подчиненный, служебный элемент социальной системы.

С позиций позитивного подхода главным в человеке являются те духовно-практические свойства и качества, которые смогли в нем развиться благодаря активным усилиям общества, его институтов, ближайшего социального окружения и воспитательно-образовательной системы [56, стр. 165].

Ограниченностю позитивной социологии в исследованиях жизненных реалий оказалась обусловлена самой природой усеченного социологического метода, который воспринимал общество как замкнутую на себе, самодостаточную систему, содержащую в себе свои причины и основания.

Позитивная социология имеет две существенные особенности:

- не претендует на что-то большее, чем иметь дело только с конечными, преходящими, относительными, социальными феноменами, пребывающими в конкретном временном пространстве;
- делает ставку на способность человеческого рассудка к расчленению социальной реальности на элементы, фрагменты, уровни и к последующим умозаключениям на основе имеющихся эмпирических констатаций и разных по продолжительности наблюдений. Позитивный социологический метод, двигаясь в социальной плоскости проявил свою ограниченность. Логика социологов-позитивистов выглядела приблизительно так: определенные социальные причины ведут к появлению тех или иных социальных фактов, которые порождают новые группы социальных следствий (фактов); факты становятся причинами новых социальных обстоятельств. Социологическая теория не обеспечивала ожидаемого обществом прироста новых знаний.

Социологическая мысль оказалась пленена самой социальностью. Индустриальный социум готов был со всей степенью присущей ему агрессивности безраздельно подчинить социологическую мысль своим прагматическим – экономическим, политическим – нуждам. За социологической теорией начал закрепляться «имидж» рассудочной, прагматичной дисциплины. Западное сознание, склонное к рассудочности и прагматизму, достаточно спокойно воспринимало подобный образ молодой науки. В отечественной культуре отношение к ней не было однозначным. Периоды пристрастной заинтересованности чередовались с периодами охлаждений и разочарований. Конец XIX века ознаменовался явлением в интеллектуальной жизни России: недавнее широкое увлечение социологическими теориями стало сменяться интересом к метафизическим проблемам. Социологи-позитивисты превращались в идеалистов-метафизиков. Начало XX столетия, Серебряный век стал эпохой, когда мыслители в своих исследованиях социальных проблем погрузились преимущественно в метафизические изыскания.

Если говорить о России, в течение последующих семи десятилетий советского периода, интеллектуальная жизнь обществоведов проходила в основном под сенью социологического

позитивизма в его упрощенной марксистской редакции. Обычным результатом ее познавательных усилий были до предела упрощенные модели социальных реалий, деформированные накладывавшимися на них официальными коммунистическими идеологиями. Когда советская социология обращала свой взор на духовные формы социального бытия, связанные с нравственностью, религией, искусством, последние тут же включались в причинно-следственные цепи типовых социальных детерминант, где каждому факту отводилось место на одной общей линии причин и следствий. Вырваться за пределы охваченной ею социальной среды не было никакой возможности.

Постмодерн.

В условиях постиндустриального общества, на исходе XX в. у социологии появилась возможность активизировать свои метафизические устремления и превратиться из бездуховной позитивистской социологии в метафизическую социологию. Это объясняется:

- возникновением возможности восстановить прерванную связь времен и сказать то, что не высказали отечественные социальные мыслители Серебряного века;
- приход эпохи постмодерна, смысл которой вписывается в библейскую мифологему. Социологический метод «ощутил» необходимость в возврате в дом классических традиций;
- социологический метод в его позитивистской редакции обнаружил собственную самодостаточность, успев практически полностью выработать все свои познавательные ресурсы.

В данный момент, когда для социологов становится очевидным неудовлетворительное качество получаемой социологической информации, интерес социологов перемещается от позитивистских ориентиров в сторону метафизики. Так возникает новая социокультурная ситуация. Начинается восстановление прерванных модернизмом связей с классическими традициями метафизического мировосприятия.

Русский правовед И.А. Покровский высказывает в начале XX века мысль о том, что «общественная потребность в метафизическом постижении природы социальных явлений и, в частности, права наиболее явственно обнаруживается и заметно возрастает в

переходные эпохи серьезных законодательных преобразований» [45, стр. 5.].

История социального познания убеждает в том, что отношения между социологией и метафизикой складывались не по принципу взаимо-дополняемости их методологий, а в соответствии с логикой их попеременных вытеснений. Социологическая наука то преисполнялась самоуверенностью и самодостаточностью, то начинала испытывать потребность в дополнительной философской, метафизической проработке своих оснований. Социология имела периодически обострявшиеся вопросы, связанные не только с качеством получаемых знаний, но и с метанаучными проблемами собственного общественного предназначения.

В 1920 году П.А. Сорокин отмечал, что из-за недостаточной развитости социологии человечество «до сих пор бессильно в борьбе с социальными бедствиями и не умеет утилизовать социально-психическую энергию, высшую из всех видов энергии. Мы не способны глупого делать умным, преступника – честным, безвольного-волевым существом. Часто мы не знаем, где «добро», где «зло», а если и знаем, то сплошь и рядом не способны бороться с «искушением» [57, стр. 42.].

Ф.М. Достоевский писал в романе «Преступление и наказание»: «У нас есть, дескать, факты! Да ведь факты не все, по крайней мере, половина дела в том, как с фактами обращаться умеешь!».

На первый взгляд может показаться, что метафизика бесполезна при решении жизненных и познавательных задач. Как заметил в начале XX в. французский философ Ж. Маритэн, метафизика открывает человеку подлинные ценности, помогает прочно стоять на земле, «поддерживает справедливый порядок в мире своего познания, обеспечивает естественные границы, гармонию и соподчинение различных наук. И это гораздо необходимее человеческому существу, чем самые роскошные цветы математики феноменов [40, стр. 69].

Ибо, какой смысл завоевать мир, но потерять истинную направленность разума». Метафизика стремится убедить социологический рассудок в существовании вечного и абсолютного. Выглядит же это как доказательства того, что в социальных фактах всегда присутствует нечто, выходящее за их пределы, за пределы рассудочного понимания.

Метафизика побуждает социологов, исследующих социальные факты, воспринимать, что в этих фактах всегда обнаруживается нечто, выходящее за пределы человеческого понимания.

Если позитивная социология раннего и зрелого модерна (Конт, Спенсер, Дюркгейм, их последователи) отмежевалась от метафизики, то социология постмодерна начала снова к ней приближаться. Стало очевидным наличие таких рубежей в понимании социальных реалий, на которые позитивистская социология никогда не сможет выдвинуться в силу своей отгороженности от сферы метафизических нормативно-ценостных абсолютов.

К концу XX в. стала появляться новая тенденция: различные отрасли культуры стали сближаться [13, стр. 143]. В социологии данная тенденция выглядит, как стремление вновь воссоединить социологию с метафизикой. На сегодняшний день нет признаков взаимной несовместимости. При переводе социологической тематики на метафизический уровень у каждой поставленной проблемы появляется возможность обрести дополнительную полноту освещения и глубину проработки. Социологическая информация благодаря метафизической транскрипции и метафизическому контексту обретает универсальный и глубоко личностный характер. Социальные факты, существовавшие сами по себе, оказываются включены в личную картину мира, а знание о человеке становится знанием о себе и своем «я». Приближение социологического сознания к полю их смыслов означает, что

имевшиеся знания об отдельных социальных фактах накладываются на шкалу ценностных абсолютов. В результате сами факты обретают дополнительный – метасоциологический смысл.

Социологическому сознанию не обязательно стремиться прикоснуться своим инструментарием к метафизическим сущностям, но, как человеку невозможно жить, забыв о высших первоначалах мирового бытия, так и социологии невозможно существовать, откристившись от метафизического мира. Для социологии приемлемее путь не плоского схематизма, а признания таинственности того, что происходит в глубинах социальной жизни.

Социологическая теория не может успешно исследовать такие острые социальные проблемы, как падение нравов, динамика преступлений и самоубийств, распространение наркомании и пьянства, если она равнодушна к сверхфизическим основаниям человеческого бытия. Социологической теории необходимы оба метода постижения социальной реальности: социологический и метафизический.

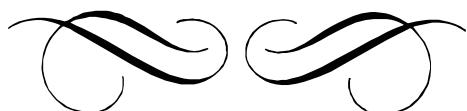
Современный французский мыслитель Ж.-Ф. Лиотар писал, что «творческая научная способность не может существовать без спекулятивного, то есть метафизического духа» [37, стр. 84]. Только метафизическая социология в отличие от социологии позитивистской способна воспринимать высшие ориентиры и обнаруживать все те четыре типа причин социальных явлений, которые были выявлены еще Аристотелем: формообразующие, материальные, деятельные и целевые.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001.
2. Алексеев С.С. Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимы. – Екатеринбург, 2001.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
4. Алексеев С.С. Тайна права: его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
5. Американская социология: перспектива, проблемы, методы. – М., 1968.
6. Андреев А.А., Андреева О.А. Право и правосознание в единстве и развитии // Философия права. – 2005. – №3.
7. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 43-49.
8. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Правовое сознание и правовое поведение: анализ причинной взаимосвязи // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 116-120.
9. Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Правоведение. – 2004. – №7.
10. Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. – 2001. – №5.
11. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4-16.
12. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.

13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
14. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
15. Баширов Т.А. Российское правосознание: социально-философские аспекты становления и развития. – Уфа, 2007.
16. Бегин В.И. Общественное правосознание и государственность. – Саратов, 1993.
17. Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теория, традиции, перспективы. – СПб., 1992.
18. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
19. Витаны И. Общество, культура, социология. – М., 1984.
20. Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. – Ростов-на-Дону, 1999.
21. Вопленко Н.Н. Правосознание юриста и проблема его деформаций // Вопросы теории государства и права: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Саратов, 2001.
22. Галактионов А.А. Русская социология XI – XX веков. – СПб., 2002.
23. Горовцев А.М. Некоторые основные вопросы учения о праве. – Прага, 1916.
24. Гречев Ю.И. Основы теории и социологии права. – СПб., 1996.
25. Гречев Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
26. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
27. Добреньков В.И. Кравченко А.Н. Социология. Социальные институты и процессы. – М., 2000.
28. Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Проблемы социологии права. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чипас. – Вильнюс, 1970.
29. Зборовский Г.Е. История социологии. Классический и современный этапы. – Екатеринбург, 2003.
30. Знанецкий Ф. Современные люди и цивилизация будущего. – Варшава, 1934.
31. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
32. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
33. Клименко И.А. Изучение форм проявления правосознания и критерии оценки его сформированности // Человек в социальном мире. – 2001. – №2.
34. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Перевод. – М.: Идея-Пресс, 2000.
35. Лапаева В.В. Социология права. – М.: ИНФРА-М, 2000.
36. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
37. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерма. – СПб., 1998.
38. Лопаева В.В. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. – 1992. – №7.
39. Малахов В.П.Правосознание: природа, содержание, логика. – М., 2001.
40. Маритэн Ж. Метафизика и мистика. – Париж, 1926.
41. Микутенко О.Н. Правосознание: сущность явления, явление сущности // Право и образование. – 2002. – №3.
42. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
43. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
44. Олейников В.С. Генезис правосознания личности (философско-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – №2.
45. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. – СПб., 1913.
46. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. – Киев: Наукова думка, 1970.
47. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
48. Припечкин В.В. История формирования социологического подхода к праву // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 121-131.
49. Радъко Т.Н. Методические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
50. Радъко Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград, 1970.
51. Радъко Т.Н. Социальные функции советского права. – Волгоград, 1971.
52. Радъко Т.Н., Толстик В.А. Функции права. – Н. Новгород, 1995.
53. Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чипас. – Вильнюс, 1970.
54. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
55. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В., Ильичев В.В. Онтологическо-правовые основания гражданского

- сознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 7-13.
56. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
57. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. – Прага, 1920.
58. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство (1928) // З. Фрейд. Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995.
59. Хили У. Душевные конфликты и неправильное поведение. – Бостон, 1917.
60. Хили У. Преступник. – Бостон, 1915.
61. Шаповалов И.А. Право и правосознание: проблема системного единства // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2004. – №2.
62. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981.
63. Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. – 2005. – №7.
64. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1986.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор Псковского юридической института
ФСИН России,
доктор юридических наук
E-mail: SergeyIZ@rm.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПРЕДМЕТА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных точек зрения на предмет философии права. В работе проанализированы различные подходы к философии права, на основании чего предложено авторское определение предмета указанной научной дисциплины.

Ключевые слова: философия; право; философия права.

ZAKHARTZEV S.I.

PHILOSOPHY OF LAW: SOME COGITATIONS CONCERNING THE SUBJECT MATTER

The summary. The article is concerned with consideration of various points of view on the subject matter of philosophy of law. Different approaches to philosophy of law are analyzed in the paper on the basis of which the author's definition of the subject matter for the specified science discipline is proposed.

Key words: philosophy; law; philosophy of law.

По вопросу о том, что такое философия права и какой его предмет, ученые к единому мнению не пришли. Предлагаются весьма разные подходы.

Так С.С. Алексеев считает, что философия права – это наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии. По его мнению, философия права предстает как научная дисциплина, которая призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей [2, стр. 2]. Как пишет автор, решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень» – мировоззренческое понимание права, постижение смысла права, выраженных в нем ценностей [1, стр. 395]. В какой-то степени о том же сказал Ю.В. Тихонравов, давший предмету философии права очень короткое определение – учение о смысле права [11, стр. 46].

Ю.Г. Ершов полагает, что философия права следует рассматривать как науку о познавательных и социальных основах права [4, стр. 9-10]. В.С. Нерсесянц предоставил несколько иное определение: предмет философии права – это право как сущность и право как явление в их различии, соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве. Этот же предмет ученый далее выразил чуть иначе – право и закон в их различии, соотношении и искомом единстве [9, стр. 2].

В.П. Малахов пишет о том, что предметом философии права является его сущность [8, стр. 28]. Хотя в более развернутом определении, данном в этой же работе, он определяет философию права несколько по иному: философия права – совокупность базовых методологических допущений, которые только и делают возможным понимание права, содержательное саморазвер-

тывание правосознания, непосредственное становление и воспроизведение правовой жизни [8, стр. 10].

Такой разброс суждений открывает перед исследователями возможность поучаствовать в дискуссии и высказать свои идеи по данной проблеме.

Философия права вышла, как известно, из недр философии. В научной литературе популярна цитата Гегеля о том, что наука о праве – это часть философии. Поэтому она должна развить из понятия идею, представляющую разум предмета, или, что то же самое, наблюдать собственное имманентное развитие самого предмета. Предмет этой дисциплины Гегель представлял так: философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление [3, стр. 55, 57-58].

Правоведы России начали активно разрабатывать философию права в конце XIX века. Но и тогда, в силу как объективных, так и субъективных причин, единого либо устрашающего всех мнения о предмете данной науки достигнуто не было. Кроме того, изучение философии права, как писал Г.Ф. Шершеневич, сопровождалось разобщением между философами и юристами. Философия права разрабатывалась учеными, преимущественно причастными к юриспруденции. То есть, юристы изучали право в его фактическом состоянии, не задаваясь мыслью о том, каким оно может или должно быть, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы. Комментируя это разобщение, В.Г. Шершеневич с юмором отмечал, что философы не желают сходить с неба на землю, а юристы не хотят поднять своих глаз от земли [12, стр. 15-16].

В конечном счете сложившаяся обстановка предопределила то, что философия права стала главным образом изучаться в рамках юриспруденции, а не философии. Это не могло не сказаться и на определении предмета философии права. Так, говоря о праве как естественной данности человеку, мериле свободы и справедливости и т.д., подчас уходила на второй план составляющая предмета – философия. При этом, тем не менее, все исследователи отмечали методологическое значение философии для юриспруденции. А ведь в этом, собственно, таится одна из главных жил, связывающих философию и

право. Отсюда логично предположить, что если философия права, находясь на стыке названных областей знаний и являясь по предназначению и названию своеобразным философским осмыслением права, то именно она должна быть методологической базой для всех юридических наук. В этом видится основное значение философии права.

Такое понимание четко определяет место философии права в системе научных знаний. Как отметил Д.А. Керимов, благодаря тому, что общая теория права и государства является обобщающей наукой в системе юридических наук, она и приобретает через философию права методологическое значение в этой системе. Именно философия права, используя прежде всего всеобщие диалектические методы в их приспособленном для познания правовых и государственных явлений и процессов виде, обеспечивает методологическое единство отраслевых юридических наук [6, стр. 22].

Изложенное раскрывает и гносеологическое значение философии права – гносеологическое обслуживание как отраслевых юридических наук, так и общей теории права. Философия права в этом смысле представляет собой совокупность знаний о принципах познания правовой действительности. Такие знания были почерпнуты философией права как из недр философии, так и из собственно юридических наук, а также выработаны ей самой. Аккумулируя в себе познавательные достижения и возможности всех юридических наук, философия права обогащает исследовательский потенциал каждой из них, придает импульс их развитию. То есть, обобщил Д.А. Керимов, интегративные качества философия права обретает благодаря тому, что ее ядром является философия – единство диалектики, гносеологии и логики [5, стр. 73].

Именно философская составляющая, как думается, стала несколько и неоправданно уменьшаться при определении искомого предмета данной дисциплины. Философия права не просто занимается познанием смысла права – этим в той или иной степени занимаются все правовые науки, – она методологически, гносеологически и логически обслуживает юридические науки, «толкая» их вперед к дальнейшему познанию. Философия права, образно говоря, выступает представителем философии в юридических науках, следит и оценивает соответствие развития юридических наук философским основам,

науковедению. Ее научное предназначение, миссия – быть ядром, центром философских знаний в системе правовых дисциплин. Образованная интеграцией знаний философии и права, она важна как способ познания бытия через право и права через бытие. Поэтому философия права закрепилась в правовых науках, откуда «черпает» и «производит» знания.

В связи с изложенным, нам ближе определение предмета философии права, предложенное Д.А. Керимовым. Философия права, по его мнению, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук [5, стр. 83].

Это определение, во-первых, нам представляется более рельефным, достаточно четко выделяющее особенности предмета философии права. Во-вторых, это понятие связано с передачей именно философского смысла права, что как раз и важно в контексте названия и содержания исследуемой науки. Предложенное Д.А. Керимовым определение предлагает пофилософствовать о праве, рассмотреть этот феномен на стыке философии и права. В других подходах звучание философии так четко, как у Д.А. Керимова, не отражено.

Не бесспорное суждение высказал В.С. Нерсесянц. Вначале он говорит, что в научном профиле и дисциплинарной принадлежности философия права имеет несколько аспектов. Если речь идет о философии права в целом, то очевидно, что мы имеем дело с междисциплинарной наукой, объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин – юридической науки и философии. Так, что этот междисциплинарный компонент является общим для всех версий философии права, независимо от того, разработаны ли они как отдельная юридическая или философская наука [9, стр. 17].

С тезисом В.С. Нерсесянца о том, что философия права является междисциплинарной наукой следует согласиться*. Однако далее В.С. Нерсесянц пишет: «Когда же встает вопрос о дисциплинарной принадлежности к юриспруденции или философии тех или иных конкретных вариантов философии права, то по существу речь идет о концептуальном

различии (выделено мной – С.З.) юридического и философских подходов к основной проблеме (подразумевающей и охватывающей и все остальные, более частные проблемы) любой философии права: «Что такое право?» [9, стр. 17]. Т.е., если развивать мысль В.С. Нерсесянца дальше, то фактически получается, что у нас две разные научные дисциплины: философия права в философском подходе и философия права в юридическом подходе. Однако, как мы понимаем, это не так.

Напротив, сила и мощь философии права как раз заключается в ее двугранности, междисциплинарности. Сфера ее познания находится на стыке двух отраслей знаний философии и права. Такие научные пересечения в XIX и XX столетиях открыли широкий пласт для познания окружающего нас бытия. Никто не растаскивает по разным углам философию экономики, философию культуры, молекулярную микробиологию, физическую химию и т. д. и т. п. Если мы говорим о том, что философия права изучается юристами и философами с разных сторон, то тогда следует признать, что науки «философия права» в настоящий момент вообще нет: ее или физически нет либо она находится в стадии формирования. А есть отдельные направления в философии, интересующиеся правом. И кроме них есть отдельные теоретики права, рассматривающие в праве и основы философии.

Но такое мнение, судя по всему, не верно. Философия права есть и существует именно как междисциплинарная наука.

Приведенное не вполне точное суждение В.С. Нерсесянца, на наш взгляд, как раз и связано с неточным определением предмета науки философия права. Если говорить о предмете философии права только с позиции правоведения, что сейчас встречается достаточно часто, то мы действительно получим исключительно юридическую науку, причем несколько оторванную от философии. И такой отрыв будет прогрессировать. Что мы еще можем получить? Философия права в таком виде будет все более «погружаться» в юридические частности и нюансы, отходить от высокого – философского – осмысления правового бытия. Указанные процессы уже достаточно проявляются. Например, Ю.Г. Ершов вроде бы верно сказал о том, что философию права «мало интересуют

умозрительные конструкции, оторванные от реальных правовых процессов и явлений». Но из этого он сделал вывод, что философия права в этом смысле как бы «вырастает» на фундаменте всего юридического знания [4, стр. 9]. Такая точка зрения совершенно не выдерживает критики. Во-первых, это не так с исторической точки зрения: философия права «выросла» из философии, а не из юридических знаний. А во-вторых (главное), Ю.Г. Ершову, наверное, будет трудно оспорить то, что именно философия является основой других наук, в том числе юридических. Соответственно, именно на базе (или, если хотите, фундаменте) философии получаются юридические знания, изучается правовое бытие. И ни как не наоборот.

Философия не должна выступать для юристов неким красивым словом, прикрываясь которым можно писать о чем угодно. Если мы говорим о философии, то в данном случае, в первую очередь, подразумевается познание бытия. Философия права направлена на познание части бытия – правового бытия. То есть, предметом философии права является методология познания, гносеология, логика, этика правового бытия. Причем – основополагающие, фундаментальные, базисные, то есть именно философские проблемы правового бытия, а не оторванные от целого составные части.

Уже сейчас, при юридическом подходе, многие теоретики права, обозначая разницу между теорией государства и права и философией права, не находят четких и убедительных границ. Да при указанном подходе их и трудно найти. В.С. Нерсесянц пишет, что основной проблемой философии права является вопрос: что такое право? Но ведь познанием того, что такое право, занимается теория государства и права. Она же занимается и познанием его смысла, сущности, сути и т.д. Познанием права в человеческом бытии, помимо теории государства и права, в той или иной степени занимаются вообще все юридические науки. Для чего же тогда нужна философия права?

Отсюда вывод о том, что философию права нельзя превращать в чисто юридическую дисциплину. При отрыве от философских знаний философия права как юридическая дисциплина нужна не будет - ее заменят теория государства и права и, частично, социология права и некоторые другие юридические науки. В таком виде пропадет ее смысл и перед философией. Философия не будет

обогащаться от юридических знаний.

Аналогично можно посмотреть и с другой стороны. Если говорить о философии права исключительно в философском смысле, то такая наука не нужна юриспруденции. Она будет очень далека от объективных правовых реалий. При таком подходе мы откатимся до XIX века и всем известных диспутов, казалось бы давно разрешенных. О том, как рассматривали философию права с исключительно философских подходов больше века назад эмоционально написал Г.Ф. Шершеневич: «Философы превратили философию права в призрак философии, и вместо того, чтобы строить представление о праве и государстве, исходя из явлений действительности, открывающейся при изучении государственного устройства и государственного управления, содержания норм права и их осуществления при применении, философы хотят навязать правоведению свои представления, построенные вне всякого соприкосновения с данными действительной государственной и правовой жизни» [13, стр. 21].

Но если отодвинуть в сторону эмоций, то представляется, что при философском подходе к философии права, последняя не будет представлять интерес и для философов. Тем более что «чистая» философия все же изучает более глобальные проблемы (бытие, познание, место человека в мире и пр.). Философия права, с точки зрения «чистой» философии, представляет собой один из вопросов, лишь могущих рассматриваться при изучении бытия в целом. То есть, значимый, но вовсе не первостепенный вопрос.

Вместе с тем, В.С. Нерсесянц подходит к изучению философии права на философский и юридический, судя по всему, дифференцирует достаточно жестко. Так, он далее пишет, что в философии права как особой философской дисциплине познавательный интерес и исследовательское внимание сосредоточены главным образом на философской стороне дела, на демонстрации познавательных возможностей и эвристического потенциала определенной философской концепции права. Существенное значение при этом придается содержательной конкретизации соответствующей концепции применительно к особенностям данного объекта (права), его осмыслению, объяснению и освоению в понятийном языке данной концепции, в русле ее методологии и аксиологии. В концепциях же

философии права, разработанных с позиции юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Его философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении. Отсюда и преимущественный интерес к таким проблемам как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей и т. д. [9, стр. 18].

Как видим, вновь фактически речь идет не о единой науке, созданной на базе интеграции знаний, а о дисциплинах, имеющих совершенно различные предметные области. В единой науке столь ощутимая разница в предметах и подходах быть не может. То есть подспудно опять говорится о разных науках, четко разделенных между собой.

Иначе говоря, при таком подходе В.С. Нерсесянца получается, что никакой интеграции знаний между философией и юриспруденцией не было. Соответственно, не создана предметная область изучения философии права, не разработана ее методология. Значит, утверждать о том, что наука философия права существует, как минимум, преждевременно. Однако такой вывод противоречит объективной реальности и, кстати, самим же выводам В.С. Нерсесянца, который всегда считал, что указанная наука есть.

С.С. Алексеев, как и В.С. Нерсесянц, тоже написал, что к философии права можно подходить не только как к интегрированной области знаний, но и в качестве исконно-философской дисциплины, рассматривающей право под углом зрения определенной универсальной философской системы, как системы историко-философских разработок. Однако при этом подчеркнул, что свою работу по философии права он написал под углом зрения именно интегрированной области знаний. А по другому и не могло быть. Ведь, как верно заметил этот ученый далее, для философии права основой и отправным пунктом осмысления права является не действительность в целом, не «все бытие» (как это характерно при рассмотрении права в пределах универсальной философской системы), а действительность в тех пределах, в которых существует право [1, стр. 396-397].

Мы считаем, что надо отказаться от

классификации философии права на философию права «как особую философскую дисциплину» и философию права «как юридическую науку». Эта классификация, с научной точки зрения, представляется не точной и регressiveвой. Она напоминает известный анекдот о переименовании Российских железных дорог в Министерство под названием «туда» и Министерство «обратно».

Подход к философии права с философских позиций (с учетом динамики этой отрасли знаний) в настоящее время можно рассматривать лишь с исторической точки зрения. Философия права действительно возникла в недрах философии. Далее произошло накопление знаний о праве, как философских, так и юридических. Такое накопление, что, естественно, привело к диффузии знаний, переосмыслению предмета и в конечном счете образованию новой науки – философии права. Философия права, как и любая отпочковывающаяся от целого отрасль знаний, определенное время «боролась» за свою самостоятельность, разрабатывала свои научно-педагогические основы, получала общее признание в философской и юридической среде. В настоящее время – это признанная междисциплинарная самостоятельная наука, образованная в результате интеграции знаний философии и юриспруденции о праве и правовом бытии.

Философия «как мать всех наук» тем самым выполнила свою миссию перед юриспруденцией, «породив» новую важную научную дисциплину. Такой исторический эволюционный процесс типичен в науке в широком смысле этого слова.

Сейчас, как мы уже убедились, исключительно философский подход к философии права не нужен как юриспруденции, так и самой философии. Философию права не интересуют некие умозрительные модели и проекты, оторванные от правового бытия, правовых реалий. Философия права в своем развитии в познании правового бытия, по отношению к исключительно философскому пониманию, значительно ушла вперед и сформировалась как самостоятельная и самодостаточная наука.

Таким образом, следует признать, что философия права является междисциплинарной наукой и именно в таком виде ее необходимо воспринимать. Если из нее исключим либо неоценим любой из компонентов, данная наука перестанет существовать. При этом, что вполне

логично, что философия права больше изучается в юридических науках, на юридических, а не философских факультетах. Это обусловлено тем, что ее создание и предназначение заключается в философском обслуживании общей теории права и других юридических наук, разработке для них базисных проблем диалектики, гносеологии, этики и логики именно правового бытия. Философия права является главной связующей между юриспруденцией и философией.

Опасаться междисциплинарных наук совершенно не нужно. В настоящее время большинство серьезных научных открытий как раз связаны с интеграцией и диффузией научных знаний, даже казалось бы, несовместимых. Но если в физике, химии, медицине, биологии и др. они возможны, то почему они не возможны в праве?

Можно ли говорить о философии права как об одном из основных направлений общей теории права? Изучая ее в рамках юридических наук так говорить допустимо, но с обязательной оговоркой на философию. Т. е. речь должна идти не о сугубо правовом подходе к предмету, о котором писал В.С. Нерсесянц, когда «чистая» философия во многом остается за бортом исследований, а именно философско-правовом: диалектике, гносеологии, логике, этике правового бытия. Думается, что именно такой подход имел в виду Д.А. Керимов, видя предназначение философии права в философском обслуживании общей теории права и других юридических наук.

Вместе с тем, из предложенного Д.А. Керимовым определения философии права «выпала» этика. Право по своей сущности находится на страже добра. Проблема добра и зла является центральной проблемой этики. Учения о добре и зле, нравственности и безнравственности, морали, добродетели, справедливости, счастье и долг традиционно изучаются этикой как философской дисциплиной, но имеют важнейшее значение для философии права. Это означает, что философией права должен изучаться и этический аспект правового бытия. Этический взгляд позволяет оценивать право не только с формально-логических, гносеологических и диалектических позиций, но и нравственной, что особо важно для осмыслиения правового бытия. В правовом бытии было достаточно примеров, когда то, что столетия назад считалось нравственным, стало безнравственным, а то и преступным. И наоборот.

Философия права разрабатывает не только

диалектические, но и этические проблемы правового бытия, и своими знаниями об этической стороне права «питает» общую теорию права и все иные юридические науки**.

Связывая философию права с познавательной деятельностью, отметим, что если диалектика, гносеология и логика направлены непосредственно на познание, то этика как наука о высшем благе человека, о добре, выступает своеобразным методологическим ориентиром. То есть познание происходит не ради самого познания, а в конкретном направлении.

Именно этические ценности лежат в основе всех правовых концепций (ценность жизни, сознания, правды, свободы, воли и др.). И в этом смысле правовая этика осуществляет поиск идей, принципов, основ, регулирующих поведение человека, направляющих его поступки, устанавливающих критерии добра. Здесь же рассматриваются и основные проблемы применения таких моральных идей, принципов, основ в конкретных ситуациях, связанных с моральным выбором.

Процесс познания правового бытия без этики обедняет сам себя, теряет цели и ориентиры.

Таким образом, по нашему мнению, философию права можно определить следующим образом. Философия права, являясь междисциплинарной наукой, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии, логики и этики правового бытия и обслуживает как общую теорию права, так и другие юридические науки.

Надо сказать, что в предмет философии права были попытки включить и другие составные части: онтологию, аксиологию и др. Вместе с тем, представляется, что эти попытки достаточно спорны. Так, понятно, что онтология не может быть вне гносеологии, и, соответственно, наоборот. Однако мы согласны с Д.А. Керимовым, разделяющим социологию права и философию права, и считающим, что «водораздел» между ними проходит как раз по линии онтологического и гносеологического познания правовых объектов, явлений и процессов. Ф.В. Тарановский в этом смысле писал, что философия права «сводит философский элемент к так называемой гносеологии, т. е. теории познания, и полагает особую задачу философии права в исследовании особенностей теории познания правовых явлений» [10, стр. 10]. Р. Лукич рассматривал в предмете права аксиологию права. Правовая аксиология, по

его мнению, определяет, какие ценности являются правовыми, какова их природа и соотношение друг с другом и другими неправовыми ценностями [7, стр. 71]. Но философия права изучает не только ценности права. Рассмотрение философии права с позиций правовых ценностей достаточно узко.

Размышляя о современном состоянии науки, отметим, что в настоящее время стало отчетливо наблюдалось, что о феномене «право» пишут «возвыщенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д.

То есть, право стало идеализироваться. Однако если мы будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению естественных потребностей и прав – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. При этом применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» – выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство*** и ни как иначе.

Но такое понимание права односторонне, а значит не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании не получишь истинных знаний, к чему стремится любая наука.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего

срабатывает «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретя гипертофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок предаются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на поверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексивность философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если мы видим перспективы естественно-правовой теории в России как господствующей теории права на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем точно определить указанные философские категории – сложнейший философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике,

некультурной культуре и т. д.

Здесь следует сказать, что мы не являемся сторонниками позитивизма и не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять однобоко, односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные Б.Н. Ельциным в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признал перед отставкой и сам Б.Н. Ельцин. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокостиказалось бы вряд ли умещается в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т. д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А

поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей, их достоинства и их пороки.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым права более-менее понятно, то настоящее права напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее права достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых ныне концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Возможно, свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытии. Именно в таком случае нормы права могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость – есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимание справедливости не создано. Значит, под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости.

Если, конечно, такое в принципе возможно, так как человеческая природа противоречива, ментальность наций различна, вера отлична, условия жизни и труда не одинаковы, воспитание разное и т. д. и т. п. А если сюда приplusовать свойственные в той или иной степени всем

гордыню, тщеславие, зависть?

То же касается понятия «равенство». У каждого человека собственное понимание равенства и, соответственно, неравенства. И если в части политических прав все более-менее понятно, то в части собственности, экономического благополучия и, как следствие, возможностей есть глобальные проблемы. Такие проблемы в обозримом будущем вряд ли разрешатся. То есть, опять возникают вопросы: каким и для кого должно быть право? Может ли оно в одинаковой степени защищать экономическое равенство прав людей? В Западных странах, например, существуют вековые(!) традиции лоббирования проектов законов в интересах конкретных финансово-промышленных групп. Указанные фактически преступные действия с исповедуемыми в этих странах правовыми концепциями ни как не сочетаются. Аналогичные проявления лоббирования, коррумпированности парламента стали наблюдаться и в России. При этом создать правовую модель с равным учетом экономических интересов не удалось.

Изложенное в такой же степени относится и к такой категории как «свобода». В связи с этим, опять же трудно согласиться со специалистами, оценивающими современное право как форму свободы, равенства и справедливости в

общественной жизни людей. Современному обществу еще далеко до таких высот как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы.

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права.

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее – быть услышанным. Триединство – создать, рассказать, быть услышанным – научный идеал, подчас достижимый, нередко достижимый с опозданием, а иногда и не достижимый вовсе.

Подводя тонкую черту под нескончаемыми рассуждениями о предмете философии права повторим предлагаемое нами определение. Философия права, являясь междисциплинарной наукой, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии, логики и этики правового бытия и обслуживает как общую теорию права, так и другие юридические науки.

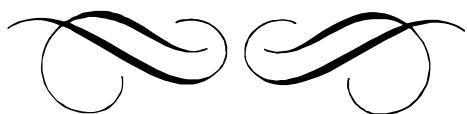
Примечания

- * Об этом же верно написал С.С. Алексеев: философско-правовой, интегрированный уровень научных знаний о праве выражен в формировании и развитии особой самодостаточной научной дисциплины, охватывающей как философию (по своим основам), так и правоведение (по своему основному содержанию) [2, стр. 3].
- ** В своих монографических работах нам приходилось неоднократно обращаться к философии права, рассуждая об этической стороне оперативно-розыскных мероприятий, связанных с негласным прослушиванием телефонных переговоров, негласным наблюдением, тайным обследованием жилых помещений, контролем почтовых отправлений, снятием информации с технических каналов связи и т. д.
- *** В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей [9, стр. 1].

Список литературы

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. – М., 1999.
2. Алексеев С.С. Философия права. – М., 1998.
3. Гегель. Философия права. – М., 1990.
4. Ершов Ю.Г. Философия права. – Екатеринбург, 1995.
5. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
6. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. В 3-х т. Т. 1. Социология права. – М., 2001.
7. Лукич Р. Методология права. – М., 1981.

8. Малахов В.П. Философия права. – М., 2008.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2011.
10. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. – Юрьев, 1917.
11. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911.
13. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. – М., 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный межстрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [7, стр. 15].
 - в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

2012, № 7

Подписано в печать 20.06.2012. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,0 уч.-изд. л.; 18,0 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 388.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
